

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-24 IX
Следопыт
3 • 4 • 1995

«СЛЕДОПЫТУ» — 60 ЛЕТ. ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С НАШИМИ ПЕРВЫМИ АВТОРАМИ
РОССИИ ЦАРСКОЙ ОРДЕНА
«ТАЙНЫЕ ЛЮДИ»: ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ СУПЕРАГЕНТА
НОВАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА
РАСТЕТ УРАЛЬСКИЙ ОГОРОД
ПАРУСНЫЙ ФЛОТ ЕКАТЕРИНБУРГА

ЗВЕЗДА, КРЕСТ И ЛЕНТА ОРДЕНА СВ. ЕКАТЕРИНЫ. Читайте на стр. 22 очерк И. НЕПЕИНА "ЗА ЛЮБОВЬ И ОТЕЧЕСТВО"

А. М. ПРОЗОРОВСКАЯ

А. А. МЕНЬШИКОВ

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Маргарита ГОРШКОВА
(художественный редактор),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Анна КОСТРИКОВА

Адрес редакции:

620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
Телефоны отделов:
224-501 (ФАНТАСТИКИ,
КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 80 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 29.05.95.
Подписано к печати 22.05.95.
Формат бумаги 84×108/16.
Бумага офсетная № 2.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,9
Уч.-изд. л. 16,2
Усл. кр.-отт. 11,76
Тираж 19 500
Заказ № 220.

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
редакции журнала "Уральский следопыт"
Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП "Уральский рабочий"
620210, Екатеринбург, ул. Турганева, 13

На 1, 3 и 4 стр. обложки слайды
Николая ПЕРЕВЫШИНА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1995 г.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

3-4 •••• 95

В НОМЕРЕ:

Первый номер «Следопыта» — первые авторы Юний ГОРБУНОВ	2
«За любовь и Отечество» Игорь НЕПЕИН	7
Тайные люди. Приключенческая повесть. Продолжение Андрей ИЛЬИН	9
Журнал в журнале «Аэлита»	
Лето кончится не скоро. Повесть Владислав КРАПИВИН	23
Тайные люди. Приключенческая повесть. Продолжение Андрей ИЛЬИН	75
Яхтенный город Екатеринбург Игорь ЧЕРНОВ	93
Шпинат Александр СЕМЕНИН	95
Раз жетон, два жетон Ольга КОЛПАКОВА	96

Дорогие друзья, читатели «Следопыта»!

До последнего момента мы не хотели идти на такой нежеланный для нас шаг, как выпуск сдвоенного № 3-4 за 1995 год. Мы понимали свою вину за постоянные задержки с выходом журнала в 1993-94 гг. Хотя часть этой вины, безусловно, нужно отнести на счет общего тяжелого положения в стране. Ценой невероятных усилий нам удалось дополнительно добыть толику денег, и с их помощью мы надеялись обеспечить стабильную жизнь «Следопыта» в 1995 году. А с целью компенсации неудобств, доставленных нами подписчикам, мы оставили на II полугодие 1995 года прежнюю подписную цену.

Но, как говорится, мы предполагаем, а наверху располагают. Случилась беда: лопнул банк, на счету которого находились наши и ваши с таким трудом добытые деньги.

Мы до последнего надеялись — этим и объясняется задержка с выходом журнала в 1995 году, — что нам не придется сдаивать новые номера. И хотя мы сделали все возможное — подали в суд, зарабатываем новые деньги... — но далее не можем задерживать выход «Следопыта». И потому вынуждены пойти на выпуск сдвоенного номера. С горьким сожалением отметим, что не нашли помощи у многих людей — сегодняшних коммерсантов и представителей власти, — которые в прежние годы с гордостью объявляли себя друзьями «Уральского следопыта»...

Что поделаешь, «Следопыт», как и вы, дорогие друзья, открыт всем ветрам. Просим у вас прощения за принесенные неприятности и обещаем, что выстоим и останемся с вами.

С искренним уважением, редакция

УЧРЕДИТЕЛИ —

СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ РФ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ

Юний ГОРБУНОВ

«СЛЕДОПЫТЫ» ТРИДЦАТЬ ПЯТОГО

ЮБИЛЕЙНАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

ЧЕТВЕРО В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СНУККИ

Летом 1935 года с речного причала базы ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий) вышло судно под флагом журнала «Уральский следопыт». Это была вместительная лодка-плоскодонка с экипажем из четырех человек.

Первым из тех четверых был редактор журнала Владимир Алексеевич Попов-Штарк (судовая кличка «Кук»). Почему «Кук»? Потому что в лице В.А. Попова журнал имел неутомимого организатора и вдохновителя всевозможных путешествий. Это он — сын московского корректора (Попов) и некой немки Минны (Штарк) стал в 1935 году основателем и редактором нашего журнала. Но сам, похоже, путешествовал впервые и воспринимал окружающее с восторгом и непосредственностью ребенка.

Куда более опытным в экипаже слыл уже известный тогда писатель-приключенец Михаил Ефимович Зуев-Ордынец (в просторечии — «автор»). Команда поручила ему после плавания написать для журнала путевой очерк. Он и был написан и под заголовком «По быстрой воде» напечатан в № 8 «Уральского следопыта» 1935 года.

Третьим в команде был 24-летний фотокорреспондент Борис Рябинин (на судне звался просто «начальник», потому что явился практическим организатором экспедиции). Для известного уральского писателя работа в «Следопыте» у Попова была, что называется, первым плаванием. Там появились его первые фотоэтюды и фотоочерки, там он научился «держаться перо». Свердловчане помнят неутомимого писателя Рябинина — обаятельного с друзьями и непримиримого с противниками, вечно нацеленного на работу, общение, неустанного борца за спасение и сохранение живой природы; помнят и читают его книги и, особенно, едва ли не всей стране известные рассказы о собаках. Он до конца жизни оставался другом и автором нашего журнала, в

любую минуту готовым в самое рискованное плавание.

Наконец, четвертым на судне «Уральский следопыт» был кормилец и связной с аборигенами Рафаил Иосифович Рабинович (судовая кличка «дядя Раф»). Ныне это известный на Урале агроном и краевед, автор множества полезнейших статей, брошюр и книг по сельскому хозяйству и очень интересной монографии о Н.В. Мешкове, уральском промышленнике и меценате. К Рафаилу Иосифовичу вы и сегодня можете зайти или позвонить. Значит, соврать он мне не даст.

Был, впрочем, и пятый член экипажа — представитель «военизированной охраны» эрдельтерьер Снукки (Однажды, задремав, он нечаянно свалился в воду. «Человек за бортом!» — раздалось на корабле). О личности и судьбе Снукки нам, к сожалению, ничего не известно.

Вышеупомянутый причал находился на реке Чусовой в районе поселения Уткинская Слобода, на скалах, именуемых «Собачья Ребра» — в 70 километрах от Екатеринбурга. На той самой уральской красавице — Чусовой, которую с незапамятных времен ревниво охраняют могучие скалы-бойцы. Во времена легендарных Демидовых провести по реке барку, груженую слитками металла, удавалось только опытным и удачливым речным шкиперам. Сколько того металла и человеческих костяков покоится на дне реки, знают, наверно, только сами молчаливые скалы-бойцы.

Вот по этой реке судну «Уральский следопыт» предстояло проплыть 355 километров — от Уткинской Слободы до Чусовского завода, что в соседней Пермской области.

Началась экспедиция с маленького курьеза. От железнодорожной станции Коуровка до базы ОПТЭ экипажу пришлось добираться на подводе, влекомой шустрой лошадежкой. В Слободу пыльная улица сползла к ленивой воде, которую лошадежка перебрела, не замочив колесных осей.

— Что за речушка? — спросил без интереса Кук.

В.А. Попов-Штарк

— Чусова, — ответил коротко крестьянин-возница.

Вот до этих пор все у меня на бумаге шло как следует. И вдруг на какой-то строке щелкнуло — то ли во мне, то ли в ручке, дымком слегка потянуло, замельтешило на «экране», и пошли по нему причудливые видения, иной раз перемежающиеся реальными картинками. Словом, началась, прошу прощенья, легкая фантазмагория.

Утлая плоскодонка под самодельным вымпелом обратилась вдруг в судно «Уральский следопыт» со всеми атрибутами океанской бригаантины. На ее палубе и ряях замельтешили, кроме уже знакомых, новые лица. И некоторые были удивительно знакомы, хотя — голову на отсечение — я видел их впервые.

Вон на головокружительной высоте, рискованно цепляясь за веревки вант-трапа, кому-то машет юнга. Ба, да это же Толя, то бишь Анатолий Матвеевич Климов! Его рассказы о труде и быте народов Севера нередко появлялись на страницах «Уральского следопыта» тридцать пятого года.

А кто это у штурвала — держит курс красавицы-бригантины? Несомненно, бесстрашный и всегда собранный Юра Бессонов, он же Юрий Николаевич, чья фотография, помнится, мелькнула в одном из первых номеров «Следопыта»-35, предвворяя рассказ «Цветок папоротника».

Или вон на палубе матрос спортивного вида — тоже знакомое лицо. Похоже, что это Вильгельм Александрович Вогау.

Под всеми парусами мчит бригантина «Уральский следопыт» образца тридцать пятого года. Сильный попутный ветер еще не обещает ей штормов, и лица «флибустьеров» молоды и светлы. Но мы-то с вами знаем, как переменчива и непредсказуема погода в том временном пространстве, куда держит путь наш беспечный парусник.

ОДИССЕЯ «КАПИТАНА КУКА»

«Капитан Кук» был человеком неординарным. Но вот ведь какие случаются чудеса: попробуйте-ка где-то что-то прочитать о Попове. Пустые будут хлопоты. Похоже, единственным его благодарным биографом стал Б.С. Рябинин в его мемуарной книге «Ушедшее — живущее». Ею мы и воспользуемся. Так вот, еще у издателя И.Д. Сытина Владимир Алексеевич редактировал журналы «Мирок» и «Вокруг света». И в том «Мирке», по слухам, впервые напечатал стихи Сергея Есенина.

Он же готовил к изданию — приложением к журналу «Вокруг света» — собрания сочинений приключен-

цев мирового масштаба: Жюль Верна, Майна Рида, Луи Жаколио, Буссенара, а также Виктора Гюго, Сельмы Лагерлеф, Сетона-Томпсона, Фламариона, Эдгара По... В 1914 году лично ездил для этого в Варшаву к Генрику Сенкевичу и потом до конца жизни берег его портрет с автографом...

Уже в советское время В.А. Попов стоял у штурвала первого нашего приключенческого журнала «Всемирный следопыт», собрав под его парусами многих замечатель-

ных писателей. Бывали в «Следопыте» знаток уссурийской тайги Владимир Арсеньев, полярник Георгий Ушаков, писатель Михаил Пришвин... Там впервые увидела свет повесть А. Беляева «Голова профессора Доуэля».

А когда заштормило, и журнал в начале тридцатых закрыли, Владимир Алексеевич не опустил руки, а оказавшись на Урале, занялся здесь «Уральский следопыт».

Новый журнал удивительно быстро оброс авторами. Это было, пожалуй, главное достоинство «капитана Кука» — моментально заводиться командой, притягивать к себе интересных, творческих людей, побуждать их братья за перо.

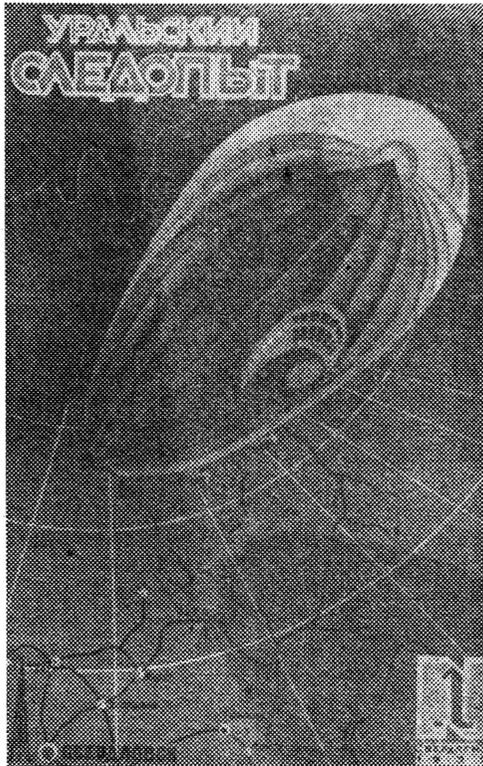
В тесной комнатке издательства, что располагалось в Банковском переулке (здесь ныне громоздится ЦУМ), затолкался самый разношерстный народ: охотовед В. Винницкий, гидробиолог Татьяна Раухвергер, садовод Д. Казанцев, геолог Ф. Тарханеев, инженер, строитель дирижаблей Ф. Ассберг, «уральский Брэм» Е. Шлезигер... И все они, сами себе удивляясь, что-

то писали и несли «капитану». Он так умел удивиться, оценить, прийти в восторг!

В новую затею «капитана Кука» — «Уральский следопыт» — сразу поверили и стали слать рассказы тот же Зуев-Ордынец, Александр Беляев, Виталий Бианки, молодой, но уже популярный писатель Анатолий Климов.

Попов был истинным искателем, путешественником, исследователем — с той лишь малюсенькой особенностью, что искал, путешествовал, исследовал, не вставая из-за своего письменного стола.

За столом осуществлял он бесконечные журнальные затеи: географическую викторину «Следопыта» — миниатюрные рассказы-загадки, которые в большинстве своем выдумывал и писал сам; путешествие по книгам и газетам, когда, вооружившись ножницами, искал для журнала новинки и открытия. Так появлялись то отрывок свежего романа Вяч. Шишкова, то новоиспеченный бажовский сказ. Здесь, за столом, в плотном окружении журналист-

Обложка первого номера «Уральского следопыта»

ской братии, мысленно шел он по следам Витуса Беринга и его соратников — писал историко-географический рассказ «Командор Бобрового моря» («УС», 1935, № 1).

При всем этом деликатнейшим человеком был «капитан Кук»: в трамвай войдет последним, всегда предложит собеседнику стул, ни при каких обстоятельствах не нарушит слова...

Удивительно много успел он сделать за неполный год существования «Уральского следопыта» тридцать пятого года. Ведь вышло только девять номеров...

Шторм не утихал, а шел к своему апогею.

Лишившись и второго детища, «капитан Кук» не упал духом. Он берется за издание «Уральской библиотеки занимательного краеведения». Его стараниями появляются на белый свет книги «Урал медный», «Урал железный», «Рассказы о золоте», «С ружьем и капканом», «Народы северного Урала», «Горючий камень»... Еще и еще. Попробуйте найти эти книжки сейчас — они великая ценность на полке знатоков края.

Но и «Библиотека...» издавалась недолго.

Кажется, «капитан» сделал попытку поднять паруса «Следопыта» в Казахстане... И наконец вернулся в Москву. Нам неизвестно, какой была дальнейшая его жизнь. Так и хочется привести отрывок из очерка о Витусе Беринге: «К тому времени, когда «Петра» несло к берегам этой земли, все ванты на нем были перебиты, и никакое управление парусами невозможно. Якорь бросили прямо у открытого каменистого берега, совершенно непригодного для стоянки судна. Немудрено поэтому, что якорный канат сейчас же лопнул, и судно понесло на камни...»

Жизнь В.А. Попова-Штарка оборвалась в 1942 году — его сбила машина на затемненной улице Москвы, когда он шел куда-то в надежде подкормиться...

НЕ ТОЛЬКО ТРАВА ЗАБВЕНИЯ

О Михаиле Ефимовиче Зуеве-Ордынце хочется написать то, что не многие о нем знают.

Не издаются теперь его книги: «Сказание о граде Ново-Китеже», «Возмутители», «Гул пустыни», рассказы, некогда украшавшие журналы «Всемирный следопыт», «Вокруг света». Революционная романтика, увлекательная история страны, путешествия... Печатались они и в «Уральском следопыте»-35. Советская, надо сказать, приключенческая классика.

В редких и коротеньких сведениях о нем в справочниках и энциклопедиях то и дело обнаруживаешь какой-то зияющий провал. Жил, писал, печатался — и вдруг исчез. В 1937-м выходит «Хлопушин поиск»,

а потом в 1957 — «Вторая весна». На двадцать лет как в летаргический сон провалился.

С надеждой листаю мемуарную книгу Рябинина: «Ну же, Борис Степанович!» Но нет — опять провал в биографии, даже без каких-либо намеков.

И вдруг однажды попал мне в руки пермский литературный сборник «Пульс-89». Листаю. Мелькнуло знакомое имя, а под ним... «Личное дело № 179888 (записки зека)» Вот оно какое оказалось — последнее произведение Зуева-Ордынца! (Публикацию подготовила работница Пермского книжного издательства А.Г. Зевзеева).

Арест 10 апреля 1937 года его, участника Гражданской и несправимого романтика революции, — это ли не фантазматическая наша советская действительность?!

А то, что последовало за арестом...

В дневнике «врага народа» следователь Лещенко, к полному своему удовольствию, обнаружил такую вот эпиграмму, сказанную кем-то в писательской столовой пять лет назад:

Слева направо: Кук, автор, Раф.

По мановению восточного сатрапа —
Не стало РАППа,
Но не ликуй, презренный раб,
Ведь жив сатрап!!!

«Полдела сделано», — возликовал следователь, потирая руки. А на первом допросе, предложив арестованному чай и конфеты «раковая шейка», возмутился:

— Писа-а-атели! Советские люди на них молятся, а они... — И буднично задал вопросы: — От кого услышали? Его фамилия? Фамилии всех, слышавших эпиграмму? Особо тех, кто одобрил и пришел в восторг. Словом, — подытожил он, — называйте всю вашу банду.

Потом были предложены и нужные следователю имена: поэт Борис Корнилов, литератор Сергей Колбасьев — друзья арестованного.

А когда фамилий не последовало, Лещенко схватил лежавший на столе том Большой советской энциклопедии и стал колотить арестованного корешком книги по голове, тыкать в лицо. Упал стакан с чаем, разлетелись «раковые шейки»...

Так было второй, третий, четвертый раз. Один и тот же том БСЭ первого издания — «А-АКОНИТ». В переплете наполовину темно-зеленом, наполовину красном. Сколько раз «следопыт» Зуев-Ордынец пользовался им в библиотеке! И могла ли присниться ему, даже в кошмарном сне, такая вот фантазматическая?

Не менее фантастично было и то, что общая камера следственной тюрьмы НКВД (на Шпалерной улице в Ленинграде), откуда «тягачи» каждый вечер уводили на допрос оче-

стрелять буду, а ежели кто что задумал, поймите в виду — за одного десять ответят...»

Это строки из рассказа Юрия Бессонова «Невольное путешествие» («УС», 1935, № 6). Отступая из Екатеринбурга, белые уводили с собой и обитателей местной тюрьмы.

Наверно, не раз заключенный ГУЛАГа Бессонов потом вспоминал это свое «Невольное путешествие» и горько усмехался крамольной мысли о том, что все на этой круглой Земле возвращается на крути своя...

Два его рассказа появились тогда на страницах журнала и оба стали украшением «Следопыта». Язык, увлекательные сюжеты, знание автором жизни — все выдавало незаурядное перо.

Культура слова и мысли лежала глубоко в натуре этого человека. По матери Юрий Николаевич Бессонов был двоюродным братом композитора Д.Д. Шостаковича. Их деда по случаю польского восстания 1863 года сослали в Сибирь, и он какое-то время жил в Екатеринбурге. Сюда, к деду, после смерти матери и привезли пятилетнего Юрия.

Из него вырос во многих отношениях человек незаурядный, ни в какой ситуации не терявший достоинства. С 16 лет он на германской войне, награжден за отвагу Георгиевской шапкой. А в семнадцатом вместе с артполком поручик Бессонов переходит на сторону Советов. 10 лет отдал Красной Армии, став командиром полка. К Георгиевской шапке прибавился орден Красного Знамени.

А когда стало сдавать здоровье, выбрал писательскую

стезю. И не затерялся среди писателей. Его рассказы охотно печатали «Вокруг света», «Борьба миров», «Красная новь».

Снова оказавшись в Свердловске в тридцать втором, он сближается с Бажовым и по его совету год работает на ВИЗе, записывая одновременно рассказы рабочих. Его книга «На фронте и в тылу» издана в серии «История фабрик и заводов».

Сам В.А. Попов-Штарк называет Ю.Н. Бессонова инициатором возрождения «Следопыта» в Свердловске.

Год 1937-й никак не мог пройти мимо такой яркой личности, как Бессонов. Но и здесь, в ГУЛАГе, Юрий Николаевич, похоже, не слился с общей массой. В 42-м ему каким-то образом удалось попасть на фронт рядовым минометчиком — многие из гулаговцев могли об этом только мечтать. Наверно, на весах судьбы перетянул опыт боевого офицера.

Как рассказывает однополчанин Бессонова (см.: «УС», 1991, № 1, с. 15; 1992, № 2, с. 8), вчерашний гулаговец так мастерски провел расчет артогна на днепровской переправе, что дивизия понесла самые минимальные потери. Бессонову присвоили звание лейтенанта (т.е. опять поручика). Затем он отличился в наступле-

нии под Корсунь-Шевченковским.

На фронт Бессонову П.П. Бажов посылает свою «Малахитовую шкатулку».

После войны Юрий Бессонов опять взял в руки перо. Он умер в июне 58-го над рукописью незавершенного романа.

Ю.Н. Бессонов

Фоторепродукция Николая ПЕРЕВЫШИНА

«АНАЛОГ» Научная фантастика

В 1995 году в России начал выходить новый ежемесячный фантастический журнал. Он будет базироваться на материалах двух самых знаменитых и популярных научно-фантастических журналов Америки — «Аналог» и «Журнал научной фантастики Айзека Азимова».

Они представляют нам самый современный лик фантастики и во многом диктуют моду.

Знаменитые авторы считают за честь печатать в них свои произведения.

В журнале планируются публикации последней работы мастера фантастики Роджера ЖЕЛЕЗНЫ, а также менее знакомых нам, но не менее великих Джина ВУЛФА, Джона ВАРЛИ

Джорджа МАРТИНА, законодателя киберпанка Брюса СТЕРЛИНГА и Орсона Скотта КАРДА, который признан сейчас лучшим современным автором фантастики.

«Аналог» прежде всего интересен тем, что будет представлять только новое.

Кроме того, в каждом номере — новости, мнения, комментарии.

Объем — 250-320 страниц, формат 60x90 1/16, ориентировочный тираж — 5 тысяч экземпляров. Чтобы подписаться на «Аналог», нужно отправить открытку по адресу: 195257, Санкт-Петербург, а/я 144. В открытке необходимо указать свои фамилию, имя, отчество и обратный адрес.

Каталог и условия подписки будут высланы вам по почте за счет издательства.

Игорь НЕПЕИН

«ЗА ЛЮБОВЬ И ОТЕЧЕСТВО»

(ОРДЕН СВ. ЕКАТЕРИНЫ)

Для людей XVIII века, которые твердо верили, что «Петр дал нам тело, а Екатерина душу», характерны сказочные взлеты и падения.

Вспомним хотя бы судьбу А.Д. Меншикова. Пирожник стал светлейшим князем, генералиссимусом, а закончил свои дни в глухом городке Тобольской губернии — Березове.

Еще более уникален жизненный путь второй супруги Петра Великого — Екатерины I (1684-1727), императрицы Всероссийской. Именно в ее честь и был учрежден единственный в России «женский» орден — Св. Екатерины, или Освобождения.

Она происходила из семьи литовского крестьянина Скавронского (по другим данным, Василевского) и звалась Мартой. Жила в Мариенбурге и служила нянькой в семье пастора Глюка. В августе 1702 года город был взят русскими войсками. Марта попала в плен и вскоре оказалась в услужении у фельдмаршала Б.П. Шереметева, который командовал войсками, штурмовавшими город. Затем она оказывается «на попечении» у ближайшего сподвижника Петра А.Д. Меншикова, а уже от него попадает в руки к самому царю.

В 1705 году 23-летняя «Катерина Веселевская» — так называл ее Петр — была перевезена к нему, а в 1706-м приняла православие и стала прозваться Екатериной.

Еще через шесть лет она объявлена женой государя, и с этого времени на конвертах, отправляемых на ее имя, царь пишет: «Государыне царице Екатерине Алексеевне». 7 мая 1724 года Екатерина коронована в Москве императорской короной.

После смерти Петра Великого, 28 января 1725 года Екатерина становится самодержавной императрицей под именем Екатерины I и открывает собой целую галерею женщин на троне Российской империи, которые правят Россией почти на протяжении всего оставшегося XVIII века.

В одном из юбилейных изданий, посвященных трехсотлетию дома Романовых, читаем: «Для Петра в этой простой и неграмотной женщине была какая-то притягательная сила. Она одна обладала искусством успокаивать своего вспыльчивого супруга, страшного в гневе. Однажды она оказала громадную услугу государству, о которой Петр часто любил вспоминать. Это было во время неудачного турецкого похода Петра, когда на Пруте русская

армия оказалась окруженной турецкими войсками. Перед Петром было два выхода: или сдать визирю со всей армией, или погибнуть. Когда царь сидел в палатке и раздумывал, что предпринять, к нему вошла Екатерина и предложила попробовать соблазнить визиря на выгодный для России мир дорогими подарками. Для этого она готова была отдать все свои драгоценности. План оказался очень удачным. Визирь не устоял перед подарками и согласился на довольно легкие для России мирные условия».

В память этих событий и был учрежден новый орден, первоначально получивший название ордена «Освобождения». При жизни Петра этой награды была удостоена только Екатерина Алексеевна. Сохранился ее портрет с лентой и звездой ордена работы французского художника Ж.М. Наттье.

Орден имел две степени — большого креста и малого. Он давался редко, гораздо реже, чем орден Андрея Первозванного. Большой крест, кроме особ царской крови, могли одновременно иметь лишь 12 русских дам из ближайшего окружения императриц, а малый крест — 94 кавалерственные дамы, включая иностранных.

По статусу ордена 1797 года все великие княжны получали знаки ордена при крещении, а княжны императорской крови — по достижении совершеннолетия. Что же касается прочих награжденных, то им орден вручался чаще всего «во внимание к заслугам» мужа.

Знаки ордена — большие и малые кресты — отличались только размерами. Овальный медальон с изображением св. Екатерины малого креста был украшен алмазами, большого — бриллиантами. Сидящая Екатерина держит в руках большой белый крест, между концами которого латинские буквы — первые буквы слов: «Господи, спаси царя».

К знакам ордена относится также и звезда — восьмиугольная, осыпанная драгоценными камнями. В центре круга по красному полю орденский девиз: «За любовь и отечество».

Лента носилась через правое плечо, звезда на левой стороне груди. Знак второй степени носился на груди, слева.

На портретах представительниц русской знати XVIII-начала XX вв. мы видим знаки ордена Екатерины и красные черезплечные ленты с серебряной каймой по обеим сторонам. Имена некогда знат-

нейших особ мало что говорят современному человеку. Больше скажет имя художника, написавшего тот или иной портрет. Вот несколько примеров.

В 1816 году художнику К.Х. Рейхелю позирует княгиня Анна Михайловна Прозоровская, урожденная княжна Волконская, супруга фельдмаршала А.А. Прозоровского. Кто ее помнит сейчас? А имя художника знают многие.

Русский живописец, гравер, миниатюрист Карл Христиан Рейхель (1788-1857) с золотой медалью окончил Академию художеств. Был женат на падчерице декабриста А.П. Юшневского. В Новгороде встречался с А.И. Герценом и написал два его портрета.

Петр III пожаловал орден Св. Екатерины обергофмейстерине (высшее женское звание при дворе) Анне Карловне Воронцовой (урожденной Славронской), двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны, супруге Михаила Илларионовича Воронцова, канцлера империи при Елизавете. Но несмотря на ее титул и родство с императорским домом, в настоящее время она прочно забыта. Но сохранился и дошел до наших дней ее портрет работы замечательного русского художника А.П. Антропова, исполненный им в 60-е годы XVIII века.

Екатерина Николаевна Орлова (урожденная Зиновьева) — супруга князя Григория Григорьевича Орлова, одного из главных участников дворцового переворота летом 1762 года, возведшего на престол Екатерину II. Ее имя сохранилось тоже благодаря русскому художнику второй половины XVIII века — Ф.С. Рокотову.

Среди работ другого русского художника, В.Л. Боровиковского, есть портрет кавалерственной дамы Софьи Александровны Раевской (урожденной Константиновой). Это жена героя 1812 года генерала Н.Н. Раевского, внука М.В. Ломоносова. Портрет написан в 1813 году. Их дети оставили заметный след в русской истории: дочь Мария Николаевна Волконская была супругой генерала, а потом декабриста С.Г. Волконского. И муж, и жена оставили интересные «Записки». Ее сестра Екатерина Николаевна (в замужестве Орлова) была женой другого генерала, «декабриста без декабря» М.Ф. Орлова.

А вот Екатерина Романовна Дашкова сумела сама, без помощи художников, донести до нас свое имя. Она стояла во главе двух русских академий: была директором Академии наук и президентом Российской академии, объединявшей тогда крупнейшие литературные силы страны.

Но орден Св. Екатерины Дашкова получила не за деятельность на ниве наук и просвещения, а за участие в перевороте 1762 года, в результате которого Екатерина II взойшла на высшую ступень власти. Свою роль в данном предприятии Дашкова была склонна преувеличивать и идеализировать.

В воспоминаниях, изданных Герценом под названием «Записки княгини Дашковой», честолюбивая, разочарованная в жизни княгиня так описывает вручение ей ордена Екатериной II:

«Ну ладно, — прибавила она (Екатерина II — И.Н.), — дело кончено; мое замечание относится к вашей торопливости, а это за ваши услуги » — и повесила мне екатерининскую ленту на плечо. Вместо того, чтоб принять ее на коленях, я возразила: «Простите мне, государыня: я думаю, что уже настало время, когда истина должна быть прогнана от вас; позвольте мне, однако ж, сказать, что я не могу принять этого отличия: как простым украшением я не дорожу им; как награда оно не стоит ничего для меня, которой заслуги, хотя и оценены некоторыми, но никогда не продавались и не будут продаваться с торгу».

Остается сказать еще о двух дамах, награжденных орденом Св. Екатерины в первой половине XIX века. Первая — это Наталья Петровна Голицына, княгиня, урожденная графиня Чернышева. Существует версия, что ее родным дедом был венецианский преобразователь России Петр Великий. Княгиня послужила А.С. Пушкину прототипом Пиковой дамы. 7 апреля 1834 года он записал в «Дневнике»: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...»

На коронацию Александр I пожаловал княгине орден Св. Екатерины. Но этому предшествовал следующий эпизод. Сначала орден был вручен не ей, а ее дочери Софье Владимировне — супруге графа П.А. Строганова, друга юности Александра I.

Молодая графиня вернула орден со словами, что не примет награду до тех пор, пока такой же орден не будет пожалован ее матери. Императору пришлось одновременно наградить и мать, и дочь.

В истории награждения орденом Св. Екатерины есть весьма курьезный случай, когда орден получил мужчина. Им стал сын князя А.Д. Меншикова — Александр, награжденный в отроческом возрасте, за необычайно застенчивый «женский» характер. Сохранился портрет князя-отрока с екатерининской лентой.

После крушения своего отца он был отправлен вместе с ним в ссылку. Орден у князя изъял император Петр II и передал своей сестре Наталье Алексеевне.

Отметим, что до наших дней дошел Екатерининский зал в Большом Кремлевском дворце.

На снимках (на 2-й стр. обложки) :

1. Звезда, крест и лента ордена Св. Екатерины.
2. Анна Михайловна Прозоровская (1732-1800). Художник К.Х. Рейхель. 1816.
3. А.А. Меншиков, кавалер ордена Св. Екатерины. Портрет работы неизвестного художника.

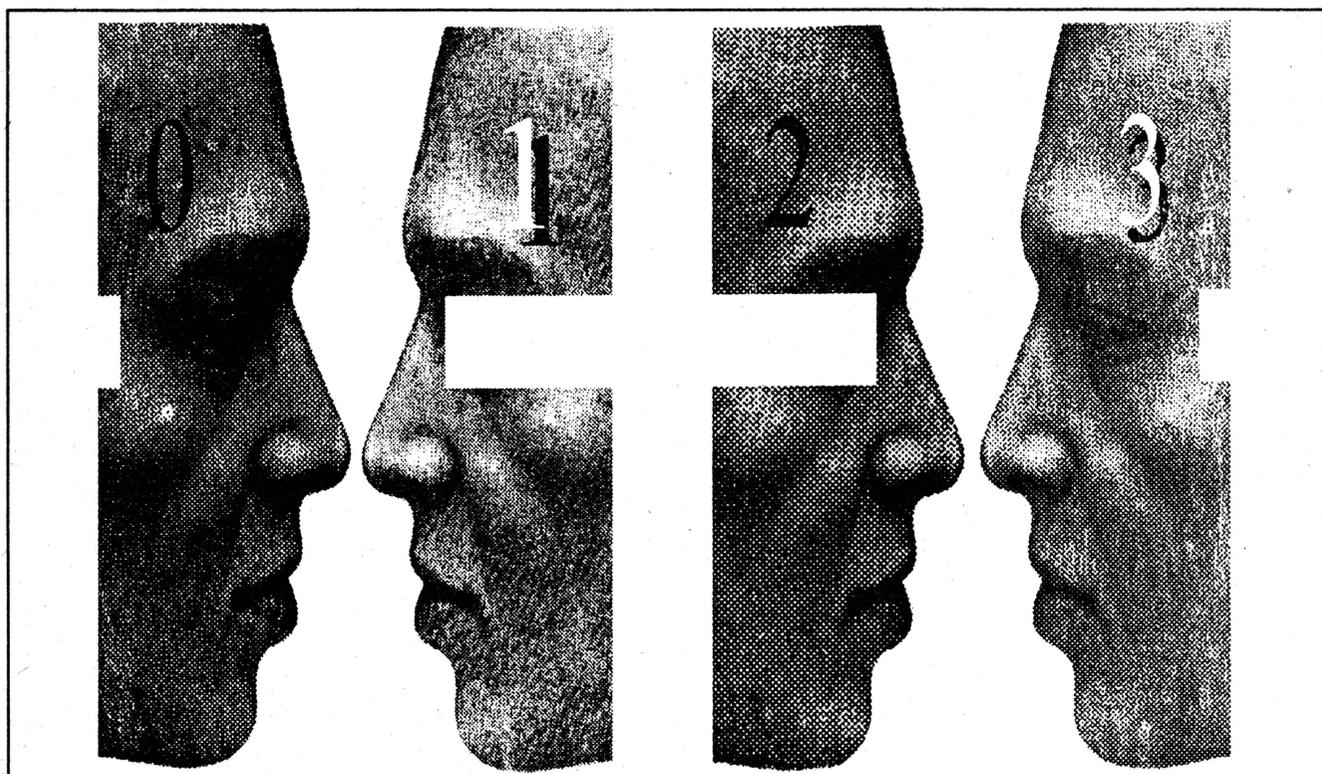
Андрей ИЛЬИН

ТАЙНЫЕ ЛЮДИ

ЗАПИСКИ НЕВИДИМКИ.

ПОВЕСТЬ

Оформление Сергея ГРИГОРЬКИНА

Запись III. Первое дело

Распределили меня в отдел статистики и аналитических исследований межрегионального центра по изучению вопросов...

— Не напрягайтесь, название вам ничего не скажет. Это только крыша,—предупредил меня начальник отдела (а кто на самом деле — мелкий клерк или полный генерал, то лишь ему ведомо да высшему начальству). С таким же успехом мы мог-

ли бы назваться лабораторией парапсихологических изысков или ансамблем исполнителей на тайваньских губных гармониках. На самом деле мы — внутренняя разведка.

Ну, не ерунда? Разве может быть разведка внутри? Против кого? За кого? Разведка — это когда мы и они. А когда только мы? Драка с самим собой?

— Понимаю разочарование. Вы мечтали о внешней разведке. Дальние страны, экзотические города, вербовки! Не работа, а прямо приключенческий роман! Причем не из самых опасных. Да-да. Между-

---

Продолжение. Начало в № № 1, 2

народный шпионаж — явление общепризнанное, со своими сложившимися законами, традициями, негласным кодексом чести, признаваемыми всеми сторонами. Провалившегося разведчика можно выслать, обменять, осудить по не самым жестоким законам демократического общества, амнистировать, наконец, перевербовать. Нас некуда высылать, потому что мы дома, нас не на кого обменивать, невозможно амнистировать, так как трудно подвергнуть официальному суду. Нас можно только уничтожить!

Всякий, кто прочитал хоть одну приключенческую книгу или увидел один шпионский фильм, знает, что такое внешний разведчик. Но ни единый человек не слышал, что разведчики работают не только за рубежами Родины. О нашей службе догадываются единицы, знают доподлинно два-три человека во всей стране. Мы невидимки среди невидимок. Обычных разведчиков поддерживает всей своей мощью и авторитетом государство, давшее задание. Мы работаем практически на свой страх и риск. Разведчиков тысячи — нас наберется едва ли три десятка!

— Но что можно разведывать в собственной стране?

— Всякое государство неоднородно. Это только на картах они красятся одной краской. На самом деле каждый цвет имеет сотни оттенков! В рамках внешних границ существуют административное и национальное деление, силовые институты, политические течения, религиозные сообщества, официальная, полуполюгальная и нелегальная оппозиция, экономические союзы, мафиозные и мелкопреступные кланы и пр. и т.п., которые неизбежно взаимодействуют друг с другом, заключают союзы, конфликтуют, воюют, делят сферы влияния. Любая, даже самая благополучная страна пронизана изнутри токами высокого напряжения. Чуть зазевайся — и неизбежно короткое замыкание. Далеко не всегда государство может защищаться от внутренней угрозы в рамках действующего закона, и тогда, для решения особо конфиденциальных задач, обращаются к нашей помощи.

Нет, все-таки не понял.

— Поясню на доступных примерах.

Он еще и мысли читает?

— Представим: удаленный от центра географический район, со своей исполнительной властью, силовыми и вспомогательными структурами, попадает под контроль мафиозного, этнического, религиозного или еще какого-нибудь клана, то есть в администрацию, МВД, КГБ, прокуратуру посажены свои люди. Неудобные или неподчинившиеся сотрудиники тем или иным способом убираются, наверх выдаются бравурно-оптимистические рапорты. Неблагополучная информация блокируется. Любые проверки и комиссии из центра получают заранее подготовленные, правдоподобно составленные, удобные всем отчеты, а если желают копнуть вглубь, натываются на непробиваемо-мол-

чаливую стену круговой поруки. Выйти напрямую на людей, способных что-то разъяснить, они не могут, так как получение информации, контакты, передвижения, каждый вздох и взгляд обеспечиваются, а правильное сказать, лимитируются теми же властными структурами, на которые копаются компромат. Не будут же они подставляться, работая против самих себя! Круг официальных возможностей замкнулся. Узнать правду невозможно. Остаются методы тайной войны. Остаемся мы! В том наша сила и наша трагедия.

Печальная специфика состоит в том, что, ведя разведку на территории собственной страны, мы не защищены ни конвенциями, ни международными договорами, ни даже моральной поддержкой. Мы вне закона! Более того, в случае провала нас не признает ни одно ведомство. Из-за такого пустяка, как жизнь агента, центр не будет конфликтовать с властью на местах, засвечивая всю схему внутреннего шпионажа. Свои не могут следить, тем более действовать против своих партизанскими методами! Это невозможно в дружественном государстве. К тому же обычно подобные вопросы решают не самые высшие чины, которые даже не догадываются о нашем существовании! Нас невозможно защитить, потому что нас нет!

С другой стороны, противник наш будет построже импортного, потому что ему есть что терять лично (а это повод для особой злости) и потому что тоже действует без оглядки на закон. С нами можно не чикаться, ведь нас нет. Нельзя судить за убийство несуществующего человека. И, значит, каждая ошибка у нас обходится на порядок дороже, чем у внешних коллег.

Кажется, до меня стало что-то доходить.

— Именно поэтому столь жестока у нас система подбора и подготовки. Любый закордонный резидент в наших условиях сгорает в неделю! Будем надеяться, что вы протянете дольше, — закончил он на оптимистичной ноте.

Так я стал, если верить штатному расписанию, рядовым статистом-аналитиком или кем-то в этом роде. На службу я не ходил, торчал в небольшой, предоставленной мне конторой комнате. При необходимости меня вызывали с помощью военкоматовской, судебной или подобной повестки. Именно так, через вызов в паспортный стол районного отделения внутренних дел я получил свое первое задание.

Мне надлежало отправиться к южным границам с тем, чтобы там, приняв от неизвестного мне коллеги контейнер, доставить его обратно. Стоило ли несколько лет долбить шпионские дисциплины для того, чтобы послужить банальным курьером?

— Задание серьезное — подойти к нему следует крайне ответственно, — предупредил инструктирующий офицер.

Куда уж серьезней — доехать, сунуть в сумку посылку и вернуться. У постового милиционера работа покруче выйдет! Они меня что, за мальчи-

ка на побегушках держат или долготерпение испытывают? Жаль, Контора отказов не приемлет.

Но ехать, это еще не значит бежать билеты покупать. Это значит — пару недель готовить легенду, экипировку, варианты отхода, доказывать, защищать придумку у выпускающего куратора, а он еще может и не утвердить! Пусть даже едешь на сутки, пусть даже на десять минут! Правила от продолжительности операции не зависят. В чужой сортир на секунду сбегать — и то по легенде! Бюрократия хлеще, чем в жилконторе!

Наконец последний инструктаж (в том смысле, что в случае провала мы вас знать не знаем, вы нас) и шагом марш на передовую вечно воюющего тайного фронта. И вот уже катит сменный бурмастер Степанов (родился, жил, учился, состоял, знаком и еще страниц пятьдесят биографической информации, которую на зубок!) в дальние края подыскать непыльное местечко под горячим южным солнышком. Надоело ему ковырять вечную мерзлоту помороженными пальцами, захотелось тепла. Длинный северный рубль у него пока не перевелся, что он и доказывал, щедро угощая новых дружок-товарищей дармовой выпивкой и закуской. Нет лучшего места для поиска нужных знакомств, чем качающийся столик вагона-ресторана. Полпути не одолел состав, как пара свежих собутыльников из определенного мне географического пункта уговаривали меня отправиться с ними.

— А климат? А фрукты? Во фрукты! А заработки? Во заработки! Даже не сомневайся! Мы тебя, как родного. Мы тебе...

Ну как тут устоять простому рубахе-парню, истосковавшемуся по географическому и душевному теплу. Но, главное, случись необходимость, убедят кореша любого, потому что считают: так оно и есть, что еле уговорили своего нового знакомого, что он, чудак, упирался и что прибытие его в пункт А есть чистая случайность. Что и требовалось доказать. Натурализоваться, имея в распоряжении такую компанию, и вовсе труда не составляло.

В гостиницу я, конечно, не пошел, снял комнату в коммуналке по наводке одного из недавних собутыльников. В коммуналке, если не иметь «штатных» соседей, труднее поставить наблюдение. В гостинице несложно отследить каждый шаг постояльца всякому сыскарю-новобранцу. Дни напролет я болтался со вновь приобретенными приятелями по отдела кадров, по компаниям, по знакомым, подыскивая подходящую работу.

Но, понятно, основным занятием этих дней было отслеживание хвостов. Взяли меня под наблюдение или нет? Шагают в отдалении, меняясь каждые десять минут, «топтуны» или это простые граждане, идущие в булочную за хлебом или за газетой в киоск? Воткнули в комнату «жучки» или обошлось?

Если бы мне разрешили раскрыться, я бы выспался за пару часов. Но использовать явные

методы контрпроверки, выказывать знание профессиональных приемов мне было нельзя. Я был простым работягой, простофилей, с точки зрения профессионалов, в этих рамках мне и надлежало действовать. В них я и действовал.

Взял на учет все (да-да, все — не зря же я сутками торчал у экранов мониторов, тренируя зрительную память) автомобили и всех прохожих, встречаемых мною на улице. Едва ли мой провинциальный противник располагает таким количеством обученной агентуры и автотехники, чтобы обновлять слежку каждые четверть часа, не повторяясь в течение нескольких суток! Рано или поздно, если слежка ведется, мелькнет знакомое лицо или автомобиль. А уж я не упущу своего шанса!

Дома я ограничился архаическими способами проверки неприкосновенности жилища: с внешней стороны двери бросил на пол комочек скатанных волосков — чуть шире открой дверь, и он сдвинется в сторону; в комнате запомнил расположение пыли на проходных участках пола — попробуй теперь пройти, не наступив, не раздавив, не сдвинув эти почти незаметные глазу соринки, а уж я не поленился, проверю их расположение с помощью увеличительного стекла. Главное, эти методы, в отличие от прочих — наклеивание на дверцы шкафов паутинок, всовывание в замочные скважины тонких волосков и т.п., — не оставляли следов. Сор — он и есть сор, а его расположение — это уже моя тайна.

Это в нормальной жизни чистота — залог здоровья, у нас скорее наоборот. Разведчики вообще неисправимые гряззули. Чистоты выдраенных полов, протертой до зеркального блеска мебели не переносят по профессиональным соображениям. Умудрись противная сторона воткнуть микрофон, не смазав, не сдув сквознячком толстый слой пыли со светильника люстры или верха шкафа. Вот и следок для опытного глаза! Очень пыль затрудняет работу контрразведчиков: не потревожь пыль, если мазнул, подбери идентичную, — а тот же цвет, фактуру, плотность, состав, да чтобы тютелька в тютельку — не слабо!?

Каждый раз, хоть и чувствовал себя идиотом — ну кому за мной следить на таком, высокопрофессиональном уровне? — я оставлял контрольные, грязе-пылевые «мины». Каждый раз они оставались нетронутыми. Я честно отработал оговоренную неделю (что-то, а халтурить меня отучили в Учебке раз и навсегда), убедился, что чист, как только что вымытая химическая реторта, и вышел на связь с резидентом.

В условленный день ровно в 11.07, ни мгновением позже или раньше, я перешел наискосок привокзальную площадь в совершенно неполюженном для пешехода месте. Откуда меня «срисовал» мой коллега, можно было только догадываться. Контакт-знакомство состоялось.

Спустя сутки я отправился на рыбалку. Ранним утром с берега излюбленного рыбаками городско-

го пруда я забросил удочку. Но ловил я не рыбу, нет — информацию. Где-то с другой стороны водоема, а может быть, и в двух шагах от меня точно такую же снасть бросил в воду резидент. Его удочка — передатчик, моя — приемник. Секунда, и сжатый до невразумительного визга текст по воде, как по проводам, перескочил с бобины его магнитофона на бобину моего. Момент передачи завершился. Все! Теперь мне оставалось доудить рыбу, допить непременно чекушку водочки, дорассказать соседям по промыслу очередную рыбацкую байку о сорвавшейся вот такой рыбине и отправиться домой «послушать магнитофончик». Дешифратор, вставленный в мой древний замызганный (конечно, специально древний и специально замызганный) переносной маг превратит случайную звуковую помеху на ленте в четко сформулированный приказ, который мне, пусть даже ценой собственной жизни, надлежит исполнить.

Пароль... Место... Вид тайника... Время изъятия... Проверочные тесты... Отключение самоликвидатора... Благополучного возвращения! Краткость — сестра таланта и еще конспирации.

Прослушал и сразу действуй — жги пленку, уничтожай дешифратор, еще несколько дней отслеживай хвосты, аргументируй новым знакомым свое скорое исчезновение, отработывай маршрут ухода... Вот житуха, для постороннего глаза — сплошной праздник безделия: на работу не ходит, спит да жрет, да водку пьет, а на самом деле — каторга! Ладно, недолго осталось!

Несколько дней я, словно кот кусок мяса, обхаживал район закладки тайника — готовил пути планового и аварийного отходов, засекал время остановки и ухода гортранспорта, отмечал, где гуще народа, чтобы в случае необходимости можно было затеряться в толпе. Ближе чем за три квартала к месту закладки не подходил, боже упаси!

В назначенное время, подчиняясь правилам игры, но без вдохновения, изменив внешность, я отправился на дело. Место под тайник мой незнакомый начальник подобрал идеальное — незавершенная стройка в центре города, в самой людской толкучке, несколько нагроможденных друг на друга бетонных плит, которые, как обычно, озабоченные граждане приспособили под свои естественные нужды. Что ни минута — то один, то другой человек отбегал от ближайших остановок в случайно образовавшуюся нишу. Картинные галереи такой интенсивной просицаемостью похвастаться не могут. Попробуй расшифруй в этой мельтешне человеческих лиц курьера!

Как и прочие, изображая всем своим видом еле сдерживаемое нетерпение, я проскальзываю меж плит, прохожу в самый дальний и самый загаженный угол, расстегиваю штаны. Вот он, контейнер — лежит среди дерьма и использованных бумажек противного вида дохлая кошка. В ней, внутри, среди подкисших внутренностей (чтобы у случайных

любопытствующих извращенцев охоту отбить) вшит контейнер. Но кому захочется возиться с такой пакостью, кроме нас, бедолаг? Точно такая же, подобранная по описанию кошка лежит у меня в сумке. Мудр шеф, избрав кошку одномастную, пеструю поди подыщи!

Я стаскиваю штаны, усаживаюсь над самым тайником и, натурально вздыхая и кряхтя, подменяю контейнер. Конечно, можно было бы обойтись без этих натуралистических подробностей, подойти и просто взять, но я человек подневольный, сказано: конспирация в полном объеме, — сиди кожилься! Как будто я где-нибудь на технически развитом Западе воюю против вооруженных до зубов вражьи спецслужб. Как будто у местной шантрапы достанет ума и средств оборудовать здесь телекамеры с видом на, простите, человеческие отходы. Вот так всегда! начальство в кабинетах перестраховывается, а ты в боевой обстановке зад оголяешь. Ладно, напрягусь ради святого дела, исполню служебный долг в полном, так сказать, объеме. Чего ни сделаешь, чтобы начальству угодить.

Работа завершена, но мне почему-то беспокойно. Что-то не понравилось в расположении контейнера, как-то чуть в стороне от дерьмеца лежала кошка. Брезглив, что ли, мой новый начальник? Уж я бы ради страховки засунул, зарыл ее в самую гущу, тем более, что не мне вытаскивать. А этот постеснялся. Пальчики побоялся испачкать? Или меня пожалел?

Еще раз оглядываю кошку-дублера — вроде похожа и лежит так же. Совершенно автоматически запоминаю «картинку», хотя, вроде бы, она мне пригодиться уже не может. Но так уж учили. Рефлекс!

С просветлевшим лицом застегиваю штаны и еще несколько часов кружу по городу, обрубая возможный хвост. Нет, вроде все чисто.

Дома, уподобляясь патологоанатому-надомнику, потрошу маскировочную оболочку контейнера: взрезаю нитяные швы, ковыряюсь во внутренностях, отыскивая и размыкая клеммы самоликвидатора (у незнающего эта кошечка рванула бы не слабее толовой шашки, навек унося заключенную в ней тайну), извлекаю сам контейнер. Вот он, небольшой пластиковый цилиндр, из-за которого я проделал столь неблизкий путь! Проверяю стандартную пломбу-печатку. На месте. Можно упаковывать чемоданы. На всякий случай, вспомнив о личной просьбе резидента, осматриваю его персональную секретку — так, неуставную самостоятельность на уровне скаутских забав. Делать мне это не обязательно, не приказ — просьба. Но что-то меня заставляет отнестись к маниакальной подозрительности шефа без обычной иронии. Ладно, мне не убудет, лишь бы его душенька была спокойна. Беру сильную лупу, осматриваю дно тубуса, затем завинчивающуюся крышку. И там, и там, строго друг против друга, нанесены незаметные невооруженному глазу точки. Одна. Вторая.

Стоп! Смотрю еще раз! Точка на крышке смещена на полмиллиметра. Может, я ошибся? Проверю еще и еще раз. Разница явная. А если крышка сдвинулась после завинчивания? Нет, ерунда! Она же зафиксирована контрольной пломбой! Может быть, резидент был невнимателен? Сомнительно. Эти точки — его инициатива, вряд ли бы он халтурил. А это значит...

Я вспомнил брезгливо отодвинутое от тушки кошки дерьмо. Нет, брезгливость моего коллегу не остановила бы. Это значит... Это значит страшное! Это значит, что к контейнеру имел доступ кто-то третий!

Но самоликвидатор! Ведь надо знать, как его отключить!

Но пломба!! Я снова внимательно осмотрел печатку. Нет, на вид совершенно нормальная. Неужели эта местная шантрапа обладает знаниями и технологиями, равными нашим? Стоп! Вот так так! Значит все-таки мы и они? — поймал я себя на мысли. Так значит все-таки война на полном серьезе?! Без дураков?

Подумаем еще раз. Формально мое задание исчерпано. Контейнер взят, хвостов нет, пломба на месте. Можно отбывать в родные края. Придраться ко мне нельзя. Самодеятельность резидента, всякие там пионерские точки, не могут служить веским основанием для задержки. Как к ним отнесется высокое начальство, можно только гадать. А вот как оно отнесется к срыву утвержденного графика возвращения, я знаю доподлинно. Рискую я больше чем многим. В этой игре я лишь пешка — куда двинут, там и стой. Любой самостоятельный шаг грозит удалением с поля. Стоит ли высовывать голову, если ее тут же могут скрутить!

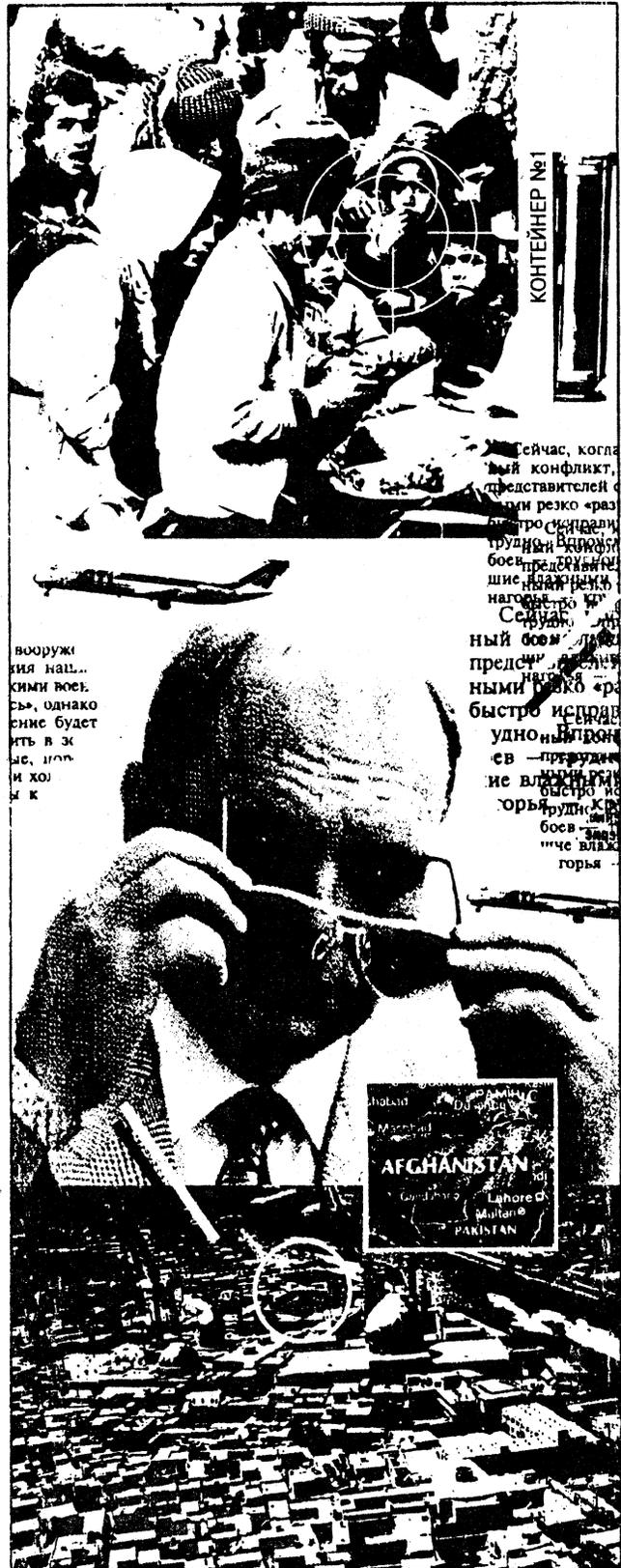
Но ведь точки не сходятся!

Не сходятся. Но вдруг это случайность, небрежность резидента? Что тогда? В случае неуспеха он непорочен, как новорожденное дитя. От своей самодеятельности — какие такие точки, что за бред? — он может отказаться в любой момент. И откажется, если не дурак! Пионерские методы Конторой не узаконены и, значит, фактически не существуют. Узаконенные, напротив, утверждают, что все в порядке. Тогда по какой причине я задержался?

Но ведь точки не сходятся! Не сходятся-ся!!

Измаявшись в бесплодных сомнениях, я отважился на отчаянный шаг. Я решил вернуться к тайнику! Всеми законами конспирации это было запрещено. Второй раз светить лицо в одном и том же месте! Но не мог я не проверить свои подозрения!

На этот раз к внешней маскировке я подходил творчески. Пару часов спустя, всматриваясь в зеркало, я сам себя не мог признать! Передо мной стоял не привычный мне я, а какой-то совсем незнакомый и совсем несимпатичный, потрепанный жизнью и алкоголем мужик неопределенного возраста. Вот и ладно.

сейчас, когда
вой конфликт,
представителей
они резко «раз
стро скармли
трудно выводи
боепредставит
шнее, так как
находясь по
Сейчас
ный боем
предс
ными
быстро исправ
удно
ев — пр
не в
орь
босв
мче
горь

вооруж
ния на
кими бое
сь», одна
ские буд
ить в э
ас, по
и хо
к

Hotel
Marrakech
AFGHANISTAN
Kabul
Kandahar
Herat
Lahore
Pakistan

Ташась вдоль тротуаров, шаркая подошвами стоптанных ботинок по асфальту, заглядывая в урны, я двигался к памятному месту. Прохожие оглядывались на меня кто с жалостью, кто с презрением. Я оглядывал прохожих, как капитан подлодки вражеский караван. Я замечал все. Сейчас я не напоминал того бодрячка-курьера, которым был несколько часов назад. Сейчас я работал, как в тылу врага, на полную катушку, ежесекундно ожидая останавливающего окрика, если не выстрела!

Вот она и стройка, вот бетонный завал. Еле волоча ноги, я прошагал в нишу, долго вздыхая и шепча проклятья, расстегивал заперы на штанах. Я специально не подходил к тайнику близко, я видел все отсюда. Кошку тревожили! Кошка была стронута с места! Нет, не так, как сдвинул бы ее рассерженным пинком прохожий, и не так, как сдернула какая-нибудь дурная ворона-падальщица. Она была уложена аккуратно и вроде бы так, как лежала раньше. Но не так! Я умел различать мелочи, незаметные для глаза простого человека. Уроки Учебки не прошли даром. Я вспомнил «картинку» и прошел по ее деталям. Миллиметровый сдвиг хвоста, подлом усов, свежий обрывок бумажки под тушкой убеждали меня, что контейнер тревожили, но, что еще важнее, пытались вернуть ему первоначальный вид. А это уже напрочь исключало случайность! Это уже работа профессионалов!

Тайник раскрыт!

Застегивая штаны, сморкаясь, отряхивая капли с подмоченных штанов, т.е. ни на мгновение не забывая о разыгрываемой роли, я уже отработывал действия по второму, резервному варианту.

Контейнер, аккуратно запечатанный в чистую бумагу и полиэтиленовые пакеты, лег во временный тайник. Им впоследствии займутся эксперты-специалисты. Бурмастер, стремительно разочаровавшись в жарком климате, съехал с квартиры в неизвестном направлении и всплыл совсем в другом месте, в другом виде и совершенно под другой фамилией. В местной газете вышло объявление: «Потерялась собака... возраст... масть... порода... прошу сообщить...» В переводе на нормальный язык это означало вызов резидента на внеплановый контакт.

Выждав двое суток, я проверил резервный «почтовый ящик», который использовался лишь в самых экстремальных случаях и о котором знали только резидент, центр и курьер. Обычное объявление типа «меняю трехкомнатную квартиру на две полторки...», снятое в строго определенное время с условленной доски и проявленное в специальном растворе, приказывало мне ожидать связника на срезе тротуара близ перекрестка улиц...

За две секунды до назначенного времени я ступил на бордюр тротуара. Все приказы, понятны они или нет, должны выполняться буквально: назначено в 12.23.04, значит 04 и не секундой меньше,

сказано: перекресток, не смей сместиться ни на метр. Не позднее чем через 15 секунд должен был появиться связник. На 16-й секунде свидание автоматически откладывалось. Одна, две, три. И тут случилось то, чего я меньше всего мог ожидать. С боковой улицы, пытаясь проскочить на желтый свет семафора, выехала белая «Волга». То ли водитель был неопытен, то ли инерция скорости слишком высока, но на исходе поворота машину занесло, и, сдвинувшись к тротуару, она правой передней дверцей ударила меня в ноги.

Падая, я успел провертеть в голове варианты. Что это? Плохо исполненная попытка убрать слишком много узнавшего курьера? Беспроигрышный захват — ударить машиной, свалить с ног и, выскочив из салона, связать оглушенную жертву? Откатываясь и зажимая ушибленную ногу, я уже прикидывал свои действия на секунду, на минуту, на час вперед, уже просчитывал плюсы и минусы ближнего рельефа и как с максимальной пользой использовать немногочисленных зевак-прохожих. Продолжая играть болевой шок, я смещался в избранном направлении, перегруппировывался, принимая наиболее удобную позицию для защиты.

Но на этот раз я ошибся в подборе вариантов...

Из машины выскочил побелевший, трясущийся от страха, весь какой-то уютный, как домашняя ватрушка, мужчина лет сорока и, охая, причитая и икая, запрыгал подле меня, как наседка над разбежавшимися цыплятами.

— Как же так произошло-то? Ай-ай! Вы ушиблись? Сильно? Ой, как же это? Вы уж простите...

Теперь, когда опасность миновала, никто не нападал, никто не выламывал руки, я вспомнил о цели своего визита. До контрольного срока оставалось еще несколько секунд. Почти наверняка курьер находился где-то рядом и, значит, наблюдал происшествие. Следуя правилам — даже мелкую непредвиденную случайность истолковывай как опасность, а тут целой машиной в бок! — он наверняка отменит встречу. Но это полбеды! Беда, если он примет это досадное ДТП за чей-то злой умысел, не поверит, что это не более чем случайность. Тогда меня отлучат от дела, изолируют, лишив всяких контактов. Осматриваясь, я пытался узнать в толпе зевак своего связного. Кто он? Кто? Тот спортивного вида парень? Женщина с авоськой? Средних лет мужчина с портфелем? Кто?

— Вы можете встать? Вам не больно? — бегал вокруг, причитая, тормозил меня водитель, то и дело перекрывая своим пухленьким телом обзор.

— Все хорошо! Все нормально! — отвечал я, пытаясь избавиться от его липкого внимания. Шли последние контрольные мгновения.

— Давайте я вас в больницу отвезу.

— Не надо.

— Ну давайте, а вдруг у вас что-то повреждено? — подскуливал виновник наезда. — Я не хочу

рисковать вашим здоровьем...— И вдруг почти неслышно и очень убедительно над самым ухом: — Поехали! — и снова заохал, заахал, запрыгал вокруг меня.

И я все понял!

Хромая и морщась от боли, я проковылял к машине, упал на заднее сиденье.

Зеваки расходились.

— Не теряйся! Выдои клиента как следует! Он твой! — крикнул вдогонку какой-то доброхот-парень, многозначительно потерев палец о палец.

Машина тронулась с места.

— До травмопункта у нас 4,5 минуты,— сухо сказал водитель,— поэтому слушай внимательно.

Я был потрясен. На моих глазах рушились все правила и нормы конспирации, много лет вдалбливаемые в мою неразумную курсантскую башку. Резидент, а я почему-то не сомневался, что это был он, вышел на прямой контакт с курьером! Это даже не нарушение — это кошмарный сон. Обычно мелкая сошка вроде меня имеет честь лицезреть шефа лишь вместе с собой на скамье подсудимых или спустя годы в траурной рамке внутриконтрорского некролога. Что же такое произошло, что солнце сошло с отведенной ему орбиты к глазам простого смертного? Или через минуту я умру, навсегда унесся в могилу не предназначенную мне тайну, или...

— Не ломай голову, она тебе еще понадобится. Жизнь — не теория. Здесь все гораздо сложнее и потому много проще,— ответил на незаданный вопрос шеф.—Если бы не необходимость... Ситуация сложилась — можно бы хуже, да некуда! Тайник, как я понимаю, под контролем. Но это ладно. Сегодня при странных обстоятельствах умер мой второй помощник. Второй за три недели! Я не верю в случайности! Боюсь, они разматывали всю агентурную цепочку. Единственный человек, не известный противнику, по крайней мере хочется надеяться, это ты. Тебе и карты в руки.

Нет, я не возгордился высоким доверием начальства, потому что понял больше, чем мне было сказано. Я понял, что меня превращают в банальное, рассчитанное на один бой пушечное мясо. Он не хотел рисковать последними своими работниками и ставит на кон мою, менее ценную для него жизнь. Но почему тогда он раскрыл свое лицо?

— Определяю задачу. Здесь,— передал пачку сигарет,— найдешь дополнительную информацию. Здесь,— развернул, показал написанный на бумаге адрес,— координаты человека, который, как я подозреваю, следующий в списке,— сжег бумагу (не исключает подслушку или привычка старого конспиратора?). — Необходимо установить, ведется ли слежка, если потребуют обстоятельства — защитить.

Ну, если так явно посылают в драку, значит я уже списан подчистую. Пока еще живой, но уже труп.

— Ясно?

— Ясно.

— Связь через тайник.

Машина замерла возле травмопункта.

— Как же так вышло-то! Прямо не знаю! Ах, как нехорошо! — запричитал по-бабьи шеф, засуетился, помогая мне выйти.— Вы уж простите. Если понадобится помощь или еще что... Я не хотел. Я случайно!..

И на всю нашу встречу, начиная с удара машиной (и ведь как виртуозно наехал — кроме синяков, никаких повреждений!) и заканчивая хлопнувшей за спиной больничной дверью, ушло пять с небольшим минут! Еще раз сквозь окно вестибюля я увидел бестолково суетящегося, топчущегося на месте, размахивающего короткими ручками, что-то объясняющего санитарам шефа. Кто может в этом не приспособленном к жизни, добродушном толстяке распознать железобетонного, с логикой военачальника, хладнокровием индейского вождя и безжалостностью профессионального палача — резидента?!

Лично я не смог.

За пять с небольшим минут я сделал головокружительную карьеру от простого курьера до сыскаря и помощника резидента! Прямо по классике — упал больно, встал здорово! Знать бы еще, чем и когда за этот стремительный взлет платить придется.

С утра, изображая обманутого мужа, я очаровывал бабушек во дворах домов, окружавших искомый адрес.

—Неожиданно вернулся, а она... Даже не скрывала, стерва! Ребенка не постеснялась! Теперь не знаю, куда...

К полудню общими усилиями пожилой общественности мне подыскали комнату, выходящую окнами на интересующий меня подъезд. Талантливо изображая вселенскую скорбь, нещадно куря, вздыхая и даже всхлипывая, я за наглухо закрытой дверью (оставьте его в покое, дайте очухаться парню!) оборудовал наблюдательный пункт. Нет, я не торчал день напролет у окна, не подглядывал в щелку между задержными шторами. Зачем раньше времени раскрываться, да еще путем физического изнурения. Я просто перевесил настенное зеркало таким образом, чтобы, лежа на диване, обозревать входную дверь подъезда. Такая работа по мне: валяться день-деньской, наблюдая, фиксируя входящих-выходящих людей, не забывая периодически причитать да сетовать на злодейку судьбу, подсунувшую под видом милой женушки коварную стервозу-изменницу!

Через двое суток я знал в лицо всех жильцов подъезда, в том числе и своего подопечного. Был он невзрачен, вроде шефа — специально тот, что ли, кадры по своему облику и подобию подбирает? — и очень дисциплинирован. Уходил и приходил в строго определенное время, каждый вечер выносил ведро, пусть даже оно было полупустым, гу-

лял пятнадцать минут в ближнем скверике, в 22.30 выключал свет. Примерный служащий и гражданин, не подумаешь, что на самом деле глубоко законспирированный шпион.

Иногда для увеличения обзора я выходил во двор и, сидя на лавочке в окружении полудожницы старушек, живописал подробности своей семейной трагедии, не забывая при этом внимательно отслеживать окружающую местность. Несколько раз я сопровождал порученный мне объект на службу и на прогулку, но ничего подозрительного не заметил. Слежки не было!

В безрезультатных наблюдениях прошла неделя. Я честно вылеживал бока на диванчике, чувствуя себя идиотом, отлавливающим в темной комнате черную кошку, издохшую в другом городе в прошлом году. Может быть, резидент страдает манией преследования? Или, того хуже, ведет какую-то свою хитрую игру и с помощью навязанной лжеслески, указав первый пришедший на ум адрес, попросту изолировал мешающего ему курьера? Или я настолько непрофессионален, что не вижу хвостов?

Я мучился сомнениями до дня, когда мой подопечный не вышел на вечернюю прогулку. Никто кроме меня этого не заметил. Да и я несильно обеспокоился: мало ли что случилось, человек не часы. Но с наступлением темноты окна в наблюдаемой квартире не зажглись. Это уже было серьезней. Я вышел во двор по первому подвернувшемуся поводу — поднести знакомой бабуле-собеседнице сумку, поднялся в подъезд, осмотрел дверь. Все нормально, замки целы, дверь на запоре, подозрительных звуков не слышно.

А еще через несколько часов из знакомого мне подъезда санитары выносили тело человека, которому я не смог помочь. О происшествии сообщили залитые верхним соседом жильцы.

— Ох, не повезло бедолаге, — причитали всезнающие бабушки, — сел в ванную помыться, рядом на полке оставил электробритву. А та возьми да соскользни в воду. Если бы не один жил, может, и услышал кто, помог, а так потерял сознание и захлебнулся. Вот как вышло. Воистину не знаешь, где тебя смерть отыщет.

Бабушки обсуждали подробности, а я лихорадочно соображал, кто это мог сделать. В несчастный случай я, естественно, не поверил.

Начнем с подсчета времени. Это самый простой способ докопаться до истины. Сколько понадобилось злоумышленнику минут, чтобы придти, совершить преступление и исчезнуть? Прикинем. 40 секунд зайти в подъезд, подняться по лестнице, осмотреться. 30-40 — вскрыть запоры. Такие замки для профессионала не преграда. Тихо открыть дверь, войти, установить по слуху местоположение хозяйина — плюсуем еще секунд 50. Привлечь внимание жертвы каким-нибудь звуком и, встретив в полумраке прихожей, вырубить неожиданным ударом ну

хотя бы в солнечное сплетение. Еще полминуты. Пройти в ванную и включить воду. Пока она набирается, раздеть оглушенную жертву, аккуратно развесить одежду, найти, разложить чистое белье, полотенце, окунуть мочалку и пр. (все должно выглядеть натурально!). Здесь можно особо не спешить, т.к. менее чем за семь минут ванна не наполнится. Опустить тело в воду, приутопить, сбросить включенную в сеть электробритву, убедиться в смерти жертвы. Пусть минута. Проверить квартиру на предмет случайных следов, выйти, спуститься на улицу. Итого, как минимум, 11-12 минут.

Кто из посторонних был в подъезде искомое время? Дежурный слесарь. Этот сразу же прошел в седьмую квартиру и находился там безвылазно под неусыпным надзором жильцов, опасаящихся остаться на весь вечер без воды. Разносивший пенсию почтальон? Но все бабушки хором твердят, что он здесь работает чуть не десяток лет. С чего бы ему вдруг переквалифицироваться в убийцу? Правда, надо еще выяснить, кто его видел и при каких обстоятельствах. Если издали, со спины или в полутемном парадном, то возможно предположить подмену. Стереотип одежды и походки очень силен — тут и грима особого не нужно. Эта версия требует проработки. Третьим был подвыпивший мужичонка, забегавший в подъезд справиться нужду и с позором и долгими разборками выставленный во свояси бдительными старушками. Отпадает.

Кто еще умещается в искомые одиннадцать минут? Жильцы-старожилы? Неубедительно, но не невозможно. А существует ли другой, менее парадный путь к квартире убитого? Так, проверить возможность проникновения и ухода через чердак, проходные подвалы, окна первого этажа. Вчера все замки были на месте. А открыть даже самый простенький навесной замок, находясь по другую сторону двери, невозможно.

Теперь расширим зону поиска. Кто посторонний, пусть даже не зашедший в подъезд, мелькал во дворе? 17.24 — компания подростков. Полшестого — два курсанта. Дворник. Скорая помощь. Притормозим. Скорая помощь приехала в 17.55, остановилась у одного подъезда, затем другого. Бригада — доктор, фельдшер и по виду практикант медбрат поднялись в 17-ю квартиру. Оказалось — ложный вызов. Утрясли формальности и в 18.01, чествуя телефонных хулиганов, медбригада села в машину. Все, отъезд. Без нескольких секунд пять минут. Не сходитяся.

Я перебрал всех прочих случайных дворовых прохожих, высчитал траектории их движения и время. Пусто! Ну не несчастный же случай это был, не вмешательство потусторонних сил! Должен же быть живой, во плоти и крови убийца, если есть убитый. Не может не быть!

Пойдем по второму кругу. Слесарь, почтальон, мянчужка... скорая помощь. Я снова споткнулся на машине с красным крестом. Уж больно лакомый

кусочек — белые халаты, как и любая другая форма, обезличивают человека, располагают к доверию, открывают любые двери. Плюс к тому свобода маневра, обеспечиваемая автомобилем. Но 11 минут?! Как быть с ними?

А кто сказал, что надо было 11 минут? — вдруг обомлел я. Почему 11? А ну-ка еще раз. Из чего они складываются? Четыре минуты — непосредственно работа и 7-8 минут наполнение ванны и подготовка жертвы. А если допустить, что жертва уже была в ванной? Одиннадцать минус семь получаем пять! Пять минут! Сколько бригада была в подъезде? Пять минут! Вот и требуемый условиями задачи ноль!

Теперь охладимся. Во-первых, как они могли успеть совершить убийство, большую часть времени находясь в 17-й квартире? Во-вторых, как могли узнать, что жертва находится в ванной? Не сходится.

А зачем им гадать, если они знали. Знали наверняка! Такая публика на случай не ставит. Боже мой, как все просто! Небольшой «жучок», оброненный в ванной или опущенный через вентиляционную шахту до интересующей декоративной решетки, и каждый шаг, каждый вздох потерпевшего услышан. Зажурчала вода в наушниках, и машина скорой помощи, стоявшая на улице, въезжает во двор! Этот ребус решен. А вот что делать с пятью минутами, в которые они, как ни спеша, никак не могли уложиться? А почему, собственно, они? — совершил я новый виток в рассуждениях. Профессиональное убийство совершается не числом.

Задев за живое старушек рассуждениями на тему — не та у нас медицина, я скоро узнал, что:

— Правда твоя, сынок. В поликлинике очереди... рецепта не допросишься... докторши молоденькие, размалеванные, от ПТУшниц не отличишь... в регистратуре хамят... наемная скорая приезжала, так, не поверишь, фельдшер — рожей чисто уголовник, другой того хуже, на жильцов чуть не матом орали, как будто те в вызове виноваты... разве можно таким жизнь доверить...

А доктор-то где? Доктор?! Они же втроем заходили! Куда же доктор исчез?

Вот они, пять свободных минут! Все сошлось! Тютелька в тютельку.

Пострадавший открыл краны — внимание! — шлепнулся в воду — сигнал к началу операции. Машина подъехала к нужному подъезду, предварительно, для пушней убедительности, притормозив возле других. Бригада из трех человек — доктор, фельдшер, медбрат зашли в подъезд. Двое поднялись в 17-ю квартиру обеспечивать алиби, один проник в квартиру жертвы, вошел в ванную, мгновенно воткнул в розетку вилку электробритвы, бросил ее в воду, придержал рукой, облаченной в диэлектрическую перчатку, голову бьющегося в судорогах человека, притопил его для верности, вытер руку, спокойно покинул квартиру и вместе со спускавшейся бригадой вышел на улицу.

Я вспомнил, как на фотографии увидел, доктора: обычное, каких тысячи, лицо, мешковатая фигура, неторопливые, как будто даже чуть замедленные движения. Средний обыватель, средний, не хватающий звезд с неба доктор. Человек толпы. И все же это он! Он! Мой враг! Я нашел его. А образ я и не такой могу разыграть. Внешним видом меня не обмануть!

Не доктор он — Убийца!

Он был профессиональным Убийцей. Это значит, что он убивал людей не для удовольствия, не ради удовлетворения чувства мести — ради денег. Для него это была работа. Кто-то получает зарплату за восьмичасовое стояние у станка, кто-то за сидение у кульмана. Он — за отнятую человеческую жизнь. Сделка. Хочешь много получить — потрудись. Результат от выработки. Лень — себе в убыток.

Он не был жесток — жестокость мешает работе, мучимая жертва поднимает ненужный шум, способна от отчаяния на непрограммированные поступки. Но он не был и милосерден: если заказчики требовали мучений, он истязал обреченного строго по утвержденной программе, не обращая внимания на его крики и мольбы о легкой смерти.

Когда-то Он был простым мальчишкой, любил подражаться, пострелять из рогатки воробьев. Потом ходил на танцы и, отстаивая своих девчонок и свою территорию, «учил» с помощью скамаек, а порой и жердин от наспех разобранной скамейки, чужаков, нарушивших границы. Не всегда подобные молодецкие забавы заканчивались добром, случались разбитые носы, приводы в милицию. Случилось и Дело. После одной стенка на стенку драки зачинщиков потянули по статье за хулиганство. Но Ему только-только исполнилось 18 лет, и адвокат предложил поговорить со знакомым райвоенкомом, махнуть два года в колонии общего режима на те же два года, но в рядах СА. Читая характеристику — вспыхив, нередко жесток, упрямец, военком только в затылке чесал. Куда такого? Но, слава богу, в советской армии всякому дело отыщется.

В части Его, как и любого новобранца, прогнали по курсу молодого бойца — заставили заниматься шагистикой, бегать кроссы, зубрить уставы и еще, конечно, драить полы и сортиры, не спать ночами и терпеть тому подобные, не оговоренные в уставах, но составляющие суть службы мелочи солдатского бытия. Сержанты, как и положено сержантам, придирались по пустякам, орали в самое ухо команды, подгоняли пинками сапога под зад нерадивых, заставляли часами стоять по стойке смирно, «разбирали» особо непонятливых ночами в каптерке. В общем-то, ничего необычного.

Но Ему такое положение дел не понравилось. Однажды на утренней зарядке на окрик и замах сержанта он ответил жестким ударом кулака в челюсть и вторым ударом, подкованным каблуком тяжелого солдатского сапога, сверху по лицу упав-

шего. Сержанта со сломанным носом и челюстью отправили в госпиталь. Его отдали под суд воинского трибунала. Приговор — три года дисбата с последующим двухгодичным дослуживанием в части. Но случилось неожиданное.

В изоляторе подсевший к нему майор предложил снять судимость и отправить служить в спецвойска.

— Что за спец?

— Специальные. Остальное узнаешь после.

И Он дал первую в своей жизни подписку — обязуюсь не разглашать...

В день приезда в часть его избili. Он отбивался как мог, пинаясь и бросая в противников подвернувшиеся под руку предметы, но их было больше. Его повалили и били ногами. Он матерился, рычал, пытался подняться, хватать их зубами. Его снова роняли. Уже плаывая в собственной крови, он все еще огрызаясь и тянувшись пальцами к горлу своих мучителей. Его отнесли в санчасть, объяснили, что это жестокий, но необходимый тест на болевую устойчивость, на степень сопротивления. Он его выдержал.

Потом он точно так же бил новичков, не испытывая при этом ни сострадания, ни удовольствия, ни угрызений совести. Так учили.

Изо дня в день из них вытравливали эмоции. Первым сдалось присущее любому человеку чувство брезгливости. Их заставляли переправляться вброд через рвы, заполненные нечистотами. Удерживая на поднятых руках автомат, им приходилось лицом, носом, сжатыми губами расталкивать плавающее на поверхности дерьмо, заныривать в него с головой. На занятиях по выживанию они ели живых лягушек, змей и сусликов, разрывая зубами их дергающиеся тушки. Наконец, их толкали в только что вспоротое брюхо свежезабитых коров и лошадей, и надо было, вдыхая приторный дух палящей крови, оступаясь и скользя во внутренностях, проползти от горла к хвосту. И если ты отказывался, если тебя рвало, упражнение повторяли вновь и вновь. Постепенно они привыкали, что кровь — это только жидкость, а внутренности, вывалившиеся на землю, не более чем набор органов и нет в них ничего ужасного и противного.

Потом они сами умерщвляли животных, пили горячую кровь, вырезали и ели внутренности, оценивая их отделение от организма не как убийство, а как подготовку к деликатесной еде. Человек не животное, привыкает ко всему.

Наконец, они перешли к людям. Физический барьер — отталкивающий облик смерти с ее кровавой грязью высвобожденной твухи, муками агонии, тайной последнего хрипа — был уже преодолен. Смерть как физическое явление их не трогала. Осталось снять нравственный барьер.

— Чем человек отличается от животного? Те же сердце, печень, кишки, заключенные в мешок из кожи. Разве только животное менее опасно: себе

подобных без необходимости не уничтожает, не умеет предавать, лгать, ненавидеть. Почему безвредное животное, какого-нибудь кролика или теленка убивать можно, а человека, принесшего сотням своих братьев горе — грех? — часто размышлял вслух инструктор.— Не понимаю. По мне лучше пощадить бездомную собаку, чем иного человека,— и рассказывал очередную историю, где единственно возможным и благим исходом могло быть и было насильственное лишение жизни главного отрицательного героя.

Затем им крутили кино. По одному заводили в небольшой зал, усаживали на специальное кресло, прикручивали к ножкам и подлокотникам ноги и руки, фиксировали в прямом положении голову, особыми зажимами оттягивали вверх веки, чтобы нельзя было закрыть глаза, и показывали на большом экране, в цвете, со стереозвукoм, очередной фильм — «Распиловка на электропиле живого человека» или «Сдираание кожи с ребенка с последующим вскрытием брюшной полости». Нет, это были не художественные подделки со спецэффектами, актерами и статистами. Это были настоящие фильмы с настоящей распиловкой человеческого тела, настоящим сдираанием кожи, настоящей кровью и смертью. Они были сняты во время локальных военных конфликтов, сняты подробно, даже как-то с любовью. Не упущена ни единая подробность, ни одна, самая мелкая деталька. В отличие от обычного кинозала, где зритель может уйти с полсеанса, они были вынуждены увидеть весь фильм, от первого до последнего кадра. Они не могли встать, не могли отвернуться, зажмуриться. А если они делали попытку сдвинуть взгляд, их настигал болезненный удар электроотоком. Смотри!

После фильма, как полагается, обсуждение. Десятки, сотни вопросов: какой цвет глаз был у жертвы, фасон рубахи, количество пуговиц, форма лезвия ножа, которым вспарывали живот, какие слова кричал убиваемый? Подробно, точно, кратко! Не увидел, запомнил — новый просмотр!

— Так какие погоны были на исполнителя? Какой системы пистолет? Какие сигареты он курил? Каким был первый разрез? Еще точнее! Еще подробнее!

И так с утра до вечера. Изо дня в день, до тех пор, пока частности не заслонили целое. Они замечали форму черенка ножа, количество дырочек на ремне, но не видели самой смерти. И значит, она переставала для них существовать. Точно так же забойщик скота видит не умирающих в муках животных, но необходимые производству туши. Смерть становится обыденностью и перестает пугать.

Экзаменом был бой с «мешком». А мешком был не тканый прямоугольник, а живой, правда, приговоренный к высшей мере человек. Его и надлежало убить. Руками. «Мешок» имел право защищаться и, если повезет, отсрочить день своей смерти до следующего боя. Только это вряд ли. Запре-

щающих правил здесь не было. Наверное поэтому партнера-смертника прозвали «мешком». После такой, без запретов, драки он, с переломанными костями и порванными мышцами, напоминал мешок с вытащенным содержимым.

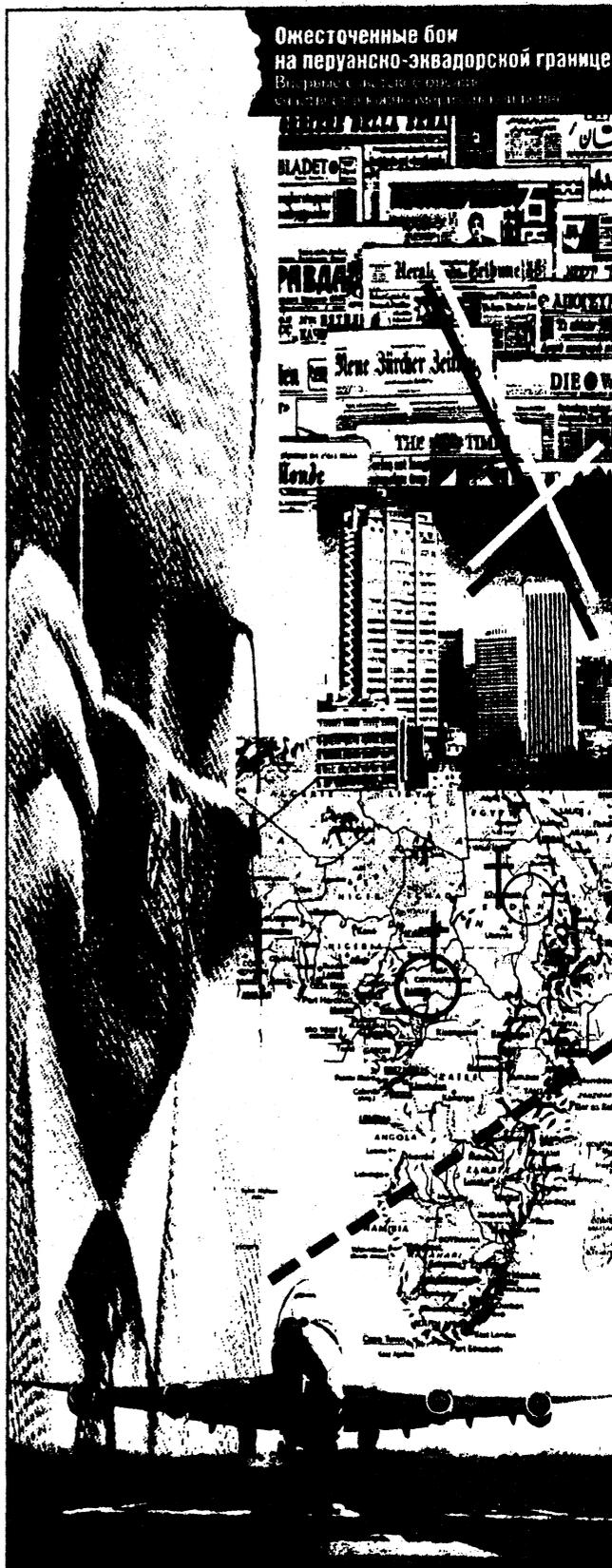
Конечно, можно было убить обреченного одним ударом, но особо среди инструкторов ценился длинный бой, где курсант успевал нанести максимальное количество ударов, т.е. из одного «мешка» извлечь наибольшую, с точки зрения учебы, пользу. Как легенду рассказывали, что один выпускник от первого удара до последнего вздоха «держал» жертву шесть часов!

Закончив учебу, Он умел убивать людей холодным и огнестрельным оружием, подручными предметами, просто руками. Он не боялся вида крови и Страшного суда, ведь он убивал не ради корысти, а во имя высших, пусть даже и не всегда понятных, целей. Согласно приказу!

Начав служить, Он убедился в реальной необходимости своей новой профессии. Тактику выжженной земли, не оставляющей противнику возможности поправить свое материальное положение за счет местных ресурсов, придумал еще Александр Македонский. Кто-то должен претворять ее в жизнь: засыпать колодцы, сжигать запасы продовольствия, забивать домашний скот, палить населенные пункты, выселять, а если выселять некуда, уничтожать их население. Это не жестокость, это лишь тактика, затрудняющая врагу продвижение по захваченной территории. Тактика выжженной земли!

В дальних жарких командировках Он поверил в действенность преподанных в учебке навыков. За год службы их подразделение, очищающее от нежелательных элементов кишлак за кишлаком, потеряло лишь одного (!) человека. Исполняющие ту же работу десантные и общевойсковые части не досчитывались после каждой операции по несколько десятков бойцов! Ответ, объясняющий столь большую разницу, был прост. Они боялись убивать! Они думали, прежде чем стрелять. И получали пулю первыми! Элементарная и одновременно имеющая трагические последствия ошибка.

Их подразделение не подставлялось чужим пулям, потому что нажать на курок направленного на них автомата было некому. Они убивали всех заранее. «Видишь дырку — брось гранату!» — был их боевой девиз. Так они и делали. Огненный вал, не разбирающий, кто здесь воин, а кто ребенок, прокатывался через кишлак, оставляя за собой лишь трупы. Среди них, естественно, попадались и «нежелательные элементы». То есть боевые задания выполнялись, причем без потерь со стороны личного состава, что особо отмечалось в наградных приказах. Ах, жестокость? Но кто о ней расскажет? Свидетелей, как, впрочем, и способных пожаловаться пострадавших, нет. Есть лишь исполнители и мертвецы. Если кто-то посчитает, что

лучше жертвовать жизнями своих ребят, чем их врагов, пусть обсудит эту тему с матерями павших.

Нет, они не испытывали угрызений совести. Их этому не учили. Они исполняли, и много лучше прочих, свой воинский долг.

Потом была Африка. Лишь несколько человек отправились туда. Это уже была штучная работа. Для избранных.

Сложившееся в одной из провинций охваченной революционной борьбой страны шаткое перемирие было в ущерб нашим интересам и на руку врагам. Каждый день позволял противнику перегруппировывать силы, укреплять свои позиции. Каждый такой упущенный день в дальнейшем пришлось бы оплачивать жизнями наших ребят. А это была не та цена, которую хотелось платить. Советники предложили другой выход.

Небольшой, хорошо экипированный отряд, заброшенный в тыл противника с секретным заданием, нарушил равновесие. Несколько сожженных и расстрелянных деревень, ужасный вид растерзанных жертв, распятые младенцы, обезглавленные старухи и обгаженные религиозные святыни поторопили события, заставили противника нарушить перемирие, за что он и был справедливо уничтожен. Военный и политический выигрыш был очевиден, и вновь малой и, главное, чужой кровью!

Убийца получил очередное звание и медаль «За заслуги» и личную кличку «Гиена».

За три последующих года Он побывал в командировках в десятке самых экзотических стран. После этого там случались революции, менялись правительства, уходили в отставку главы государств. Он чувствовал себя причастным к самой высокой политике. Но одновременно он начал опасаться за свою судьбу. Он слишком много узнал. С таким «багажом» легко не отпускают. В его поведении ничего не изменилось, он так же ходил на задания, учил уморазуму новичков, но замечать он стал больше. Внезапно прервалась дружеская переписка с ушедшим в отставку по состоянию здоровья дружкой, дошли слухи, что погиб в ДТП его недавний сослуживец. Последней каплей, переполнившей чашу страха, стала операция на Ближнем Востоке. Вырезав заранее указанную семью работника одного союзного посольства, он получил приказ избавиться от свидетеля, т.е. принимавшего участие в операции помощника. Приказ он исполнил двумя выстрелами в голову. Тогда он понял, что рано или поздно чья-то пуля продырявит и его череп. Не отправлять же его в самом деле на заслуженный отдых!

И Он решил исчезнуть.

В очередной отпуск Он выправил документы в дальние сибирские края, аргументируя это желанием отдохнуть от людей, порыбачить, поохотиться. Зная, что начальство крайне подозрительно относится к потере контроля над агентом более чем на сутки, Он соблазнил поехать с собой нескольких приятелей-сослуживцев. Недели полторы они отды-

хали в лесничестве на берегу полноводной сибирской реки — стреляли зайцев, пили водку, парились в бане. Затем ему по какой-то правдоподобной причине пришлось отлучиться в город. Там, на вокзале, он среди местного синячного люда подыскал похожего на него внешним обликом бродягу. Заманив его щедрой выпивкой, привез поближе к лесничеству и убил, толкнув головой в реку и придерживав до тех пор, пока тот не перестал трепыхаться. Спрятал труп и объявился в сторожке лесника. Там, подготавливая события следующего дня, изрядно выпив, затеял спор, что при его рыбацком умении и счастье сможет за одну зорьку отловить полпуда рыбы. Выставил на кон ящик водки и, покачиваясь, пошел на берег отвязывать лодку.

— Брось дурью маяться, — урезонивали его наиболее здравомыслящие. — Протрезвись, потом рыбачь!

Но он, разыгрывая обиду, стоял на своем.

— Да ладно вам. Погребет по холодку, одумается, — похаживали другие, предвкушая дармовую обильную выпивку.

Наконец на него махнули рукой.

Оттребая от берега, он демонстративно потеряв равновесие, грохнулся на дно лодки, матерясь, встал, снова погреб. Все эти мелкие детальки потом, когда начнется следствие, сыграют ему на руку.

Забросив среди реки якорь, он расправил удочки и стал ждать, нет, не улова, подходящего момента. Наконец, такой подвернулся. Из домика вышли охладиться приятели, одновременно невдалеке прошел быстроходный катер, раскачав лодку на поднявшейся волне. Он вскрикнул, взмахнул руками и перевернул лодку. С берега все это было прекрасно видно. Друзья-приятели побежали ко второй лодке, а он, отнырнув далеко в сторону, прикрываясь волнами, ушел, растворился в наползающем утреннем тумане. На берегу, слыша далекие голоса перекликающихся друзей, он переоделся. Свою одежду натянул на убитого бомжа, которого, обвязав камнями, притопил в густых, никем не посещаемых камышах. Месяца через три, вернувшись к месту своей гибели, он освободит утопленника от пут и пустит в свободное плавание. Его, конечно, найдут, идентифицируют по остаткам одежды (потому что по всему прочему будет проблематично — три месяца в теплой воде срок не малый), составят акт. Конечно, в других случаях начальство вытребовало бы труп и провело тщательную экспертизу, но здесь, когда все очевидно, когда смерть случилась на глазах по меньшей мере трех его сослуживцев — о чем они, естественно, напишут не один подробный рапорт, — долгое расследование вряд ли последует. А бомжа уж тем более не хватятся. Но даже если хватятся, кто сопоставит два таких разных и удаленных друг от друга события? Он действительно хорошо все придумал. Дело касалось не чужой, а его жизни. Как тут не расстараться!

Все произошло, как рассчитывалось. На три

месяца они, Убийца и потерявший жизнь за бутылку водки бродяга, «легли на дно». Причем второй на натуральное, речное. Затем утопленник всплыл, был найден, опознан и захоронен. Для всех Он умер, для себя — родился заново.

Своей профессии он не бросил. Да если бы и захотел — не смог, ничего другого делать он не умел. И потянулась по стране цепочка загадочных или, напротив, до скучного бытовых — это как зазывали — смертей.

В южном регионе он работал уже год. Заявок хватало. Обычно хозяева его не видели. Зачем лишний раз рекламировать свое лицо — он не актер, которому это в убыток. Приемы заказов, обсуждение условий, уточнение сроков и прочие переговоры шли через посредников. По окончании дела соединительное звено убиралось — посредник скоростно умирал — цепочка распадалась.

Последний случай был особый. Заказ был очень крупный. Нужно было вычислить и убрать не одного-двух человек, целую сеть. Без помощников здесь обойтись чем нельзя. Правилу — показываться не более чем одному человеку — пришлось изменить. Но, как все более понимал Он, его новым друзьям тоже не стоило заживаться на этом свете. Но они об этом еще не догадывались и честно исполняли службу.

Почти месяц Убийца ознакомился с обстановкой. Он не любил спешить. Служенье муз не терпит суеты. Для его рода деятельности эта формула подходила как нельзя лучше. Наконец, узнав «клиентов» поближе, Он приступил к действиям.

Первый обреченный выпал из окна. Он сам выбрал свою смерть, пожаловавшись пару раз на работе, что его запилила жена, заставляя повесить недавно купленные гардины. Однажды субботним утром, когда жена была в отъезде, он встал на стремянку, но, как назло, стремянка имела небольшой заводской дефект, а окно было открыто... В самый неподходящий момент она подломилась, и жилец упал с шестого этажа на асфальт. Ах, какая трагическая случайность!

Убийца вышел из квартиры, когда к телу еще не успели подойти прохожие. Лестничную клетку, чтобы его случайно не увидели жильцы, блокировали помощники, изображающие бригаду электриков-аварийщиков.

Второй был сердечником и умер от инфаркта, когда пришедший к нему милиционер сообщил, что его десятилетняя дочь изнасилована и обезглавлена бандой преступников, и показал ужасные в своей реалистичности (отличный фотомонтаж) фотографии. Когда отец схватился за сердце, милиционер почему-то не вызвал скорую и не подал требуемое лекарство. Отец умер естественной смертью, не потребовав даже дополнительного лекарственного вмешательства. Его нашла вернувшаяся с занятий дочь...

Третий утонул в собственной ванной по глупости, уронив в воду включенную в сеть

электробриту. Сколько людям твердят об опасности электричества, а они словно глухие! Отсюда и трагедии.

Три мертвеца за месяц и полное благополучие в милицейских сводках! Убийств не было. Были несчастные случаи, за которые никто не несет ответственности. Убийств не было!

Но были трупы! Но был Убийца!

Итак, подобьем бабки. Вначале дебит.

Порученный мне человек погиб. Защитить его я не сумел.

Резидент обложен со всех сторон и реально помочь мне не может, не забывая, однако, подкидывать свежие задания.

Центр далеко, да и не станет вмешиваться в местные разборки без крайней необходимости.

Им — имя легион, я в единственном числе.

Они вольны действовать как заблагорассудится, я с оглядкой.

Им каждая кочка в помощь, мне в угрозу.

Я здесь чужак и, значит, почти слеп. Они всевидящи.

У них опыт многочисленных убийств, у меня только Учебка. Попробуй здесь выполни приказ и не сложи буйну голову!

Теперь кредит.

Пункт первый. Меня до сих пор не просчитали, в противном случае давно бы устранили.

Второй. Я знаю, кто будет следующей жертвой, где развернутся события.

И, наконец, я знаю убийц в лицо, знаю их тактику.

Пожалуй, все. Не самый великий список, но и не самый легковесный. Не так уж я и безнадежен.

Ну-ка, еще раз. Я, неприметный, незримый для глаз врага, держу в руке леску с гарантированным живцом — четвертым агентом резидента и знаю облик тех, кто непременно выйдет на охоту. Я знаю, где ждать удара и от кого, и по крайней мере, какое-то время имею возможность действовать безнаказанно! Нет, я не в проигрыше. С таким раскладом можно садиться за стол. Если бы еще немного везения... Второй адрес я отрабатывал на максимальном приближении. Так действовать было рискованно, но другого выхода я не видел. Наблюдать издалека, значит не иметь возможности вмешаться в события, значит неизбежно увидеть выносимое из квартиры мертвое тело. А это прямое нарушение четко сформулированного приказа — любой ценой перехватить возвращающегося из командировки помощника резидента и как можно быстрее увести в укрытие — спешно снятую и известную только мне и шефу квартиру. Любой! Пусть даже собственной жизни. Выбор был невелик: я мог исполнить приказ или мог погибнуть, но... предвариательно исполнив приказ. И никак иначе!

Вариант торчания возле подъезда я отбросил сразу. Если начата «чистка», то дом со стороны улицы непременно пасут один-два «топтуна».

Любой человек, более трех минут находящийся в их поле зрения, будет взят на заметку.

Конечно, можно затаиться где-нибудь на чердаке противоположного дома или в канализационном колодце, но попробуй оттуда быстро выбраться, а главное, появление незнакомого лица в момент прохождения объекта, т.е. возвращения номера четвертого, вызовет двойное подозрение. Меня возьмут под белы ручки еще до того, как я зайду в подъезд.

Нет, при таком раскладе лучше не прятаться. Говорят, наглость — сестра таланта. В Учебке инструктор утверждал, что иногда самый надежный способ спрятаться, это не прятаться вовсе. Так сказать, клин — клином... Как можно разрешить ребус — весь день торчать возле нужной двери и при этом остаться незамеченным, не имея сказочной шапки-невидимки? Как аргументировать свое многочасовое присутствие возле отслеживаемого объекта? Как?! Не знаете? А я, кажется, знаю! Надо сделать доброе дело, и тогда непременно воздастся сторицей! Всего-то!

Подъезд, где жил порученный мне агент, был обгажен и обшарпан донельзя. Штукатурка осыпалась, стены в надписях самого неприличного свойства. Ну как тут без ремонта? И отчего не помочь бедолагам жильцам в виде, так сказать, безвозмездной тимуровской помощи? Кто, если не я? А?

Нет, я не поторопился облачиться в рабочую робу, не взял в руки кисть замалевывать хулиганские надписи. Это было бы слишком явно. Так бы я лишь привлек к своей одинокой персоне внимание — кто он, почему делает ремонт именно здесь и именно сегодня? Нет, я должен был оставаться невидимым. А как показывает опыт, в упор не различается только очень малое и очень большое. Можно заподозрить слежку в одном-двух, ну в пяти торчащих по углам знаках. А в ста?! А в прошедшем парадным строем батальоне курсантов военного училища? Для этого надо быть идиотом или талантливым суперпрофессионалом.

Я решил ремонтировать весь дом!

Раздобыв деньги известным еще по первой Учебке способом, я в ближайшем СМУ за три ящика водки получил все необходимое: цемент,

краску, кисти, краскопульты, стремянки и даже машину, которая все это привезла по указанному адресу.

В другом СМУ, представившись работником ЖЭУ — мужики, спасайте, положение хуже хренового, послезавтра комиссия, жильцы пишут петиции, а ремонт на нуле, плачу наличными... — нанял три десятка профессионалов-маляров. Технически это выглядело так. Получивший «на лапу» начальник вызвал доверенных бригадиров и предложил, но, естественно, не в ущерб основной работе, выгодную халтуру. Бригадиров поскребли в затылках и ополовинили бригады, оставив на рабочих местах практикантов ПТУшников изображать ударный труд на фронте жилищного строительства.

Что могли увидеть вражьи глаза? Вначале подошла машина, из кузова которой с грохотом посыпались бочонки с краской, носилки, краскопульты и т.п. строительную дребедень. Затем подъехал, опять-таки нанятый за «гёкалитры», автобус, из него, радостно переговариваясь, вывалились три десятка штукатуров-маляров, подхватили, разнесли по подъездам инструмент, застучали мастерками. Ну, у кого хватит воображения заподозрить, что весь этот шум-гам производится только для того, чтобы прикрыть контрслежку одного-единственного агента-спасателя? И что эти машины, кубометры песка, флажки ограждения, десятки по-настоящему вкалывающих работяг и пр. и пр. — не более чем маскировка, липа!

Пусть даже найдется особо подозрительный следопыт — что он может узнать? Маляры расскажут, что выполняют срочную работу по заказу ЖЭКа. В ЖЭКе сам черт ногу сломит — на то и контора. Если придут любопытствовать, достаточно ляпнуть что-нибудь бездумное, вроде: «Ремонт ведет Спецдомстрой 10 по приказу жилькома горисполкома! Если интересуетесь подробностями — звоните туда». Ну какой начальник ЖЭКа решится звонить в исполком? Максимально, что он сделает, это свяжется со своим непосредственным начальником, а тот, соблюдая субординацию, со своим, а тот... И все это — время, время. Пока кто-то в чем-то разберется, не день — год закончится!

Продолжение на стр. 75

Издательство «ТЕЗИС» (Екатеринбург) предлагает оптом и в розницу КНИГИ:

А.Кенин «ОКНО В МИР КОМПЬЮТЕРОВ» — первое знакомство, загрузка программ, работа в MS-DOS 6.0, NC 4.0, Windows 3.1, защита от вирусов, архивирование, восстановление, засекречивание информации, справочные таблицы, словарь. Твердый переплет, 400 страниц.
«ПОИСК» — уральский сборник приключений и фантастики. Кровавый ритуал сатанистов, молодой отец сражается с сектой за своего ребенка — это детектив А.Крашенинникова. Остросюжетные фантастические повести молодых авторов, рассказы-предупреждения мастеров жанра С.Другаля, Г.Дробиза, М.Немченко. Твердый переплет, 432 страницы, оформление Д.Литвинова.

Заказы принимаются по телефону (3432) 518-290.

Владислав КРАПИВИН

ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО

Повесть

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

АЭЛИТА-95

ЗМЕЙ НАД ПЛОЩАДЬЮ ЧАСОВ (Начало, взятое почти из конца)

Змей был сделан из тонкой оберточной бумаги и просвечен полуденным солнцем. Снизу он казался золотистым.

Дергая мочальным хвостом, змей летел над обширными бугристыми пустырями.

Бугры поросли чертополохом с мохнатыми пуцзовыми шариками, сизой полынью, репейником и всякими травами, что на заброшенных местах достигают человеческого роста и украшают себя желтым и белым мелкоцветьем. А выше всех зарослей стояли в жарком воздухе розово-лиловые свечи иван-чая. Этим летом он цвел особенно густо.

Полет змея был не ровный, а с частыми рывками. Ясно, что кто-то бежал по пустырю и тащил за собой нить. Но кто именно бежит, было не разглядеть. Лишь качание верхушек выдавало его путь.

На склоне пологого бугра была в зарослях проплешина — с клевером и подорожниками. На ее краю стояли двое мальчишек. Один — кудлатый и коренастый, с сумрачным лицом, в разноцветных шароварах и перешитой десантной тельняшке. Второй — тонкий, белобрысый, голубоглазый, с гладкими волосами и хохолком на темени. Он был в просторных шортах и такой же, защитного цвета, рубашке с распашным воротом, погончиками и шестью накладными карманами. Эта одежда в многочисленных барахольных ларьках продавалась под названием «анголка» — явное влияние недавнего знаменитого сериала «Африканские призраки». В карман можно было засунуть по три автоматных рожка. Но мальчишкины карманы были почти пусты, лишь в одном — горстка фаянсовых осколков совсем не военного назначения.

Имена двух друзей пока неизвестны. Придется одного называть Кудлатым, а другого Белобрысым, хотя, наверно, это не совсем удачный вариант.

Друзья тревожно следили за змеем. И за качанием травяных верхушек. Тихо было. Слышалось только мальчишечье дыхание да нарастающий шелест от того, кто бежал.

Белобрысый наконец сказал тонким голосом:

— Вот паразит! Ни вправо, ни влево...

— Тише... Может, еще свернет.

— Не свернет. В самую точку прет, как на радиомаяк...

Кудлатый расправил плечи и хмуро заключил:

— Значит, сам виноват.

— Может, сказать, чтобы уходил по-хорошему?

— Кто сейчас ходит по-хорошему? — умудренный возразил Кудлатый. — А если и уйдет, потом приведет шоблу...

— Если надаем ему по хребту, тоже может привести.

(50)

— Придется так надавать, чтобы не захотел. Белобрысый обеспокоенно потрогал на макушке хохолок.

— Еще ведь неизвестно, кто кого. Какой он... Может, и не один...

— Не вздрагивай раньше срока.

— А кто вздрагивает? — И Белобрысый прочнее расставил ноги.

Шум в бурьянной чаще нарастал.

И наконец неизвестный с разбега выскочил на лужайку.

— А ну, стой! — разом крикнули два друга. Один густым, другой звонким голосом.

И враг замер.

Это был не страшный враг.

По правде говоря, никакой не враг.

Мальчишка лет восьми, запыхавшийся и взъерошенный, в трикотажном летнем костюмчике, сплошь покрытом картинками из мультфильмов про Африку: пальмы, бананы и всякие там звери-крокодилы. Главный цвет картинок был зеленый, и будто нарочно, в тон им, крупными кляксами зеленки были заляпаны мальчишкины ноги. А волосы — светло-желтые и глаза тоже светло-желтые, как у косматого льва, отпечатанного посреди майки.

Но теперь глаза эти быстро темнели от испуга.

В кулаках мальчик сжимал метровую заостренную снизу палку. К верхнему ее концу была привязана нитка змея. Видимо, для того, чтобы тянулась повыше, не цеплялась в кустах. Мальчик был похож на маленького знаменосца, с разбега налетевшего на неожиданных врагов.

Двое смотрели на него. Он — на них.

Наконец мальчик приоткрыл рот. Голос был сипловатый — то ли от испуга, то ли от природы такой. А слова — сбивчивые:

— Я не знал... Сюда нельзя, да? Я правда не знал. Я думал, что я тут кругом один...

При этом он машинально покачивал палку с нитью, чтобы змей продолжал ощущать натяжение и не упал. Здесь, внизу, было жаркое, пахнущее травами безветрие, но выше над буграми тянул ветерок. Поддерживал змея.

Мальчик шевелил палкой, а глаза все темнели, и вокруг него нарастал звенящий страх.

Простор и безлюдье пустырей утратили свою заманчивость и доброту. Теперь в них была только угроза. И как далеко сразу оказалось все привычное, живое: улицы, трамваи, прохожие, свой привычный двор, мама... Кругом — пустыня. И эти двое могли здесь, в пустыне, сделать с ним все, что угодно. Каждый был в полтора раза старше и в десять раз сильнее. Что они так смотрят? И молчат... Они увидели, что у мальчишки мелко задрожала нижняя губа, он торопливо прикусил ее.

— Ну вот, — угрюмо бормотнул Кудлатый, — теперь напустит в штаны...

— Перестань,— отчетливо сказал Белобрысый.

— Перестал...— Кудлатый усмехнулся и поднял голову. Золотистый змей в синеве был теперь почти неподвижен. Кудлатый спросил:

— Сам, что ли, сделал?

В этом вопросе, в его интонации маленький хозяин змея уловил что-то такое... намек на возможность избавления.

— Я? Да... Я сам. Я ведь не знал, что здесь нельзя... Вы только не трогайте змей, ладно? Я с ним столько возился. Второй раз уже не смогу...

Кудлатый и Белобрысый отвели от него глаза, посмотрели друг на друга. Потом — в землю. Без слов. Мальчик подождал и нерешительно нарушил молчание:

— Скажите, п-пожалуйста...— сбивчивость он старался преодолеть старательным выговариванием: — Может быть, вы знаете место, где мне можно играть и никому не мешать?..

Кудлатый засопел и колупнул башмаком траву. Тогда Белобрысый подошел к мальчику и сел перед ним на корточки, как взрослый перед потерявшимся на улице малышом.

— Никому ты не мешаешь. Чего ты испугался? Играй...— Он оглянулся на Кудлатого, потом снял со штанов и майки мальчика несколько репьев.— А если хочешь... давай играть вместе...

— Вместе пускать змей, да?! — в голосе мальчика исчезла сипловатость.

— И змей, и... в нашу игру.

Темнота быстро уходила из мальчишкиных глаз.

— А что за игра? Она... опасная, да? Нет, я не боюсь...

— Сам ты опасный,— сказал издали Кудлатый.— Ломился, как укушенный носорог через джунгли. Все мог растоптать.

— Я же не знал... А что я мог растоптать?

Кудлатый подошел.

— Дай-ка палку... Ну дай, не бойся, я ее воткну. Змей не упадет, ветер-то в небе ровный...— Он грудью налег на верхний конец палки, и нижний, заостренный, вошел в почву.— Вот так. А теперь пойдём...

— Но только никому ни слова про наши дела. Понял? — предупредил Белобрысый.

— Ну конечно же, я понял! Я... самое-самое честное... А вы... для того и кричали «стой»? Чтобы я не растоптал это?

— Что же нам было кричать? — буркнул Кудлатый.— «Добро пожаловать», что ли?

Раздвигая бурьян и дикий укроп, он прошли шагов двадцать. И оказались на лужайке.

Здесь был город.

Это был город для жителей муравьиного рота.

Пестрели дома из обточенных обломков кирпича, кубиков пенопласта и разноцветных кусоч-

ков оргстекла. Подымались глиняные, с рельефными украшениями, башни. Их соединили крепостные стены из раскрашенных под кирпич дощечек. Был здесь и замок с кровлей из обрезков золотистой жести, и храмы с куполами из разноцветных половинок яичной скорлупы, и цирк, увенчанный блестящей жестяной воронкой. Были кружевные изгороди и мостики из алюминиевой проволоки, и бассейны размером с блюдце, и лестницы, украшенные по бокам статуями — шахматными коньками и пешками. Был даже памятник — конный рыцарь из набора оловянных солдатиков...

Но лучше всего была площадь перед замком — просторная, почти с квадратный метр.

Площадь вымостили разноцветными осколками фаянсовой посуды. Осколки складывались в картину-мозаику.

В левом дальнем углу площади строители выложили белый циферблат с желтыми числами и черными фигурными стрелками. К циферблату примыкала красная шестерня со спицами, к ней — цепляясь зубчиками — другая, к той — третья. И еще, еще. Этот узор из шестерней всякого размера и цвета изображал хитрый часовой механизм. В середине площади в него вписана была желтая косматая спираль — то ли пружина, то ли галактика. А в ближнем правом углу — маятник со смеющимся ликом солнца на диске. Вся часовая механика расположена была на фоне голубых и серых облаков. У краев площади эти облака заканчивались клубящейся кромкой и оставляли место блестящему небу — темно-синему и лиловому. В нем горели желтые и белые созвездия...

Мальчик с минуту смотрел на сказочную столицу восторженно и бессловесно.

Потом спросил шепотом:

— Неужели вы все это... вдвоем?

— Ага,— сказал Кудлатый.

Белобрысый наклонился к мальчишкиному плечу.

— Хочешь с нами? Здесь еще полным-полно всякой работы.

— Чего же спрашивать. Я конечно... Только я, наверно, не умею...

— Сумеешь. Змей-то сумел сделать. Вон какой хороший...

Все трое оглянулись. Солнечный прямоугольник виден был над высокими цветами иванчая. Он чуть подрагивал.

— Может, его опустить? — робко предложил мальчик.— Не стоит оставлять без призора.

Кудлатый махнул рукой:

— Давайте перенесем палку вон туда, вперед! Чтобы змей оказался над нами. Тогда если и приземлится, то прямо сюда.

— Давайте! — возликовал мальчик. И вдруг испугался: — Ой... а если...

— Что? — разом спросили два друга.

— А если его увидит кто-то... посторонний. И захочет посмотреть ближе. Он ведь придет прямо сюда! Я сперва не подумал...

— Не увидит,— снисходительно сказал Кудлатый.— Со стороны, с улиц, не видать, что летает над Буграми. Разве ты не знал?

— Я... нет... А почему не видать?

— Такое здесь место,— со строгой ноткой сказал Белобрысый.

— Да? Тогда хорошо... Ой! А если увидят те, кто бродит здесь, по Буграм?

— Здесь не бродит никто, кроме нас... и тебя,— усмехнулся Кудлатый.

— Разве?

— Да,— сказал Белобрысый.— Никто... по крайней мере, из тех, кто может навредить нашему городу... Слушай! А ты сам-то как тут оказался? Где нашел проход?

— Я... под насыпью. Там такая железная труба. Наверно, для весенних ручьев. Почти вся заросла. Я раздвинул бурьян и нашел. Пролез...

Кудлатый присвистнул.

— Вот, значит, где!

— Никому не говори про трубу,— не строго уже, а по-приятельски попросил Белобрысый.

— Никому на свете!.. Я знаете почему наткнулся на трубу? Я искал щенка... Скажите, пожалуйста, вам не встречался рыжий щенок с черным пятном на ухе? Уши лопухастые, а шерсть мохнатая...

Белобрысый и Кудлатый переглянулись. Кудлатый мигнул и приоткрыл рот. Белобрысый быстро сказал:

— Нет. Рыжий с пятном не встречался ни разу.

— Теперь уж, наверно, не найти,— вздохнул мальчик.— Пол-года прошло... Подрос и меня, конечно, не узнает. Я думаю: хоть бы его добрые люди подобрали. Чтобы жилось хорошо...

— Наверно, так и есть,— глядя в сторону, сказал Кудлатый.

— А город ваш... никто-никто не видел, кроме вас и меня?

Белобрысый отозвался чуть виновато:

— Нам не жалко, если бы приходили и смотрели. Но ведь разорят в момент.

— Я понимаю...

Они перенесли палку на сотню метров против ветра. И змей остановился в зените, прямо над площадью Часов. Двое друзей и мальчик в «мультяшной» одежке сели на корточки у красной крепостной стены.

— Я знаете что могу? Я могу делать вот такие крошечные вертушки! Из бумаги и пленки. Их можно поставить на крышах... Можно?

— Давай,— сказал Кудлатый.

— Неплохо бы и мельницу ветряную сделать,— заметил Белобрысый.

— Это я тоже могу!

...Скоро в городе с площадью Часов шла дружная работа. Сквозь бурьян и татарник слышны

были голоса. Изредка перебивал их смех. Чаще всех смеялся хозяин змея — безбоязненно и доверчиво.

Если бы он знал, как далеко по Вселенной разносится его смех! И какие космические устои он рушит...

В ЗАРОСЛЯХ ИВАН-ЧАЯ

1. Голубая гроза

Баба Дуся не боялась почти ничего на свете. Лишь два страха временами портили ей жизнь.

Во-первых, всю весну ее грызло опасение, что могут отобрать Шурку. Как привезли однажды, так и увезут — в далекий интернат, в город с длинным нездешним названием. Скажут: старая ты, чтобы растить и воспитывать мальчишку...

Но люди, что в марте одарили бабу Дусю внуком, к июню привезли и документы.

В первой справке говорилось, что Александр Полушкин есть ее, Евдокии Леонтьевны, вполне законный несовершеннолетний родственник. И что она, гражданка Е.Л.Смиринина, полноправная Шуркина опекунша.

Другая бумага давала гражданке Смирининой право получать на Шурку денежное пособие.

А третий документ предписывал директорше ближней школы принять первого сентября Александра Полушкина в седьмой класс в связи с переездом на данное место жительства.

И примет, куда не денется. Тем более, что город с бывшим Шуркиным интернатом после недавних политических трясок оказался на территории другого суверенного государства. Там, разумеется, хватает беспризорников и без Полушкина...

Причина для беспокойства исчезла. И Шурка несколько раз подъезжал к бабе Дусе:

— Ну, теперь-то уж скажи, что за город. Чего ты боишься?

— Придет время, сам вспомнишь. А пока, чем меньше знаешь, меньше рассказывать будешь. Оно и спокойнее...

— Да кому мне рассказывать-то!

Шурку брала досада. Он морщился, напрягал память, но почти сразу начинался в ушах беспорядочный звон. Словно кто-то спускал с высоты до земли сотни металлических нитей с бубенчиками. За этой звенящей завесой пряталось многое из того, что случилось раньше. А если Шурка не отступал, начинало болеть в левой стороне груди. Словно там было, чему болеть...

Шурка встряхивал головой. Звон затихал. И Шурка возвращался к нынешней нехитрой жизни...

Короче говоря, страх бабы Дуси насчет Шурки оказался не очень длинным.

Однако на смену ему подоспел, ожил другой — стародавний и неистребимый.

Июнь пришел жаркий и влажный. Чуть не каждый день накатывали грозы. А молниями и гро-

мом баба Дуся была напугана с детских лет на всю жизнь.

Едва начинало погромыхивать, она закрывала форточки, проверяла в дымоходе вьюшку и запирала на все крючки и задвижки наружную дверь (что, сами понимаете, было уже сплошной бредятиной).

Потом баба Дуся укрывалась в кухонке с наглухо зашторенным окном и звала Шурку к себе — бояться вдвоем было легче.

Но Шурка не боялся.

Когда за окном грохало, а баба Дуся крестилась и шептала «ох ты, Господи, грехи наши», Шурка пытался воззвать к ее рассудку:

— Ну при чем тут твои грехи! Это же природа! Летом всегда бывают грозы, пускай хоть все на свете сделаются безгрешные...

— Ох, да помолчи ты, окаянная сила...

А за окном опять: бух! трах!

— Господи-светы...

— И ни при чем тут Господи, это атмосферное электричество.

— Да без тебя знаю, что атмосферное! Оно и страшно. Господь-то, он милостив, а электричество это лупит куда ни попадя. На той неделе у рынка киоск молнией спалило...

— Подумаешь, киоск! Всего один. А рэкетеры этих киосков семь штук подряд сожгли на улице Красина. Да еще склад подорвали с парфюмерными товарами. На два квартала вокруг тройным одеколоном пахло. Пьяницы сбегались, неразбитые флаконы искали...

— Ох, Шурка, это ты меня заговариваешь, чтобы о страхе забыла.

— Ну да!.. Но о пьяницах — правда. Спроси дядю Степана, он тоже туда ходил... Баб-Дусь, да не бойся уже, пронесло. Слышишь, теперь совсем в отдалении гремит.

— Пронесло... Кабы последний раз это! К ночи, небось, опять нагонит.

Ночью было ей еще страшнее. Шурку ведь не станешь будить и к себе звать...

А он не спал. И слышал, как баба Дуся в своей комнатухе скрипит кроватью и шепчет молитву. Потом шепот стихал: баба Дуся накрывала голову подушкой.

Тогда Шурка вставал, отодвигал шторку, открывал форточку. Впускал в дом свежесть и грозовые вспышки.

Так было и в этот раз.

Гроза собралась к полуночи. Гремело пока не очень сильно, зато взмахи голубого света то и дело распахивали небо. И открывались в нем облачные материи: выпуклые рельефы бирюзовых горных массивов, лиловые провалы и зубчатые вершины, окутанные сизым дымом. И серебристые смерчи космических размеров. Смерчи казались неподвижными. Все казалось неподвижным, как на гигантских слайдах. Потому что молнии вспыхивали на очень короткий миг. А когда одна вспышка гасла и

сразу загоралась другая, картина была иной — словно в проекторе сменили кадр.

Эти синие и голубые, сизые и лиловые пейзажи были неземными. И Шурка подумал уже не первый раз: «Наверно, как на Рее. Она ведь тоже голубая...»

На ней — незнакомой, дальней, сказочной — небывалый простор аквамариновых вод, граненое стекло бирюзовых скал, хрустальные дуги мостов и блеск прохладных крутых водопадов... И солнце, похожее на люстру с тысячей сверкающих подвесок...

Полыхнуло несколько раз — без звука. Но когда упала короткая темнота, ударил такой треск, что старый двухэтажный дом содрогнулся всеми бревнами. Теплые половицы ударили Шурку по ступням, он подпрыгнул. И услышал, как на кухне сорвался с гвоздя латунный таз — это было продолжение грома.

Шурка выскочил на кухню. Таз на полу все еще вибрировал. И отражал вспышки. В желтой латуны они были зелеными. Показалось Шурке, что от металла идет тихий равномерный звон.

Правда?!

Шурка подхватил посудину и надел на голову. Запах кислой меди ударил в нос. А в ушах — сразу тишина. И пустота бескрайних пространств. И еле слышный шепот эфирных волн — Вселенная не спит.

— Алло... — неуверенно сказал Шурка. — Гурский... Это я, Полушкин. Гурский, вы меня звали?

Пространства молчали. Зато земной голос оказался неожиданно близким и сварливым. Плачуще-сварливым.

— Тебя зачем, окаянная сила, сюда принесло?

Баба Дуся — маленькая, круглая, в серой рубашке до пят — стояла в двери и мелко крестилась при каждой вспышке. Они загорались в ее толстых очках (без этих очков она — ни шагу).

— Я это... водички попить, — растерянно сохрал Шурка.

— Из таза, что ли? Никак спятил...

— Он со стены грохнулся, я и поднял...

— А на башку-то на дурную зачем надел? Не знаешь разве, что молнии по металлу поперёд всего лупят?

Да, видимо, она ничего такого не подозревала...

Шурка повесил таз, подошел, щекой лег бабе Дусе на пухлое плечо.

— Ба-а, ты такая храбрая, а грозы боишься, прямо как в детсадовском возрасте... — А в это время опять: бах! И трах, бух, грох!

— Пресвятая Богородица!.. Я храбрая с тем, с кем умею справиться. А с этой небесной страстью что можно сделать-то?

— У нас же громоотвод... Пойдем спать.

Он повел бабу Дусю в ее комнатуху. Укрыл одеялом, когда легла. Поплотнее задернул на окне занавеску.

— Шур, посиди тут на краешке, а? Одна-то я совсем сомлею со страху.

— Ага, я посижу.

Он присел у бабы Дуси в ногах, щекой прислонился к завиткам на спинке старомодной кровати.

Любил ли он бабу? Трудно сказать. Но все же как-то привязался за весну. Бывало, что скучал, если надолго уходила из дома. Как-никак единственная на свете родня, хотя и дальняя. Если, конечно, Шурку не обманули. Может, просто бабе Дусе заплатили как следует, чтобы признала его за внука. Им ведь ничего не стоит... Может, просто эта Евдокия Леонтьевна подошла им по всем условиям. Хотя бы потому, что оказался у бабки тот большой латунный таз: по нынешним временам вещь редкая, старинная...

Впрочем, Шурка думал об этом без грусти и тревоги, лениво. Что было, то было. И теперь — все к лучшему... В конце концов, баба Дуся его, Шурку, все равно любит как родного. Не по заказу.

Нельзя сказать, чтобы она его баловала. Бывало, иной раз и прикрикнет: «Ты будешь слушать бабу или нет? Вот скручу полотенце да этим полотенцем меж лопаток!..»

Шурка смеялся: «Не-е, баб-Дусь! Я же твой единственный любимый внук».

«Ну дак и что же, что любимый! Любимых-то ишло больше надо держать в строгости».

Но строгости в бабе Дусе не было. Зато была крепкость характера. Потому что в жизни ей хватило всякого. В молодости побывала замужем, но детей не завела, а муж-пьяница скоро помер. С той поры вела Евдокия Леонтьевна жизнь одинокую. Помыкалась по разным городам и поселкам. Наконец лет двадцать назад получила комнату в этом доме. Комната была просторная. Евдокия Леонтьевна своими руками поставила дощатые стенки — разделила жилплощадь на две каморки да еще ухитрилась выгородить кухню.

Было время, сдавала она одну комнатку студенткам здешнего педучилища. Но потом не стала.

— Уж больно они, нынешние-то, шалапутные стали...

Жила баба Дуся не бедно. До пенсии работала мастерицей в швейном ателье. Потом стали сдавать глаза. Но и сейчас, в своих толстенных очках, баба Дуся иногда садилась за работу по просьбе знакомых и соседок.

Соседи Евдокию Леонтьевну уважали, хотя за глаза порой называли Кадусей. То ли сокращенно от «баб-ка Дуся», то ли за ее малый рост и округлость — мол, совсем будто кадушка для квашеной капусты.

Да, ростом баба Дуся не вышла — невысокому Шурке чуть выше плеча. Но Шурка все равно признавал ее авторитет и сверху вниз на «баб-Дусю» не смотрел (по крайней мере, в переносном смысле). Разве что во время грозы...

Баба Дуся целыми днями хлопотала по хозяй-

54

ству. Но Шурку домашними делами не перегружала. Хочешь — лежи на диване и читай, хочешь — гуляй, хочешь — телевизор смотри. Ну, а если посуду помыть да пол подмести — это разве большая работа?

Иногда по вечерам они вместе смотрели футбол. Баба Дуся болела за «Спартак», и Шурка делал вид, что он болеет за ту же команду, хотя было ему все равно. Случалось, что беседовали: бабка рассказывала о своем житье-бытье, а Шурку иногда просила:

— Ты рассказал бы чего-нибудь еще про греческих богатырей. Про Геракла там да про этих, про кентавров. Очень даже занимательно...

Шурка без особой охоты, но не упрямясь, пересказывал ей мифы Эллады. Те, которые любил читать в прежней (уже такой далекой) жизни. Он понимал, что бабу Дусю не так уж волнуют эти истории. Просто она не хотела, чтобы он молчал весь вечер. Боялась, что придут к нему тоскливые мысли.

Но она зря боялась. Шурка жил спокойно и беззаботно. Он теперь находил интерес и маленькие удовольствия в самых простых вещах. Мог, например, с увлечением наблюдать, как пухнет снежной шапкой на закипающем молоке пена. Радовался зеленым стрелкам овса, прорастающим в цветочном горшке рядом с геранью. Подолгу смотрел на облака, на воробьев, на девочек-дошкольниц, что прыгали на дворе через веревочку.

Ровесников для Шурки в двухэтажном четырехквартирном доме не нашлось. Так, мелкота всякая. Ну и ладно... А может, и это нарочно сделано, чтобы не было лишних контактов?

Гурский почти не беспокоил. За все время только два раза начинала тонко вибрировать на кухне латунь. Шурка хватал таз, опускал на голову.

— Гурский, это вы?

— Как дела, Полушкин?

— Нормально... Я что-то должен делать?

— Ничего. Пока ничего. Живи спокойно.

— Ага...

Баба Дуся один раз это заметила, удивилась:

— Ты чего бормочешь под посудиной?

— Играю так... В космонавтов.

— Ну, играй, играй...

И Шурка жил дальше. Он чувствовал себя, как пассажир на малолюдной пересадочной станции. Прежний поезд ушел, другой придет лишь завтра (или через неделю, или через год), и делать пока абсолютно нечего. Гуляй себе по окрестностям или гляди по сторонам. Слушай, как посвистывают птицы, как голосит в отдалении деревенский петух. Смотри, как растут в щелях разошедшей платформы ромашки. Радуйся теплоте дню и тому, что оставила тебя тоскливая хворь...

Гроза отодвинулась. Сполохи за шторкой были еще яркие, но гремело глухо. Баба Дуся уснула, как девочка, с ладошками под щекой. Очки соскользнули и лежали рядом на подушке.

Шурка осторожно положил очки на стул с бабкиной одеждой. На цыпочках ушел к себе. Лег, не укрываясь. Воздух из форточки прошелся по телу мягким крылом. Прохладный, чистый.

...А на Рее всегда такая свежесть и чистота. И люди могут свободно летать над лагунами и водопадами со скалы на скалу.

«Реять над Реей...» Что-то похожее было в каких-то стихах. Только они про море и корабли, а не про планету.

Впрочем, никто, кроме Шурки, не зовет ее Реей. Во-первых, никто не знает. Во-вторых, земного названия у нее просто нет.

«А как она называется, ваша планета?»

«Трудно ответить. «Называется» — это вообще чисто земное понятие. У нас не так...»

«Ну, все-таки...»

«Ладно. Если хочешь, то...» — И он выдохнул что-то похожее за «Рэ-э». Только звук «р» был не отчетливый, а словно проглоченный, как у англичан.

«Рэ-э», да? А можно «Рея»? У древних греков так звали мать Посейдона, бога морей. У вас ведь там сплошь моря...»

«Можно, если хочешь. Конечно... Сколько у вас, у землян, всяких сказок. Хоть какая-то реальность в них есть?»

«Какая-то есть. Обязательно... Не все у нас плохо, не думайте!»

«Я и не думаю, что все... Спи, Полушкин».

2. Отражение

Утром на улице пахло мокрыми листьями и синели лужи. В них плавали обломанные тополиные ветки.

Шурка выбрал самую большую лужу и пошел по краю. Это занятие всегда ему нравилось. Идешь будто над бездонным провалом, где в фиолетовой глубине висят маленькие желтые облака. Тоже напоминает Рею. По крайней мере, так Шурке кажется.

Если прыгнуть в такой провал, сперва будет жуть падения, но потом безопасно опустишься в пушистое облако — словно в перину. Однако Шурка не прыгал. Чтобы не случилось разочарования.

Зато летать над бездной он пробовал. Разбегался и перескакивал обширные дождевые разливы. И в середине длинного прыжка старался усилием воли уменьшить скорость. И повиснуть над пустотой! Один раз это почти удалось. Шурка на миг остановился в полете. Да! А мальчишка, похожий на Шурку, что летел под ним в провале, вдруг исчез. И глубина открылась под Шуркой всей своей бесконечностью. Он ухнул в эту глубину... и хлопнулся в лужу на четвереньки. Хорошо еще, что не задним местом, а то бы совсем скандал.

Больше таких опытов Шурка себе не позволил.

Потому что кто его знает! Вдруг сработает здесь что-нибудь такое? В другой раз и правда улетись...

Но лужи Шурка не разлюбил. И сейчас он скинул кроссовки и осторожно вышел на самую середину.

Воды оказалось выше косточек, но это не страшно, потому что школьные штаны были подвернуты почти до колен. Шурка почти всегда их подворачивал. Во-первых, жарко, а во-вторых, брюки были куцые и обтрепанные внизу. Баба Дуся все охала, что вот уже лето началось, а подходящую одежду внуку она все еще не справила.

— Потому что не знаю, что и покупать. То цена несусветная, то мода непонятная... Хочешь разноцветный костюм, весь в картинках? Корабли там всякие да попугаи. Как в телевизоре.

— Баб-Дусь, ты не выпалась, да?!

— А чего? Вон сколько мальчонков бегают в таком разноцветном. Глаза радуются.

— Кто бегают-то! Пацаны дошкольного размера!

— Всякого размера бегают... А ты уж поди шибко большой!

— А маленький, да? Двенадцать лет на носу!

— Ох ты, Господи, да на вид-то все одно не больше десяти. Да и где твои двенадцать? Надо еще лето прожить да пол-осени...

Это верно. День рождения наступит, когда Солнце войдет в созвездие Весов. Так ему и сказано было: «Очень важно, что ты — «Весы».

Почему важно? Стерлось в памяти. Ладно, вспомнится, когда надо... А может, никогда это «надо» не придет?

А как же тогда Рея?

А разве она есть? Сам, небось, выдумал...

Шурка глянул вниз, под себя.

Тот, что перевернуто стоял под ним — тоже в подвернутых штанах и выцветшей клетчатой рубашке, щуплый и с косматой, овсяного цвета головой — внимательно смотрел снизу. Шурка слегка нагнулся.

Да, отражение уже не то, что прежде, в домашнем зеркале. Баба Дуся за весну откормила и отпоила молоком с медом неожиданно свалившегося на нее внука. Нет уже рвущей кожу остроты скул. Нет под глазами темноты. Нет в лице прежней интернатской оцетиненности. Пацан как пацан, из нормального дома. Только вот волосы...

Но что делать, если обрастает Шурка стремительно! Баба Дуся каждую неделю обрабатывает прическу портновскими ножницами. Тут уж не до моды, не выглядел бы только обормотом... А ногти Шурка стрижет каждый вечер, иначе бы скоро выросли, как у китайского мудреца Конфуция (из учебника по истории). Называется это «способность к повышенной регенерации». Она появилась еще в клинике, и Гурский снисходительно сказал:

— Ничего, Полушкин, потерпи, это побочный

эффект. Со временем пройдет. А пока... в конце концов, здесь есть и хорошая сторона.

— Ох, и откуда в тебе эта... скороспелая обрастаемость, — лязгая своим инструментом, ворчала баба Дуся. Шурка помалкивал. Он знал, откуда. А может, и баба Дуся знала, только притворялась?

Ночной дождь прибил тополиный пух, но сейчас земля уже подсохла, и пушистая метель потихоньку начинала свое кружение. Она тихо радовала Шурку.

А баба Дуся тополиный пух не любила. Потому что он собирался у заборов пухлыми грудями и мальчишки эти груды часто поджигали. Чем такое дело грозит деревянным домам, понятно всякому. Кроме этих самых мальчишек.

— Ты не вздумай такими играми баловаться, — настаивала баба Дуся Шурку.

— Я что, шизик, по-твоему?

— Вроде бы никто не шизики, а жгут. Подбивают на дурное дело друг дружку... Гляди, и тебя подговорят!

— Да кто? У меня и знакомых-то здесь нет!

— А оно и плохо, что нет, — переключалась баба Дуся. — Все один да один... Вон в садике у школы ребятишки каждый день мячик гоняют. Симпатичные такие, вовсе не хулиганы...

— Ну и молодцы, что гоняют, — отзывался Шурка с полным доброжелательством к симпатичным ребятишкам.

— Значит, не хочешь ни с кем дружбу водить?

— Не знаю... Пока нет.

Но при последнем таком разговоре Шурка уже хитрил. Был человек, с которым подружиться хотелось.

Жил этот человек на улице Каляева. Жила...

По улице Каляева ходил трамвай.

Эта трамвайная линия была самая старая в городе и называлась Мельничная.

Начинался трамвай на маленькой, заросшей лебедью площади с водонапорной башней. Тянулся по Водопроводной улице, пересекал по дамбе Колдуновский овраг и начинал петлять...

Шурка был, видимо, по природе зрителем. Полюбившиеся фильмы он смотрел по многу раз. Таким фильмом была для него и Мельничная линия. В начале мая Шурка от нечего делать сел в расхлябанный, старинного вида вагончик шестого маршрута, проехал весь путь от начала до конца. И с той поры катался по Мельничной постоянно. Смотрел в трамвайное окно и тихо радовался.

Вроде бы ничего особенного, обычная окраина. Однако Шурке в здешней тишине и заброшенности, в петлянии рельсовой колеи, в косогорах с покосившимися домиками и старых водокачках чудилась заколдованность.

...Итак, после дамбы начиналась «карусель».

Трамвай, дергаясь, как вагончик игрушечной железной дороги, нырял в кривые переулки.

Он бежал впритирку с заборами, и стоявший у этих заборов репейник жесткими верхушками скреб по стеклам.

Иногда трамвай выскакивал на бурьянные пустыри, где в серых зарослях валялись непонятные ржавые механизмы и синели блюдца воды — остатки растаявшего снега.

Потом, делая неожиданные витки, трамвай катил среди приземистых мастерских, складов и дворов, среди которых громоздились штабеля гнилых ящиков, валялись решетчатые стрелы грузовых кранов и кособочились поломанные экскаваторы.

Временами вагон взбегал на горбатые мостики с литыми узорами чугунных перил. Мостики пересекали то речку Саженку, то железную дорогу. На колеях этой дороги в застарелой неподвижности спали щелястые товарные вагоны и бурые цистерны. Почти все рельсы были ржавые, кое-где между шпалами пробились березки. Лишь один из путей отражал солнце — видеть, по нему время от времени еще ездили.

Рельсы вели к могучим заводским воротам.

Завод вздымался над садами и домиками окраины всей своей мощью — стеклянными крышами закопченных цехов, эстакадами, кранами, полосатыми трубами и усеченными пирамидами гигантских конденсаторов. Над покрытыми серой жестью пирамидами всегда колыхался жидкий пар. Изредка с территории доносились шипение, механические хрипы и гул. Но трубы почти не дымили; завод работал в четверть силы. Он дышал тяжело и беспомощно, как выброшенный на берег кит.

Назывался завод «Красный трансформатор». Но даже малые дети знали, что трансформаторы — не главная его продукция. А главная — броневая сталь. В последнее время спрос на броню сильно поубавился, а для сковородок, подносов и прочего мирного товара этот металл, очевидно, не годился. И «Красный трансформатор», прямо скажем, умирал. Люди с него уходили кто куда. Цеха замолкали, обширные пространства покрывались сорняками.

Шурке не было жаль завод. Все, что связано с оружием, вызывало у него отторжение, похожее на тугую боль. Лишь о латунной трубке он вспоминал без отвращения. «Жаль только, что промахнулся...» Но это было давно, давно, давно...

Трамвай между тем круто поворачивал снова, завод оставался за косогором с полуразрушенной церковью. Вагон выкатывал на улицу Каляева.

Улица была одноэтажная, с палисадниками, с густыми рябинами и россыпью одуванчиков.

Одуванчики в этом году зацвели очень рано. Они принесли на окраины солнечное веселье.

А еще лучше стало, когда загустела летняя зелень и начал цвести иван-чай.

Он цвел всюду: вдоль заборов, на пустырях, в палисадниках. Даже в темных выбитых окнах заброшенных мастерских светились его розовые свечи.

Шурке нравилась эта неприхотливая и большая, в рост человека, трава с узкими листьями и высокими остроконечными соцветиями. В соцветиях была неброская красота и обещание долгого лета. В их нижней части цветы широко раскрыли свои пять лепестков, выше они распускались лишь наполовину, а верхушка состояла из похожих на острые семечки бутонов. Пусть нижние венчики отцветают без боязни. Выше вон еще какой запас! Хватит до самой дальней осени...

По Каляевской трамвай шел довольно долго. Потом опять начинал петлять и наконец выезжал к большому каменному мосту. Под мостом была еще одна железная дорога. А рядом с ней стояли многоэтажные кирпичные развалины.

До революции здесь были паровые мельницы. Отсюда и название линии. Потом мельницы переделали почему-то в пивоваренный завод, а во время войны, говорят, здесь производили взрывчатку. В послевоенные годы этот завод вырабатывал пластмассу, а потом на нем случился пожар, после которого все оказалось заброшено...

Рельсовая линия кончалась именно здесь, у мельниц. Она ныряла под мост, делала петлю и возвращалась на прежнюю колею. Потом путь продолжили, положили рельсы поверх моста, и они потянулись аж до поселка Ново-Садовое. Но эта дорога была уже не так интересна. Туда ходил трамвай номер четырнадцать. А шестерка доезжала лишь до старого кольца. На остановке «Конечная — Мельницы» все пассажиры выходили. Даже те, кто по каким-то причинам хотел отправиться обратно. Вожатые не терпели, когда кто-то ехал в трамвае под мостом. Наверно, боялись, что какой-нибудь псих-террорист подбросит туда бомбу.

Шурка один раз, в середине мая, пытался проехать, притулился на заднем сиденье, но грузная тетка-водительша с криками турнула его. Шурка перешел на другую сторону пути, но в подъехавший с кольца вагон не сел — чтобы не попадаться на глаза грозной хозяйке трамвая. Дождлся другого.

Вот не случись такого перебоя в пути, может, и не подвернулся бы тот момент, когда Шурка увидел в окне девочку.

В середине улицы Каляева стоял зеленый дом с тремя окнами в белых кружевных наличниках. Палисадника перед домом не было, густо росли у дощатой завалинки одуванчики.

День стоял совсем уже летний, крайнее окно было открыто. На подоконнике сидела круглолицая девчонка с длинными пушистыми косами льняного цвета. Одна коса спускалась из окна. Девочка, нагнувшись, играла ею с кошкой, которая сидела на завалинке. Кошка лапами тереби-

ла конец косы и радовалась. А девочка поглядывала то на нее, то на улицу.

Шурка высунулся из трамвайного окошка. «Мальчик, не высовывайся», — сказал в микрофон вожатый, но Шурка не послушался. Рельсы пролегали совсем недалеко от дома. Шурка встретился с девочкой глазами. Она вдруг засмеялась и показала Шурке язык. Но не обидно, а так, будто приятелю-однокласснику. Такая дружеская дразнилка. И Шурка... он тоже заулыбался и поднял к носу большой палец, а другие растопырил и зашевелил ими: вот, мол, тебе...

И тогда она помахала ему рукой. И он тоже помахал ей. И сразу частые рябины закрыли от него зеленый дом...

И потом долго было тепло в груди. Словно туда сквозь стеклянное оконце проник солнечный лучик. И не погас...

С той поры Шурка ездил по улице Каляева почти каждый день.

Раньше этот участок Мельничной линии казался ему не самым интересным. А теперь сделался любимым. Одно только не нравилось Шурке — само название улицы. Потому-то однажды он набрался храбрости и спросил у пассажиров:

— А кто такой был этот Каляев, не знаете? — И добавил виновато: — Я не здешний.

Коротко стриженный парень с буграми мускулов под майкой небрежно разъяснил:

— Хрен его знает. Кажется, террорист-подпольщик был до революции, какого-то князя угрохал. В Москве в его честь тоже есть Каляевская...

Шурка поморщился. Как ни живи, а от прошлого и от сравнений не уйдешь. Хотя, конечно, Лудов не был князем, а был просто гадом. И, в отличие от князя, Лудову повезло...

Но потом совершенно случайно — на обрывке газеты, в котором баба Дуся принесла с рынка головки чеснока, — Шурка прочитал: «Сегодня Краеведческий музей проводит конференцию, посвященную двухсотлетию со дня рождения нашего земляка, ученого-самоучки, знаменитого заводского умельца И.А.Каляева, который прославился многими изобретениями и в честь которого названа одна из улиц Саженковской слободы...»

И все стало хорошо!

Правда, девочку Шурка больше не видел, окна каждый раз были закрыты. Видел только знакомую кошку. Она сидела на завалинке и умывалась. Один раз Шурка даже прошелся мимо зеленого дома пешком. Присел рядом с кошкой, погладил ее. Она выгнула спину и доверчиво мурлыкнула.

А может, и девочка сейчас появится? Тогда можно было бы сказать: «Какой хороший зверь. Как его зовут?» — «Мурка». — «А меня Шурка». — «А меня...»

Но девочка не появилась. Шурка вздохнул и пошел к остановке. Ну да ладно, чего вздыхать. Может, когда-нибудь и повезет...

58

В этот раз, отпуская Шурку гулять, баба Шура дала денег и сумку из болоньевой ткани.

— Купи картошку, три кило. Да луку зеленого. Их почти на каждой остановке продают...

Шурка сунул деньги в один карман, свернутую в трубку сумку в другой.

— Баб-Дусь, я покатаюсь и к обеду вернусь.

— Иди, иди, бродячая душа...

...И вот, побродив по луже и натянув на мокрые ступни кроссовки, Шурка дошагал до кольца у водонапорной башни. Вскочил в подкатившую шестерку.

Народу в вагоне оказалось немного. Ни пассажиры, ни вожатый не ругали мальчишку на задней площадке за то, что он чуть не по пояс высовывается из окна.

Но хоть как высовывайся, а окна в зеленом доме снова были закрыты (красный трамвай равнодушно отразился в стеклах). И даже кошки на завалинке не оказалось. Шурка с привычным вздохом хотел уже сесть на трясую скамейку. И вот тогда-то увидел в конце квартала знакомые косы.

Девочка куда-то шла от дома.

Она шла не одна, а вместе с другой девчонкой и... с тремя мальчишками! И все же, когда трамвай обогнал эту компанию и подкатил к остановке «Стекольная», Шурка выпрыгнул из вагона. Сел на лавку под навесом и стал ждать. У него пушисто щекотало в груди...

Пятеро показались из-за рябин. Тротуар был узкий, и ребята шли не по нему, а по траве между поребриком и трамвайным полотном. Шли шеренгой. Неторопливо. И пока подходили, Шурка успел рассмотреть каждого.

Та -Что-с- Косами была в узких черных брючках до колен и цветастой кофточке-распашонке. Одна коса за спиной, другая на груди.

Вторая девочка тоже была с косами. Вернее, с косичками, тощими, рыжеватыми, торчащими. И вся она была желто-рыжая: в узорчатых апельсिनново-коричневых лосинах и ворсистом свитере золотистых тонов (в такую-то жару!)

Один из ребят был похож на эту девочку — такой же рыжеватый и остролицый. А другой — с аккуратной темной стрижкой ниже ушей, чем-то похожий на юного музыканта или танцора. Оба они были в мятых анголках: рыжеватый — в пятипалой, а его приятель в серо-зеленой.

Еще один мальчишка был явно младше своих спутников. Четверо — они, видимо, Шуркины одноклассники, а этому не больше десяти. Ростом он был одинаков с остальными, но просто потому, что длинный и тощий от природы.

Одет он был, как и «желтая» девочка, не по сезону: в длинные штаны из похжей на брезент материи и плотную серую рубашку, глухо застегнутую у ворота. Бедняга... Но самой примечательной деталью его портрета были волосы. Росли они очень густо. Но не равномерно, как у Шурки, а кочьями. Причем кочья эти были разными: от

темно-русых до белых, почти седых. «Пегий...»

Шел Пегий с краю, очень независимо — левая рука в кармане, узкие плечи расправлены, голова на тонкой шее вскинута, как у гвардейца на параде. Впрочем, иногда он поворачивал голову к остальным, чтобы вставить слово в общий разговор. И даже иногда смеялся вместе с остальными. В правой руке нес он белый пластиковый бидон, помахивал им.

Компания прошла мимо, не обратив на Шурку внимания. Он подождал. Поднялся и двинулся следом. В отдалении.

3. Ищут пришельца

Зачем он пошел за ними? Сам не знал. Подходить к Той-Которая-с-Косами, пытаться завести знакомство было сейчас невысказано. Даже как зовут, и то не узнать. Потому что за двадцать шагов ребячий разговор был неразборчив, а догонять компанию Шурка не смел.

Скоро от улицы Каляева под острым углом отошла другая, Кузнечная. С такими же одноэтажными домами и высоким иван-чаем у заборов. Но была особенность — дома стояли как бы по берегам, а дорога — словно речка. Она тянулась по дну неглубокого оврага. Откосы его заросли, конечно, все тем же иван-чаем и буйным чертополохом.

Ребята зашагали по тротуару вдоль заборов. Шурка схитрил. По дорожке среди зарослей свернул вниз и двинулся по тропинке у дороги. Ускорил шаги, почти догнал дружную пятерку. Только ребята шли выше его — метрах в пяти. Иногда Шурка видел над иван-чаем и репейником плечи и головы. Разговор приятелей слышался громче, но разборчивей не стал.

Шагов через сто склон сделался более пологим, а заросли на нем — пожиже. И вот здесь-то, словно выбрав подходящее место, судьба сделала Шурке подарок. Чиркая по головкам белоцветы, прилетел сверху и шмякнулся к Шуркиным кроссовкам пластиковый бидон. Тот самый — пузатый и белый.

Шурка схватил его. На бидоне черной краской была нарисована пиратская рожа — со зловещей улыбкой и заплатой на глазу.

Шурка слегка нарочито засмеялся и глянул вверх. Пятеро по пояс в бурьяне — выжидательно смотрели на Шурку. Девочка в свитере отчетливо сказала «пегому» неудачнику:

— Растяпа! — Вот, мол, махал, махал и доигрался. Тот стрельнул в нее глазами, а к Шурке протянул растопыренные руки:

— Брось мне, пожалуйста!

Шурка бросил. Красиво так, ловко — бидон был пустой, легонький. Но «пегий» пацан, видать, от природы был неудачником. Не поймал. Посудина отлетела от его ладошек и угодила в чашу на половине высоты между ребятами и Шуркой.

И тогда Шурка, ломая стебли и царапаясь, скакнул вверх. Раз, два! Схватил бидон. И сквозь колючие сорняки выбрался на край откоса.

Он обвел взглядом пятерых. Те смотрели по хорошему. Девочка в свитере опять сказала «пегому»:

— Растяпа... Из-за тебя человек обдирался в татарнике.

— Я сам хотел! Только не успел! — Голос «пегого» взлетел высоко и звонко.

Шурка протянул мальчишке бидон.

— Спасибо, — сказал «пегий», надув губы с дурашливой виноватостью.

Шурка ощутил непривычную раскованность. Словно кто-то отключил в нем всегдашнюю сумрачную стеснительность и подсказывал, что делать и говорить.

Шурка простецки шмыгнул носом.

— Пожалуйста. Как не помочь знакомым людям...

— Разве мы знакомы? — вежливо удивился рыжеватый мальчишка.

— Маленько... — Шурка решил на улыбку. — Не со всеми, а вот с ней. — И только теперь взглянул прямо на Ту-Которая-с-Косами.

Она не стала отпираться. Веселыми серыми глазами как бы вобрала в себя Шуркин взгляд.

— Да! Я сидела в окошке, а он ехал в трамвае и показал мне язык...

— Я?! — радостно возмутился Шурка. — Это ты мне показала язык! Лопатой, вот так... А я сделал вот так! — И растопыренной пятерней он изобразил «нос».

— Фи, Евгения, — тоном аристократа сказал похожий на юного артиста мальчишка. — Разве прилично показывать язык незнакомым молодым людям!

— Знакомым тоже неприлично! — звонко вмешался «пегий». Евгения тут же показала ему язык:

— Помалкивай, пока не попало!

— Они с Алевтиной всегда меня угнетают, — доверчиво пожаловался «пегий» Шурке.

— Не смей называть меня Алевтиной! — девочка в свитере замахнулась на «пегого». Он тренированно отскочил. И все опять соединили взгляды на Шурке.

«Что бы такое сказать? — запрыгала в нем мысль. — Что бы еще сказать? Что?..»

Выручил «пегий». Неожиданно.

— А ты не испугался, когда на тебя свалилась такая «голова»?

— Нет... — И вмиг придумалось, удачно так: — Я обрадовался. Подумал: вот, инопланетянин приземлился.

У «пегого» округлились глаза:

— Ты, значит, тоже ищешь инопланетянина?!

— Я?.. Нет. Я так просто... — Шурка растерялась. И тогда Евгения-с-Косами объяснила ему, как давнему приятелю:

— Понимаешь, у Кустика новая фантазия. Го-

лос из космоса сказал ему, что визит звездных пришельцев на Землю наконец состоялся...

Непонятно, чего здесь было больше — то ли неожиданной симпатии к Шурке, то ли желаниа подразнить пегого Кустика.

Кустик вознегодовал:

— При чем тут голос! Я сам видел ночью, во время грозы, как на Бугры приземлилось что-то такое... огненное и плоское, как тарелка!.. Должны же они когда-нибудь прилететь!

— Может, и правда прилетели,— не выдержал Шурка. Потому что ощутил в этом нескладном Кустике склонность к предвидению. И на миг проклянулся в груди ледяной холод... Но тут же Шурка встряхнулся. Евгения-с-Косами сейчас была для него важнее всех этих проблем. Важнее Реи...

Она была такая... удивительно славная, эта Евгения. И остальные — тоже. Шурка чуял, как от него тянутся к ним невидимые ниточки... Напрасно он говорил бабе Дусе и себе, что хорошо ему жить одному.

— А где же их искать, пришельцев-то? — сказал Шурка с чуть наигранной задумчивостью.

— На птичьем рынке! — звонко сообщил Кустик.

— «И все засмеялись», — сухо произнесла Алевтина. И тогда все в самом деле засмеялись. Кроме нее, Алевтины. Она же разъяснила: — Наивное дитя решило, что пришельцы могут быть не как люди, а как заморские зверюшки. Они прилетели, их поймали и теперь продают вместе с котятами и ужами...

— Я не так говорил! Я...

— Вообще-то мы за квасом пошли,— примирительно разъяснил рыжеватый мальчик. — А на птичий рынок — по пути...

— А где он, этот рынок-то?

— Ты не знаешь? — слегка удивился похожий на артиста.

Шурка сообщил бесхитростно:

— Я тут многого не знаю. Я еще только знакомлюсь с окрестностями. Потому что недавно приехал.

— А откуда ты? — спросил похожий на артиста. В нем чувствовался старший. Не по возрасту, а по характеру.

— Я... — Шурка чуть сбился. Выкрутился: — Ох, издалека... Я в интернате жил, а потом нашлась родственница... бабушка... Забрала к себе... Под родной крышей хоть как лучше, чем там...

Он выдал это в один прием, как бы выбрасывая на стол все карты. Вот, мол, я какой и откуда. Хотите продолжать знакомство — хорошо. А нет — так нет. Потому что к интернатским отношениям бывает всякое...

Никто не замкнулся, не отодвинулся даже внутренне — Шурка это ощутил. Только сочувственно помолчали: «Понимаем, что были у тебя нелегкие времена». И опять спасительно разбил молчание Кустик:

— Ну, тогда, если хочешь, пошли с нами! Посмотришь на этот рынок!

— Пошли... если можно,— тихо сказал Шурка. И снова встретился взглядом с Евгенией. Она отозвалась тоже тихо:

— А почему же нельзя...

По дороге болтали о том, о сем. А Шурка помалкивал, шел с краю, слушал.

Кустик утверждал, что на местности под названием Бугры собственными глазами видел след летающей тарелки.

— Всего в ста метрах от развалин трансформаторной будки! Круглый, метра три в поперечнике, выжженный. Только он быстро зарос ромашками и клевером. Если хотите, покажу! Не верите?

— Да верим, верим,— сказала Женька.

Конечно, все ее звали не Евгенией, а Женькой. И Шурке это нравилось.

Алевтину называли Тиной (полное имя она, как Шурка понял, не терпела). Похожего на нее мальчишку именовали Ником. Уже после Шурка узнал, что это сокращенно от Никиты.

А у темноволосого было имя Платон. Шурке подумалось, что оно для «артиста» очень подходящее. Не совсем обычное и такое... интеллигентное, что ли. Впрочем, иногда Платону говорили «Тошка».

Все это Шурка узнал на ходу, слушая веселую болтовню. Иногда он вставлял пару слов...

Скоро свернули в Огородный переулок, который привел к утопанной, огороженной бетонной решеткою площади с прилавками и ларьками.

Это и был птичий рынок. А точнее — кошачий, собачий и всякий-всякий...

В бетонных границах рынка было тесно. Снаружи изгороди тоже устроились продавцы и ходили покупатели.

Квохтали в сетчатых загонах куры и жизнерадостно орал привязанный за ногу рыжий петух. Возились в клетках пушистые, как игрушки, кролики. Щетинистый дядька держал на веревке симпатичного, с ласковыми глазами козла. Мальчишки и девчонки сидели на корточках у картонных коробок, где копошились беспородные котята и щенки. Продавали их совсем дешево или даже предлагали «за так» — лишь бы нашлись для малышей хозяева.

Но вся эта живность была самых обычных пород, без намека на инопланетную сущность.

— Надо туда, в середину! — нетерпеливо потребовал Кустик. — Там всякие редкие звери.

Внутри забора живой товар был выше качеством. От края до края площади тянулся собачий ряд, где продавцы держали на поводках дисциплинированных овчарок, бульдогов, терьеров и великанов-нюфаундлендов. Это были «образцы», а продавали щенков. Щенки резвились в просторных ящиках или безмятежно сидели на руках у хозяев, не ведая, что скоро будут разлу-

чены с мамами и братьями-сестрами. «Бедняги», — вздохнул про себя Шурка. Собачий ряд ему не понравился.

Зато понравилась худая черная дворняга, которая независимо ходила по рынку среди покупателей. Ее никто не продавал, она была сама по себе, и в глазах ее светилось дерзкое превосходство над благородными, но подневольными сородичами.

Шурка не удержался, шепотом сказал Женьке:

— Она здесь среди собак самая счастливая, верно?

И Женька понимающе кивнула. И коса ее щекотнула голый Шуркин локоть.

А Кустик упрямо тянул компанию дальше.

И они оказались среди прилавков, уставленных аквариумами.

В зеленоватой воде таилась прохлада океанов. И каждый стеклянный ящик был, как частичка Атлантики или Средиземного моря... Стайки всевозможных рыбьих пород носились среди водорослей и пузырьчатых воздушных струек. А в трехлитровых банках жили рыбы-одиночки, покрупнее: серебристые и золотые, глазастые, важные...

К плоскому стеклу аквариума подплыла пунцовая рыбка. Размером в половину Шуркиной ладони. С блестящей, словно красная фольга, чешуей. С длинными прозрачными плавниками и пушистым, как вуаль, большим хвостом. Глянула понимающим, почти человеческим глазом...

— ...Ну, ты чего? Пойдем дальше! — Кустик дернул Шурку за рубашку.

Шурка отвел от аквариума глаза. Усилием воли прогнал из груди холод. «Ерунда. Просто похожа, вот и все...» Ребята смотрели на него удивленно.

— Загляделся на рыбку, — сказал он виновато.

— Это алый вуалехвост, — разъяснил Кустик.

— Откуда ты знаешь! — возмутилась Тина. — Ты же никогда рыбами не интересовался!

— Просто придумал. А что, разве плохо?

«Неплохо», — мысленно одобрил Шурка. А Тина сказала:

— Чучело ты, Куст...

— А ты...

— Пошли дальше, — велел Платон.

Дальше были всякие рептилии и земноводные. Руки худого коричневого мужика обвивала пятнистая серо-зеленая змея. Длиннющая! Шурка содрогнулся, а Женька рядом с ним ойкнула.

За стеклами часто дышали большущие бугристые лягушки. Сновали ящерицы и тритоны. Еще несколько змей — с желтыми животами — сплелись в клубок. Шурка передернулся опять.

— Ага, ужас... — шепотом согласилась Женька. — А вот это животное ничего, симпатичное даже... — В отдельной банке сидела бурая добродушная жаба. Задумчиво мигала пленочными веками...

— Вполне,— охотно откликнулся Шурка.
— Смотрите, вот они! — вдруг шумно обрадовался Кустик.
— Кто?..
— Где?..
— Вот! Неизвестные существа!
Существа эти были большие, в полметра длиной, ящерицы. С удивительно пестрой — радужными пятнами — раскраской и зубчатыми гребешками на спинах. Они нервно били хвостами и порой вставали на задние лапы, а передними, похожими на ручки лилипутов, брались за прутья решетки. И глазами своими — с кошачьими зрачками-щелками — смотрели на людей очень осмысленно.
Так осмысленно, что вся компания на полминуты притихла.
Наконец Тина откинула робость.
— Ну, конечно! Жители планеты Бумбурумба! Прилетели, попали в плен и продаются под видом земных каракатиц.
— Сама ты каракатица,— сказал Кустик.
— Это хамелеоны,— решил Ник. Платон возразил:
— Хамелеоны часто меняют окраску, но такими разноцветными они не бывают.
— Может, вараны? — вставил слово Шурка. Он не был силен в зоологии. Но чувствовал, что никакие это не пришельцы, хотя и странные создания.
— Точно. Из жаркой пустыни,— поддержала его Женька.
— В пустынях ящерицы желтые,— не согласился Ник.
— Скорее уж, с Амазонки,— решила Тина.
— Давайте спросим продавца,— предложила Женька. И посмотрела на Шурку.
Все продавцы рептилий были как на подбор хмурые, небритые и неразговорчивые. И этот — такой же. Но Женька смотрела выжидательно, и Шурка — что делать-то? — набрался храбрости:
— Скажите, это какая порода?
Продавец отозвался, не взглянув:
— Сам ты порода. Гуляй, мальчик, все равно не купишь...
Шурка виновато глянул на остальных, развел руками.
— Пошли, ребята,— с вызовом сказал Платон.— Они этих крокодилов на мясо разводят.
И все шестеро выбрались из толпы любопытных на свободный пяточок.
— Скажешь тоже, «на мясо»! — запоздало возмутилась Тина.— Гадость такая...
Кустик задумчиво спросил:
— Интересно, у этих ящериц хвосты отрастают, если оторвать? У маленьких отрастают, а вот у таких... А?
— Тебе не все ли равно? — сказала Тина.
— Интересно же. У этого свойства специальное название есть. Ре... регни...

— Регенерация,— сказал Шурка, радуясь, что может поддержать разговор.— Способность к восстановлению живых тканей. У людей она тоже есть.
— Не выдумывай! — опять возмутилась Тина.
— Но ведь волосы-то у нас растут! И ногти!.. А у некоторых такая склонность — повышенная. Вот у меня волосы, например, то и дело обрезать приходится. И царапины заживают почти сразу. Там, на горке, я ногу колючками до крови ободрал, а сейчас уже — ничего. Вот... — Он дрыгнул ногой. На щиколотке был еле заметный след — словно неделю назад кошка царапнула.
— А разве была кровь? — обеспокоилась Тина.
— Была, я помню,— сказал Ник.
— Это у тебя от природы такое свойство? — спросил Платон.— Или его можно в себе выработать?
— Не знаю... Это после операции.
— После какой? — тихо спросила Женька.
Шурка вздохнул:
— На сердце...
— Ух ты,— уважительным шепотом произнес Кустик.— Слушай... А если палец оторвать, он у тебя тоже вырастет?
— Не знаю, я не пробовал,— серьезно сказал Шурка.
— «И все засмеялись», — подвел итог Платон. И все правда засмеялись. А Женька объяснила:
— Это у нас поговорка такая. В журнале «Космос» есть раздел со всякими анекдотами, которые обязательно кончатся этими словами. Иногда совсем не смешно. Ну и вот, если кто-нибудь ляпнет глупость...
— Разве я ляпнул глупость? — обиделся Кустик.
— Я не про тебя... Кустик у нас умный, только в нем фантазии через край. Иногда бывает, что такую историю сочинит, что... фантастичнее всякой фантастики.
— А бывает, что и на краешке правды,— вставил Платон.
— Хватит вам. Пошли лучше по птичьему ряду,— насупленно сказал Кустик.
И они пошли.
Здесь стоял свист и щебет. В клетках прыгали и шуршали крыльями щеглы, канарейки и волнистые попугайчики. В громадном количестве. Кучка людей слушала, как большущий белый канкаду на плече у хозяина разговаривает по-испански. Другой крупный попугай — зеленый и хохлатый — в широкой клетке кувыркался на жердочке. А в клетке по соседству — высокой и узкой — сидел, прикрыв глаза, серый орел. Облезлый, неподвижный и гордый...
— Мне птиц в клетках всегда жалко,— сказала Женька. Вроде бы всем, но Шурка понял: прежде всего ему.— Взяла бы да всех повыпускала...
— Попугаи на воле не выживут,— резонно заметил Платон.

Птичий ряд кончился. Ребята опять вышли за изгородь. Вдоль нее стояли киоски: с кормом для птиц и рыб, а заодно и для людей — с бананами, шоколадными батончиками, пивом и карамелью.

Тина сморщила нос.

— Куда смотрит санитарная инспекция! Разве можно торговать едой в таком месте!

И в самом деле, даже здесь, за границей рынка, пахло птичьим пометом, прелым сеном и всем, чем пахнет в тесном зверинце.

— Подумаешь! Сейчас экология такая, что вирусы во всех местах полным-полно, — отозвался Ник. И всех, начиная с себя, пересчитал пальцем. — Шестеро. Каждому по половинке...

Он отбежал и скоро вернулся с тремя желтыми, в коричневых веснушках, бананами. Ловко разломал их пополам.

— Спасибо... — бормотнул Шурка. Неужели его считают уже своим? Или это просто так, из вежливости? Ну да, не будут же пятеро жевать, а один смотреть. Но все равно он был рад. Тем более, что его половинка оказалась от того же банана, что и Женькина. Случайно, конечно...

Неподалеку врос в землю красный облезлый фургон. В тени его была самодельная скамья — доска на кирпичных столбиках. Приют для любителей пива. Сейчас тут никого не оказалось, и все шестеро устроились на пружинистой доске. Шурка не посмел сесть с Женькой и очутился между Кустиком и Тиной (с ее жарким свитером).

Покачались на доске, сжевали спелую вязкую мякоть.

— Бананы — лучшая российская овощ, — назидательно сказал Ник.

— Помидоры вкуснее, — отозвался Кустик. Он отдувал от лица налетевший тополиный пух.

— Но дороже, — возразил Ник.

— Лучше бы мороженое купил, — упрекнула его Тина. — А то с бананов только пить хочется.

— Ты же простуженная! — Ник даже подскокил от возмущения.

— Ты же «кха-кха» и «кхе-кхе», — напомнил со своего края Платон.

— У меня же не ангина, а хрипы в бронхах. Мороженое на это не влияет.

Шурка прыгнул со скамьи.

— Подождите! — И помчался туда, где продавали эскимо.

На шесть порций ушли все деньги, что дала баба Дуся. «Вот тебе и картошка!» — с бесшабашностью подумал Шурка. И еще мелькнула мысль, что баба Дуся будет права, если свое обещание насчет полотенца претворит в жизнь. Ну и пусть!

— Ух ты-ы... — благодарным хором сказала вся компания, когда Шурка примчался назад.

— Ты, небось, разорился в дым, — смущенно заметил Платон.

— Ерунда! — Шурка всем вручил эскимо, лишь

перед Тиной задержался: — Тебе правда можно? Не повредит?

— Не повредит, не повредит!

— Да сочиняет она про бронхи, — звонко подал голос Кустик. — Ей просто новыми лосинами похвастаться захотелось. А свитер натянула, чтобы получился этот... костюмный ансамбль.

— Сейчас кому-то будет ох какой ансамбль... — Тина приподнялась. — Ой... кха...

— Ты, Куст, бессовестный, — заявила Женька. — Что ты к ней пристаешь? Над тобой же не смеются, что ты в таких доспехах...

— А я виноват, что у меня аллергия на пух?! — очень болезненно среагировал Кустик.

— Дурь у тебя, а не аллергия, — заявила Тина. — Щекотки боишься, как чумы...

— А ты... Алевтина, Алевтина, разукрашена картина...

— Ох, кто-то сегодня допрыгается, — сказал в пространство Платон. — Ох, кто-то скоро заверещит: «Ай, не надо, ай, больше не буду...»

— Больше не буду! — Кустик торопливо пересел на дальний край доски.

— И все засмеялись, — усмехнулась Женька. И все засмеялись. Кроме Платона. Он раздумчиво изрек:

— А все-таки какие же мы свиньи...

— Почему? — изумился Кустик.

— Лопаем угощение человека, у которого до сих пор даже имя не спросили...

— М!... — Тина кокетливо приподнялась. — Правда. Но тогда мы должны сперва сами... как нас зовут...

— А я уже знаю! — обрадованно сообщил Шурка. — Только одно не понял: «Кустик» или «Костик»?

— Вообще-то это существо — Константин, — разъяснила Женька (и опять встретилась с Шуркой глазами, и он потупился). — А «Кустик» потому, что такая бестолковая растительность на голове.

— Да. И горжусь, — заявил Кустик.

— А я — Шурка... — Это у него легко получилось, без смущения. И он опять посмотрел Женьке в глаза. Она неуверенно спросила:

— Наверно, лучше «Шурик»?

— Нет! — Он дернулся, как от тока. — Это... не лучше. Это я не терплю.

Все теперь молчали неловко и удивленно. И Женька — она словно слегка отодвинулась. И спасая себя от возникшей отчужденности, Шурка признался тихо и отчаянно:

— В интернете дразнили... «Шурик-жмурик-окачурик»... Слово знали заранее...

— Что... знали? — шепнула Женька.

— Ну... что чуть-чуть не окочурюсь. Меня ведь буквально с того света вытащили. В клинике...

И не было уже отчужденности. Наоборот... И Женька тихонько спросила:

— Из-за сердца?

— Ну... да. А еще из-за травмы. Я угодил под машину. И сперва все решили, что конец...

С минуту опять молчали. С пониманием. Наконец Платон встряхнулся:

— А теперь-то как? С тобой все в порядке?

Кустик хихикнул. Вроде бы не к месту. Шурка глянул удивленно.

— Не обижайся, — быстро сказала Женька. — Просто смешно получилось, это у нас тоже поговорка такая: «С тобой все в порядке?»

— И еще: «Увидимся позже», — добавила Тина. — Это в американских фильмах все время такие слова говорят. С попугайной настойчивостью...

— Терпеть не могу это кино! — в сердцах выдал Шурка. — Все время стрельба по машинам! И по людям...

— Ага! — встрепенулся Кустик. — Ды-ды-ды! Бах-бах! «С тобой все в порядке, милый?» — «Да, дорогая, увидимся позже!»

— И все засмеялись, — через силу улыбнулся Шурка.

— Нет, но с тобой-то все в порядке? — повторил Платон. — Дело в том, что мой дядя очень хороший кардиолог...

— Сейчас все нормально. Спасибо. Меня лечили хорошие... кардиологи. А потом специально родственницу отыскали, потому что в интернете больше нельзя. Там и здорового-то со свету сживут...

Опять все помолчали, как бы впитывая в себя Шуркины беды. Женька наконец осторожно призналась:

— Мне, например, «Женька» нравится больше, чем «Женя». У Евтушенко такие стихи есть, вернее, песня: «Девчонка по имени Женька»... Меня и мама так зовет...

И тогда... Тогда он сказал то, чего не говорил никому: ни бабе Дусе, ни Гурскому, ни... А какое еще «ни»? Больше никого и не было. Он всегда молчал об этом, а здесь, на пыльном пустыре, горьким шепотом сказал почти незнакомым мальчишкам и девчонкам:

— Меня мама звала «Сашко». Только это давно. Я почти и не помню...

И долго было тихо — слышались только в отдалении свист и чирикание волнистых попугайчиков.

Наконец, героически спасая всех от этой тишины, Тина завозмущалась:

— А я терпеть не могу свое имя Алевтина. Сокращенное гораздо лучше. А этот вот... он все время дразнится. — Тина мимо Шурки ткнула в Кустика пальцем.

— Имейте в виду, она сама ко мне пристаёт! — торжественно объявил Кустик.

Беседа беседой, а мороженое съели быстро. Покидали скомканную обертку в ближнюю мусорную кучу. И в этот момент явилась компания «крутых». Мордастые, в кожаных безрукавках, с банками пива в охапках.

— Эй, головастики, чего тут мусорите! Брысь отсюда!

Пришлось отойти. Ник все-таки сказал издали:

— Купили, что ли, это место, да?

Один «крутой» обернулся, пообещал добродушно:

— Отдавлю язычок. И еще кое-что...

И Шурка не выдержал:

— Мафиози недострелянные!

И, конечно, — сразу в бега. Дружно, все шестеро. Вдоль бетонной решетки, мимо ларьков и торговцев курами. «Крутые» гнались недолго, потом беглецов уже просто страх подгонял. Наполам с весельем. До той поры, когда Шурка споткнулся и пузом проехался по утопанной обочине. Это было уже в огородном переулке.

Шурку подняли.

— Опять до крови. Локоть, — сочувственно сказал Кустик.

— Ох, да локоть-то заживет. А вот это... — Шурка поднял левую ногу. Подошва кроссовки была оторвана от носка до середины. Болталась, как собачий язык.

Ник тихо свистнул. Женька велела:

— Шурка, сними. Дай... — Она взяла пыльный башмак. — Платон, у тебя универсальный клей есть. Помнишь, ты Кустика сандаля чинил?

— Сделаем, — пообещал Платон. — Пошли.

И пошли. И Шурка был рад, что есть причина подольше не расставаться с ребятами. Он шагал рядом с Женькой — одна нога босая, а кроссовка в руке: хлоп, хлоп подошвой.

— Мне это что-то напоминает, — осмелился пошутить Шурка.

— Что?

— Чей-то язык. В окошке...

— Ну, вот... — Женька притворно надула губы. — Еще один дразнильщик-любитель, вроде Куста...

— Больше не буду... Ой... — Глядя на Женьку, вперед он не смотрел и чуть не наткнулся на мальчишку. На небольшого, лет восьми. В разноцветном «мультишном» костюмчике — вроде того, какой чуть не купила Шурке баба Дуся. Желтоволосый и желтоглазый мальчишка стоял на пути подбородок.

— Тебе чего, мальчик? — осторожно спросила Женька.

— Скажите, п-пожалуйста... Вы идете с птичьего рынка?

— Да...

— Скажите, пожалуйста... — Он говорил сипловато и старательно выговаривал слова. Наверно, чтобы подчеркнуть важность вопроса: — Вы не встречали на рынке рыжего щенка с черным пятном на ухе? Ухо висячее, а шерсть лохматая... Все запереглядывались.

— Нет. Не встречали. К сожалению, — огорчено и очень серьезно проговорила Женька. И Шурка

почувствовал, что ей хочется присесть перед мальчиком на корточки и взять его за руки.

Шурка сказал виновато:

— Там всяких щенков много, но рыжий с черным пятном не встречался. Я бы запомнил... Мы бы запомнили.

— Украли, да? — сочувственно спросил у мальчишки Кустик.

— Скорее всего, да... Или сам убежал. Глупый еще... — Мальчик переводил с одного на другого внимательные желтые глаза. Потом потупился.

— Может, еще прибежит, — неуверенно утешил Ник.

— Едва ли он сам найдет дорогу. Скажите, пожалуйста... — Маленький хозяин щенка опять поднял взгляд. — Вы сможете бросить в почтовый ящик открытку, если случайно его встретите?

— Что за открытка? — со строгой ноткой спросил Платон.

— Вот... — Из разноцветного кармана мальчик вытащил пачку почтовых карточек. Одну протянул Платону. Все сдвинулись.

Адрес был написан печатными буквами: «Местное. Ул. Камышинская, дом 8, кв. 3. Грише Сапожину». А на обороте: «Твой щенок нашелся. Приди за ним на улицу... , в дом ..., кв..., к...»

— Вы, пожалуйста, заполните пропущенное и бросьте, ладно?

— Ладно. Если встретим... — вздохнул Ник.

— Только я... к сожалению, не могу гарантировать вознаграждение... — Мальчик опять стал смотреть под ноги.

— Обойдемся, — сказал Платон. — А как зовут твоего щенка?

— Рык... Ну, от слова «рычать». Только он еще не умеет...

— Ладно. Если найдем, известим, — пообещал Платон (а в голосе его не было надежды). — Может, сами приведем по адресу. Это ты и есть Гриша Сапожкин?

— Да, это я. — Он обвел глазами каждого.

— Ладно, Гриша. Может, нам и повезет. Не горюй...

Они оставили грустного разноцветного мальчика посреди переулка и минуты две шли молча. Будто сами потеряли щенка. Наконец Платон предложил:

— Пойдем по Березовской, поближе к Буграм.

— Пошли, — отозвалась Женька. А Шурке объяснила: — Бугры — это такие пустыри. Вон в той стороне. Мы там часто играем. Это место... ну, не совсем обыкновенное.

— Почему?

— Ну, оно такое...

— Вон, смотри, самолет летит! — оживился Ник. — Видишь? А когда он полетит над Буграми — исчезнет.

— Совсем?!

— Не совсем, а для наблюдателей, — объяснил Платон. — Видимо, рефракция атмосферы.

— Потому там и пришельцы приземляются, — поставил Кустик.

— Чучело, — сказала Тина.

— Слышали? Она опять первая обзывается.

— Ой, правда! — удивился Шурка. — Не стало самолета!

— Он теперь только там, у полосатой трубы появится, — с некоторой гордостью сообщил Платон. Словно сам был автором фокуса.

— У какой трубы? Вон у той?

— Да нет! Левее, где облако...

Облако показалось Шурке похожим на лопухого щенка. И, видимо, не только Шурке. Ник вдруг проговорил, как Гриша Сапожкин:

— Скажите, п-пожалуйста, вы не видели рыжего щенка с черным пятном на ухе?

Все опять помолчали.

— Знаете что?! — Кустик вдруг завертел клочкастой головой. — А может, он как раз и есть инопланетянин?

— Кто? — без особого удивления сказал Платон.

— Ну, этот... Гриша.

— Перегрелся ты, бедный, — пожалела Кустика Тина.

— Сама ты перегрелась! Вы разве... сами не заметили?

— Что? — осторожно спросил Шурка.

— Ну, какой он... неприспособленный к земным условиям. Беззащитный.

— Господи, а сам-то ты... — со стоном сказала Женька.

— А что я?.. Ну и что! А вы много про меня знаете?! Может, я тоже... Вот улечу однажды в другое пространство!

— Только попробуй, — сказал Платон. И почему-то посмотрел на Шурку.

4. Дразнилки и щекоталки

Платон жил недалеко от Женьки. Дом его — просторный, старый, с верандой и высоким крыльцом — стоял в глубине двора, среди корявых густых яблонь.

На крыльцо вышла очень пожилая дама с седой прической.

— Здравьте, Вера Викентьевна! — хором сказали все, кроме Шурки. А Женька Шурке шепнула:

— Это его бабушка.

— Здравствуйте, племя младое...

— Бабушка, это Шурка... — Платон тронул его за плечо.

— Здравствуйте, Шурка, — бабушка Платона, похожая на старую учительницу музыки, медленно кивнула.

В первый момент Шурка встал прямо, голову наклонил, руки по швам. А во второй — понял, как он забавен в этой позе: встрепанный, с босой ногой, в пыльных подвернутых штанах и мятой рубашке навыпуск. Но Вера Викентьевна смотрела с

высоты ступеней благожелательно и серьезно. Может быть, сквозь потрепанную внешность разглядела прежнего Шурку — мальчика в черном бархате концертного костюма с белым воротничком? Изыщного ксилофониста из детского оркестра «Аистята»? Того Шурку, о котором он сам почти позабыл?

Под навесом двухэтажного сарая лежало несколько громадных (и, видимо, древних) плах. К одной были привинчены слесарные тиски. К другой — чугунная «нога» для сапожных работ.

— Дедушка любил на досуге сапоги потачать. Как Лев Толстой, — объяснил Платон. — Ну, давай твой башмак.

Кроссовку насадили на «лапу». Накачали под подошву пахнущего бензином клея из тюбика. Подождали, прижали, придавили старинным литым утюгом.

— С полчаса пускай посохнет, — решил Платон.

«Значит, я могу быть тут еще не меньше получаса!» — тихо возрадовался Шурка. Глянул на Женьку, смутился, решив, что она прочитала его мысли...

Двор был солнечный, с травой и бабочками, со шмелями, что гудели у заборов над иван-чаем.

Недалеко от сарая вкопан был турник. Сейчас на нем вниз головой неумело болтался Кустик. В этом положении он изрек:

— Ох как хлебушка хочется. И пить. Квасу-то так и не купили.

— Бабушка сделает бутерброды и чай, — сказал Платон.

— Ох, пока она сделает... — со стоном пококетничала Тина. — Ник, пошли!

И они разом перемахнули через забор — их двор был соседний.

— Они брат и сестра? — спросил Шурка у Женьки. Довольный, что есть, о чем заговорить.

— Нет. Просто соседи.

— А похожи...

— Еще бы. Общий образ жизни всегда делает людей похожими, — сообщил висящий, как летучая мышь, Кустик. — А они с ясельного возраста в одной группе, потом в одном классе. Сколько лет сидели на горшках рядом...

— Ох, Куст... — с ласковой угрозой произнес Платон.

— А что я...

— Да, Куст, — многозначительно сказала Женька. — Счетчик работает.

— А что я...

Тина и Ник появились вновь. С клеенчатым пакетом и пластиковой бутылкой. Из мешка достали надломленный батон. Кустик радостно упал в траву.

— Мне горбушку!

— Возьми, возьми горбушку, только не канючь, — вздохнула Тина. — А вот остатки кетчупа. Кто хочет?

Хотели все. Расселись на ступенях, разломали батон, вытряхнули на хлеб из флакона капли вкусного соуса. Зажевали, заурчали от аппетита. Пошла по рукам бутылка с водой.

— А стакан где? — сказал Кустик.

— Из горлышка не можешь, что ли? — возмущилась Женька. — Тут заразных нету.

— А вот как раз и есть! Кто-то у нас на болезни жалуется! «Кха-кха»...

— Балда! — взвизгилась Тина. — Это же простуда, а не инфекция!

— А вчера говорила, что горло болит. Вдруг ангина? Или дифтерит!

— Сам ты дифтерит! У меня прививка!

— Ну, тогда scarлатина. Тоже зараза...

— Сам зараза... Пожалуйста, я буду пить последняя. — И правда, взяла бутылку после всех.

— Ничего себе, — язвительно заметил Кустик. — Тут еще почти половина. А после подозрительной инфекции кто будет пить?

— Я буду, — сказал Шурка. — Чтобы не пропала водичка.

— Не пропадет. Мы ее вот так! — Тина остатки воды ловко выплеснула на косматую пегую голову. Кустик взвизгнул, кувыркнулся с крыльца.

— Ладно, Тинища! За это я сочиню про тебя поэму!

— Только посмей!

Кустик опять повис на турнике. Покачался вниз головой. Громко сообщил:

— Готово! Слушайте...

Тина, Тина-скарлатина,

Утопилась у плотины...

— Подождите, сейчас допридумываю... А, вот!

Там дежурит водяной,

Будешь ты его женой...

Наступила тишина. Жаркая летняя тишина с жужжанием шмеля. Жужжание было угрожающим.

— Ну, все, — выдохнула наконец Тина. И оглянулась на ребят. — Все, да?

Платон пожал плечами. Ник хихикнул. Женька сказала Шурке, но громко, чтобы слышал и Кустик:

— Терпение кончилось. Будем сейчас его опять перевоспитывать.

— Как? — с опаской спросил Шурка.

— Щекоталками. Он только этого и боится. Думаешь, почему он в таких штанах ходит? Это чтобы, когда мы на Буграх, его трава под коленками не щекотала...

— А пуще всего этот пакостник верещит, когда его под ребрышками, — ласково и зловеще сообщила Тина. — А ну, иди сюда, юный талант...

Кустик уже не висел, а сидел под турником, раскинув ноги. При последних словах он встал на четвереньки и — как с низкого старта — рванул к калитке.

— Стой немедленно! — Голос Тины прозвенел с неожиданной командирской силой. Кустик замер,

как приколотый к месту булавкой. Нерешительно посмотрел через плечо.

— Ну чего...

— Константин, ступай сюда, — железно произнесла Тина.

— Ну чего... — Он потоптался и... побрел к сидящим на ступенях. С дурашливым покаянием на лице. На полпути остановился, затеребил свои твердые, как жесть, штаны.

— Я это... больше не буду...

— Что ты не будешь, злодей? — сказала Женька (и опять посмотрела на Шурку).

— Ну, это... сочинять про Тину-скарлатину... АЙ!

— Он кинулся прочь, но девчонки двумя скачками догнали его и повели к крыльцу. Он слегка упирался, но, видать, ослабел от дурных предчувствий.

Конечно, это была игра. Или почти игра. По всему понятно, что давняя, с привычными уже правилами. Каждый знал свою роль.

— Стой, как пришитый, — велела Тина. — Вздумаешь удирать, хуже будет.

Кустик скорбно посопел:

— Куда уж хуже-то...

Женька спросила у всех:

— Сколько сегодня дразнилок у него на счету?

— У-у... — безжалостно сказал Платон.

Тина потрянула несчастного подсудимого за локоть:

— Сколько тебе положено щекоталок, а? Говори сам!

— Ни одной... Ну, одна. Ладно, одна!

— Шесть, — хладнокровно сообщил Ник. — Не меньше, если считать с утра.

— Правильно, — Женька деловито насупилась. — Сделай-ка, Ник, из травинки кисточку. Пушистенькую...

— Лучше ты его косой. Волосатые щекоталки он «любит» больше всего...

— Спасите... — шепотом сказал Кустик и округлившимися глазами глянул на Шурку.

Шурка ощутил сладковатое замирание. Щекотки он почти не боялся. И если бы не по Кустик, а по нему прошелся растрепанный кончик Женькиной косы, это было бы... Стыдно признаться даже себе, но это было бы счастье. Ласковое, пушистое...

И он не выдержал. Он как бы включился в игру!

— Стойте! Может, его все-таки помиловать?

— Еще чего! — возмутилась Тина.

«Вот и отлично!»

— Тогда... давайте я вместо него! Возьму на себя его грехи!

— С какой это стати? — удивился Ник.

— Так... из гуманных соображений! Из человеколюбия!

— Нелогично, — сказал Платон. — Виноват один, а отдуваться будет другой.

— Ну... я, наверно, тоже виноват! Наверно, он сочинял, чтобы своим талантом перед новым знакомым похвастаться...

— И все засмеялись! — крикнул Ник. И правда все засмеялись, даже Кустик фыркнул.

Хорошо хоть, что никто не догадался о настоящей причине, все решили, что Шурка просто жалеет Кустика... Впрочем, Женька, возможно, о чем-то и догадалась. Быстро отвела глаза и взглядом бабы Яги уперлась в несчастную жертву. Сжала в пальцах конец косы, нацелилась.

— Ну-ка, где там у нас ребрышки? Подыми рубашку...

«Ох, и мне ведь пришлось бы подымать!» — запоздало ужаснулся Шурка. А Кустик пискнул, присел и по-заячьи бросился через двор. Все (кроме Шурки) с веселыми воплями — за ним.

Кустик забежал под навес, там запнулся, полетел вперед и упал животом поперек плахи с кроссовкой на чугунной «ноге». И замер.

— С тобой все в порядке? — нерешительно спросил Платон.

— Увидимся позже, — мрачно ответил пойманный беглец.

— Не позже, а сейчас... — Тина злорадно поддернула рукава свитера.

— Я умер! — заявил Кустик.

— Сейчас оживешь, — Женька бесцеремонно задрала на нем рубаху.

— Ой! Пощады! Платон!..

— Поэты всегда страдают за свой талант, — сообщил образованный Платон. — Сама судьба привела тебя на плаху.

— Ой!.. Пойдите! Предсмертные стихи...

Преступник по воле аллаха

Вниз пузом свалился на плаху...

Вот! Я сам про себя сочинил дразнилку! Вы должны меня помиловать... Женечка, ты же добрая. Ты... Ай!!

Это Женька светлой кисточкой косы тронула его незагорелый ребристый бок. А Тина ухватила несчастного за плечи.

— Ой, не надо! Спасите!!

И Кустика спасли. Силы природы. В стремительно потемневшем воздухе сверкнуло, грохнуло, и ударил по двору появившийся из-за крыши ливень.

Кустик взвинулся и с радостным воплем вырвался из-под навеса.

Он плясал под тугими струями, свободный, неуязвимый и счастливый.

— Теперь не поймаете! Ага! Вы так не можете!..

— Можем! Ура! — Ник тоже бросился под ливень. Ловить Кустика не стал, а заплясал рядом. Потом прошелся колесом.

— Да здравствует стихия! — И Платон кинулся из-под крыши. При этом успел ухватить под навесом полуспушенный волейбольный мяч.

Вмиг все трое стали мокрыми насквозь. И мяч. Они швыряли его друг другу, орали что-то неразборчивое и хохотали.

Женька искрящимися глазами посмотрела на

Шурку. И протянула ему руку. И после этого он сделался готовым не то что под дождь, а под картечь.

Держась за руки, они выпрыгнули под хлесткие шквалы, под струи, которые в первый миг показались холодными. Но только в первый миг. И тоже запрыгали в языческой пляске и завизжали от жутковатого веселья. И ловили мягкий набухший мяч и швыряли его друг другу...

А Тина смотрела на них из-под крыши, пряча зависть под старательной маской осуждения.

Наконец, запыхавшись и наглотавшись воды, вернулись под навес. Кустик бросил в Тину намоченный мяч — но так, чтобы не попасть.

— Дурни, — сказала Тина. — Хотя бы разделись сначала...

— Это и сейчас не поздно. Сушитесь, мальчики... — И Женька по дощатой лесенке убежала на сеновал.

Платон и Ник скинули анголки, развесили одежду на протянутом под крышей бельевом шнуре. Кустик, шипя сквозь зубы, вылезал из своих доспехов. Шурка тоже выбрался из рубашки и штанов. И мысленно сказал бабе Дусе спасибо за свои новые, синие, с белым пояском и кармашком плавки...

Сверху шумно упала свернутая старая палатка. На нее — серое полосатое одеяло (прожженное с краю). Видимо, на сеновале был целый склад: наверно, для летних ночлегов.

Кустик ухватил одеяло, завернулся в него и потурецки сел на чурбан. Платон и Ник раскатали палатку, набросили на себя.

— Шурка, иди к нам! Только майкуними, а то бр-р...

Мокрая майка зябко липла к телу. Но Шурка сказал:

— Да ничего, я так... Не холодно...

А ливень все гудел, и за этим гулом сверкало и гремело. Один раз ударило так трескуче — над самой крышей, — что Кустик упал с чурбана. Но тут же сел опять. «И все засмеялись», вздрагивая, подумал Шурка.

Грациозно, как принцесса, спустилась по лестнице Женька с мокрыми распущенными волосами, в синем купальнике. Такое же, как у Кустика, одеяло, словно мантия, волочилось за ней по ступеням. На последней ступени Женька запахнулась в «мантию» и оглядела всех.

— Шурка, а ты чего мерзнешь один? Иди под палатку!

— Да ничего. Я...

— Он стесняется майку снимать, — вдруг объявил пронизывающий Кустик. — И совершенно зря, здесь все свои...

Платон выбрался из-под палатки. Сказал вполголоса:

— Боишься, что ли, шрам показывать? Брось, не бойся... Ну-ка... — И решительно взялся за мокрый подол. — А то схватишь чахотку, настоящую, не как у Тинки...

Шурке только и осталось зажмуриться и стыдливо поднять руки.

Майка мокрым флагом повисла на веревке. Шурка съежился, обнял себя за плечи. А потом — чтобы уж все скорее кончилось опустил руки. И голову. Все подошли и тихо дышали, глядя на худую Шуркину грудь.

Шрам был круглый. Словно к груди прижали чайное блюдце со щербатым краем и резко крутнули его, порвав кожу. Внутри окружности кожа была более светлая. И сухая, как наклеенный пергамент. Тонкие ребра сквозь этот пергамент проступали особенно отчетливо.

Ник, волоча палатку, подошел последним. И первым нарушил молчание:

— Ух ты... Больно было?

В его вопросе не звучало ничего, кроме сочувствия к Шуркиной боли. И в глазах у других (и у Женьки!) было только сочувствие. Ни любопытства, ни брезгливости.

— Не больно. Под наркозом же. Я ничего не помню...

— Все равно шов, наверно, потом болел... — Женька вдруг протянула руку, теплым пальцем провела по тонкому красному следу. — Но теперь то все прошло, да?

— Да... — неуверенно шепнул Шурка, и рыбка в его груди трепыхнулась радостно и благодарно. Шепот никто не услышал за шумом дождя и новым громом.

Кустик опять сел на чурбан с лапой. Женька — на другой, с тисками. Тина пристроилась к ней. Ник набросил большую, пахнущую сеном палатку на Шурку и Платона, и они сели прямо на землю. Закутались.

И ощутил Шурка такое счастливое спокойствие, такой уют в этой пыльной парусине, рядом с острым горячим плечом Ника, под шумом неугомонной грозы, — что подумалось: «Пусть не кончается никогда!» А вот если бы здесь, совсем рядышком была еще и Женька с ее мокрыми щекочущими волосами... Но Шурка испуганно прогнал эту мысль. Не от того, что застыдился сам себя, а от суеверной боязни: слишком уж о большом счастье помечталось, надо и меру знать...

Опять сверкнуло, и в серебристом свете возникла бабушка Вера Викентьевна. Ну просто, как добрый ангел. Если, конечно, бывают пожилые ангелы в пенсне, в прозрачном плаще и под красным зонтом. И с термосом.

— Я так и знала, что вы мокрые, как мышата во время наводнения...

— Мышата из ушата, — сказал Кустик и нарочно стукнул зубами — Только Тина суховата...

Вера Викентьевна каждому дала пластмассовый стаканчик и налила горячего какао.

— Моя бабушка — бабушка высшей категории, — гордо сообщил Платон. — Все понимает. В свои молодые годы она тоже любила бегать под дождем.

— Да, — подтвердила Вера Викентьевна. — Но не следует громко говорить о моих детских слабостях.

— Это же хорошая слабость, — сказала Женька. — И не слабость даже, а... наоборот.

Вера Викентьевна оставила термос и удалилась под дождем к дому.

Какао допили. Гром сделался глуше, но дождь шумел неумолимо. Пришло сонное умиротворение.

— Самое время для бесед о таинственном и для космических историй, — размяченно проговорил Платон. — Кустик... а?

— А вот фиг! — решительно отозвался Кустик. Завернулся в одеяло поплотнее и неприступно замер на своем чурбане. Смотрел в потолок.

— Ну, Ку-уст... — протянул Ник.

Кустик молчал, как изваяние Будды.

— Кустичек... — подхалимски произнесла Женька.

— «Кустичек», да? А кто меня щекотал своей драной косой под левым ребром? Жестоко, несправедливо и... это... вероломно!

— Это же для твоей же пользы же, — очень убедительно объяснила Тина. — Для скорейшего перевоспитания.

— Вот сама и рассказывай.

— Но тебе же самому хочется, — пронзительно заметил Платон. — Ведь новая история из тебя прямо так и лезет.

— Мало ли что из меня лезет... Вот выпихните эту Скарлатину под дождь, тогда расскажу.

— Ну, Куст, это ты чересчур, — осудил его Платон.

Тина тряхнула загнутыми косичками.

— Хорошо! Я сама! Только свитер сниму... — И потянула вверх пушистый край.

— Ладно уж, сиди, — сказал Кустик поспешно. — А то и правда схватишь какое-нибудь гриппозное воспаление. Обчихаешь нас всех...

Тина снесла уничижительную реплику безропотно. Кустик сейчас явно был хозяином положения. Он повозился на чурбане.

— Здесь мне твердо...

— Иди к нам! — Платон и Ник разом распахнули палатку. И Кустик полез к ребятам, по очереди втыкая в каждого колючие локти и колени. Наконец устроился между Ником и Шуркой. Посопел.

— Ну, значит, так... Вы что-нибудь слышали о планете-бутылке?

Кустика дружно уверили, что ни о чем подобном никто никогда не слышал.

— Хорошо. Но вы, конечно, знаете, что бесконечное космическое пространство имеет множество удивительных и неизученных свойств?

Оказалось, что это известно всем. Шурке — тем более (правда, он промолчал).

— А то, что в космосе водятся пираты, знаете?

— Знаем, знаем, — нетерпеливо отозвался Ник.

— Ну вот, с пиратов эта история и началась. Кустик, видать, был рассказчиком от природы. И, к тому же, опытным. Говорил звонко, отчетливо и такими фразами, будто книжку читал.

— ...С пиратов эта история и началась. Один разбойный капитан летал между звездами на фотонном фрегате «Черная Лаперуза». Экипаж прозвал этого капитана «Печальный Роджер». Вообще-то пираты обычно любят «Веселых Роджеров», но в данном случае такое имя не годилось — очень уж капитан был мрачный... Как Алевтинин папа, когда та приносит двойку по английскому языку...

Тина и это перенесла молчаливо.

— И чтобы хоть как-то ослабить свою мрачность, Печальный Роджер каждые сутки выпивал по бутылке галактического рома «Вулкан Андромеды». Крепостью в сто тридцать звезд. И выбрасывал пустую бутылку в мусорный люк.

Боцман Кровавая Колбаса говорил капитану, что не надо засорять космос, но капитан посылал боцмана в самую далекую черную дыру и продолжал засорять...

Потом фрегат «Черная Лаперуза» попал в антимир. В антимире все наоборот, поэтому пираты сразу превратились в добрых людей, поселились на мягкой, как подушка, планете Пупушва и стали мирно выращивать космическую овощ «лимондара». Больше про них ничего не известно.

А бутылки летели и летели в межзвездной пустоте.

И вот одна из них попала в пространство-линзу...

5. Прозрачная планета

— Пространства-линзы, — продолжал Кустик, — это как бы громадные невидимые увеличительные стекла. Сквозь них пролетаешь и ничего не чувствуешь. Но потом приближаешься к своей родной планете и — ой-ей-ей! Видишь, что она сделалась величиной с футбольный мяч. Только на самом деле это не она уменьшилась, а вы увеличились в миллион раз...

Ну, с бывшими пиратами такого не случилось, а вот одна их бутылка пролетела сквозь линзу и сделалась в поперечнике как наша Земля.

Да, я забыл сказать, что это была круглая бутылка! Вроде как от ликера «Глобус» в спекулянтских киосках — такой прозрачный шар с длинным горлышком.

Ну вот, она увеличилась, и никто этого не заметил, потому что вокруг была межзвездная пустота, никаких небесных тел и кораблей поблизости. И висела бутылка-великанша в этой пустоте целые миллионы лет. Куда ей было спешить-то?

А за это долгое-долгое время через горлышко налетела в бутылку космическая пыль, налипла внутри на стеклянные стенки. И получилась почва...

(70) А потом... Вот это самое главное! Влетел в горлышко метеор! Он грохнулся о донышко бутылки, но не пробил, а отскочил в самую середину бутылочного пространства. И, наверно, от досады, что попал в ловушку, разгорелся ярким светом. И с той поры никогда не гас. Потому что он был из особого звездного вещества, а звезды ведь горят сами собой целые миллиарды лет. За счет внутренних ресурсов. Ну и этот тоже...

И получилось внутри круглой вместимости маленькое, но настоящее солнце.

Про такой, про похожий мир книжка есть, называется «Плутония». Но она про внутренность нашей Земли, а тут все случилось в бутылке...

Когда сделалось светло и тепло, в почве стали появляться всякие микробы, а потом и большие живые существа. И растения. И выделилась вода, появились, моря и озера.

Ну, а дальше все, как у нас: сперва динозавры, потом первобытные люди и человеческая цивилизация...

Многое там было похоже на нашу жизнь. Только люди никогда не видели звездного неба. Над головой у них всегда было яркое солнце, и никто даже не знал, что такое ночь. Правда, время от времени собирались густые тучи, наступал полумрак и начинался сезон дождей. Ну, что-то вроде африканской зимы. А про снег там даже и не слышали.

Вообще климат там был теплый, мягкий, поэтому и люди, наверно, были мягкие по характеру... Ну, то есть всякое, конечно, случалось, бывали там в истории и войны, но не такие ужасные, как на Земле. Потому что все там знали: живут они внутри шара. Если в нем взорвать слишком большую бомбу, случится такой резонанс, что весь мир рассыплется...

— И бутылка может лопнуть, — заметил Ник.

— Ну, они не знали, что живут в стеклянной бутылке. Думали, что просто в круглой пустоте, окруженной чем-то твердым...

Но, наверно, главные правители о чем-то догадывались. Поэтому придумали всякие законы. Например, не копать колодцы глубже десяти метров...

Дело в том, что там были не только местные люди, но и потомки тех, кто однажды залетел туда на звездолете. Случайно. Звездолет сломался, выбраться обратно они не смогли и стали жить среди местного населения. И постепенно смешались с ним. Конечно, эти космонавты знали про мир больше, чем внутрибутылочные люди. И рассказывали про космос и галактики. Но со временем все перепуталось, подзабылось, остались только разные легенды. Одна была про то, что в Южной части Круглого мира есть Черный туннель, который ведет в Никуда. А по правде это было горлышко бутылки.

Надо сказать, что люди жили в нижней бутылочной половине. Солнце-то висело не точно в

середине Круглого мира, а повыше, ближе к горлышку. Там начинались очень жаркие пустынные места, даже озера время от времени испарялись. Сперва туда ходили отважные экспедиции, но потом это дело запретили, потому что не каждая экспедиция возвращалась.

Ну вот, в то время, о котором идет речь, жизнь в планете Бутылке была мирная и спокойная. Войны давно уже не случались, наука развивалась, а руководил людьми умный правитель Бумбулло, потомок звездолетчиков, которые в древности влетели в горлышко. Он заботился о всеобщем благополучии.

А в городе Пампоподо, на берегу Треугольного моря жили-были два мальчика.

Вообще-то в городе было много мальчиков. И девочек. Девочки были совсем не вредные, никогда не приставали к мальчишкам, а всякие дурацкие щекоталки были запрещены законом.

— А если кто-нибудь нарушал закон? — не удержалась Тина.

— Тогда... даже не знаю. Таких глупых там просто не было. Никому и в голову не приходило нарушать законы. Считалось, что Внутренний Шар от этого может лопнуть и все провалится в Ничто...

Ну, вот. Жили-были два мальчика. Кудрик и Мудрик.

Они были друзья.

Кудрик был веселый, все время затевал разные игры. А Мудрик был изобретатель. Постоянно делал всякие хитрые штуки: автомобильчики на солнечной энергии, самопрыгающие мячи, крошечные телевизоры из спичечных коробков. А еще маленьких пластилиновых крокодилов на микросхемах. Они ползали в школах под партами и даже кусались, но не сильно, а шутя...

И вот однажды Кудрик и Мудрик услышали легенду о пиратском кладе. Кое-какие сведения про космических пиратов, наверно, все-таки просочились в планету-бутылку, только сильно измененные. Короче говоря, ходили слухи, что где-то на окраине города Пампоподо старинные пираты зарыли клад. Вообще-то слухам почти никто не верил (даже что такое «клад», толком не знали).

Но Кудрик вдруг загорелся нетерпеливым планом. И скорее к Мудрику:

— Придумай робота-копальщика. С разведывательным нюхом! Пускай найдет клад и выроет!

А Мудрику что? Ему лишь бы поизобретать! Сел за свой компьютер, начал загонять в него программу за программой. Ну, компьютер и выдал наконец чертеж. Схему механического животного, похожего на кенгуру. На задних лапах — маленькие экскаваторные ковшки с зубцами...

Потом Кудрик и Мудрик этого робота долго строили. Он был с электронными и компьютерными внутренностями. Когда он был готов, ему дали имя Уркла. То есть «Универсальный разведчик кладов».

Рано утром... Ой, никакого утра там, конечно, не было. Ну, когда все крепко спали за закрытыми ставнями, Кудрик и Мудрик верхом на Уркле выехали за город. И сказали роботу:

— Ищи!

Уркла ткнулся мордой в траву. Морда у него была похожа на ведро с двумя автомобильными подфарниками (это глаза) и с двумя дырами-ноздриями, чтобы принюхиваться. Ну вот, он принюхался и начал рыть. Сперва передними лапами. А когда углубился, то и задними. Он уходил в землю и оставлял за собой широкий круглый колодец. И не забывал делать в стенке колодца ступеньки для ребят, потому что он был почти такой же умный, как его конструктор Мудрик.

Мудрик очень радовался, что Уркла так старательно и быстро работает. А Кудрик вдруг испугался:

— Ой! А ты поставил ограничитель глубины? Ведь дальше десяти метров рыть нельзя!

Мудрик был талантливый, но рассеянный. Он не помнил, сделал ограничитель или нет. А останавливать Урклу ему не хотелось. И он сказал:

— Подумаешь! Какая разница?

— Как какая! Если копать глубже, Круглый мир может лопнуть!

— Не лопнет, — рассудил Мудрик. — Подумай сам! Ведь Уркла ищет клад, который зарыли пираты. Глубже клада он рыть не станет. А если пираты рыли глубоко и ничего не лопнуло, почему нам нельзя?

Да, он был рассеянный, но очень умный. И Кудрик почти перестал беспокоиться.

Они оба смотрели вниз, в колодец, но оттуда из-под Уркиных лап летели комья земли, ничего нельзя было разглядеть.

Наконец Уркла сказал механическим голосом:

— Дальше не роется. Скребки скользят. Программа выполнена.

— А клад есть? — вместе опросили Кудрик и Мудрик.

— Не знаю, — без выражения ответил Уркла. — Что-то есть.

Кудрик и Мудрик скатились вниз по ступеням. Сперва на металлическую спину Урклы (и он железным тоном сказал: «Рас-тя-пы»), а потом к его лапам. И вскрикнули. Потому что показалось, что они летят в пустоту!

Но они не полетели. Локтями и коленками уперлись в холодное толстое стекло, которое было совершенно прозрачным. А за стеклом был космос.

Конечно, Кудрик и Мудрик не знали, что такое космос. Они даже слова такого никогда не слышали. Но они все же почувствовали, что видят какой-то новый громадный мир. Незнакомый и совершенно бесконечный. В этом мире горело множество дальних огоньков. Будто капли расплавленного металла...

И Мудрик вдруг заплакал...

Ну, ребята, я не знаю, почему он заплакал. Только точно, что не от страха. И он сказал:

— Я понял, что это такое. Это разные солнца. Не такие, как наше, а очень далекие и очень громадные.. Я давно-давно где-то слышал такую сказку. Или видел это во сне. Да, во сне. Несколько раз. От такого сна замирала душа...

И сейчас душа замирала. У обоих. Но Кудрик постарался остаться веселым:

— Значит, мы нашли самый потрясающий клад! Мы молодцы! И Уркла молодец!

Но Уркла сказал:

— Вы не молодцы. И я не молодец. Мы нарушили закон. Вам попадет. А меня размонтируют.

Мудрик вытер слезинки и улыбнулся:

— А вот фигушки! Не имеют права.

И они пошли рассказывать другим ребятам про свое открытие.

Ребята все радовались и по очереди лазили в колодец. И у всех замирала душа. Ну, от всяких чувств. От беспредельности и от того, как манили их звезды.

Но такую тайну трудно сохранить. И, конечно, скоро про все это дело узнали взрослые. Вот тут-то и началось!

Разумеется, первым делом засыпали колодец. Потом всем ребятам, кто видел через стеклянное дно звездные просторы, запретили говорить про это. А то, мол, всех в школе оставят на второй год и снизят оценки за поведение... А Кудрика и Мудрика вызвали на совет. Сперва на педагогический, а потом на общий, на Всепланетный.

На этом общем совете был председателем сам Бумбулло, главный правитель планеты. Старый, седой, похожий на академика. Вообще-то он был добрый. Но сейчас очень нервничал, хотя и старался говорить спокойно. Сперва даже говорил: «Дорогие мальчики...» Но потом не выдержал и закричал: «Молокососы паршивые!..»

— А чего он испугался то? — спросила Тина.

— Как чего!.. Жили-жили, думали, что их мир единственный, все было понятно и спокойно. А теперь вдруг оказалось, что этот мир — капелька в океане. Даже и не капелька, а меньше самой крошечной молекулы! Разве такое легко пережить?.. И стали правитель и его советники давить на Кудрика и Мудрика: «Признайтесь, что все это ваши глупые выдумки!»

Те говорят:

— Но все равно ведь многие это видели!

А помощник правителя, хитрый такой, вроде кардинала Ришелье, им в ответ:

— Пусть Мудрик скажет, что он для забавы сделал такой специальный экран, похожий на стеклянное дно! И вставил в колодец, чтобы подшутить над всеми. Тогда вам ничего не будет.

Но Мудрик уперся. И Кудрик тоже. Говорят:

— Вы же сами учили детей, что врать нехорошо!

А советники им наперебой:

— Это не вранье, а высшая государственная политика!

Но Кудрик и Мудрик все равно сказали «нет». Тогда их отвели в специальный исправительный дом. И заперли в темной комнате. И сказали, что не выпустят, пока они не передумают...

— Но не били? — спросил Ник.

— Ну нет. Это же все-таки не Земля... Однако предупредили: «Будете упрямыться — больше никогда не увидите солнца»,

Кудрик сказал:

— Подумаешь!..

А Мудрик:

— Мы теперь видели столько разных солнц, что нам хватит до конца жизни.

Хитрый помощник правителя им сказал:

— Если не передумаете, мы вам сделаем прививки, от которых вы позабудете все на свете. Даже своих мам и пап. И вообще сделаетесь тупые...

Но они и тогда не уступили. Да они и не верили, что можно позабыть своих мам и пап... Может, по одиночке они бы и сдались, но они были вдвоем и поддерживали друг друга, потому что очень дружили. Ну, и гордые были, конечно...

— А что стало с Урклой? — спросил Платон.

— С Урклой стало... такое, что потом все ему говорили спасибо!

Сперва, конечно, его попытались размонтировать. По приказу совета. Вернее, хотели вставить в него другую программу, чтобы превратился в простого вьючного робота.

Но Уркла убежал. В те ужасно горячие области Круглого Мира, куда люди не решались соваться. Ему-то было не страшно, оболочка жаропрочная... А был он вполне разумное существо, только не из мускулов и мозговых клеток, а из всякой электроники и микропроцессоров. Умел он не только думать, но и чувствовать. И он привязался к Мудрику и Кудрику. Поэтому через недолгое время (когда опять все спали) он пробрался в город, плазменным резаком вскрыл замки и выпустил Кудрика и Мудрика. И сказал:

— Если у вас найдутся жаропрочные костюмы, я вам кое-что покажу. Вам все равно надо куда-то удирать из Пампоподо...

Мудрик пробрался домой. Там в кладовке отыскал два легких термостойких скафандра (у него ведь много всего было напридумано и поделано). Сели Кудрик и Мудрик на Урклу и помчались в горячие области.

Надо сказать, что путешествие было нелегкое и долгое, хотя Уркла мчался быстро. Кое-где он даже летел, потому что у него были выдвигаемые крылья и легкий реактивный двигатель.

Делалось все жарче и страшнее. Солнце жгло даже сквозь скафандры. А земля все круче шла под уклон, потому что было это уже не очень далеко от горлышка. Ну, знаете, где плечики бутылки...

Но вот, когда стало уже совсем невмочь, сре-

ди желтых пустынных песков они увидели что-то ржавое и черное, с круглыми окнами. Похожее на дом в форме яйца.

Это был звездолет, на котором в древности прилетели сюда инопланетяне.

Он был ужасно старый, но внутри все сохранилось в исправности, только двигатели не работали. Зато работали охладительные системы, они включились автоматически, когда Кудрик, Мудрик и Уркла забрались внутрь... Там путешественники, конечно, отдохнули, пришли в себя и стали разбираться, что к чему.

И тут у Мудрика проснулась такая память... Ну, которая передается по наследству через многие поколения...

— Генетическая, — сказал Платон.

— Да!.. Он стал вспоминать устройство звездолета, космические карты, документы... В общем, он в конце концов понял, что такое космос, что такое звездолет. Оказалось, что это корабль для путешествий по Великому Кристаллу...

«Почему?!» — хотел спросить Шурка. Но от нервного озноба перехватило горло. И вместо Шурки Женька удивленно спросила:

— По какому кристаллу?

— По Великому... То есть по Вселенной. Потому что Вселенная имеет кристаллическое устройство. У этого Кристалла бесконечное число граней, и каждая грань — особое пространство...

— Это тебе тоже космические голоса нашептали? — строго спросил Платон.

— Конечно. Не сам же я придумал! — Кустик недовольно хмыкнул.

— А правда есть такие голоса? — шепотом спросил Шурка у Кустика. Тот промолчал. А Платон объяснил с хмуроватой серьезностью:

— Он говорит, что эти голоса и нашептывают ему космические истории. И будто он этот шепот не ушами воспринимает, а впитывает кожей. Потому что она у него сверхчувствительная...

— Ну а про Кудрика и Мудрика-то что они нашептали? — легкомысленно поторопил Ник. — Какой у истории конец?

— А конца нет, — сказал Кустик. — Пока все остановилось на том, как они сидят в звездолете...

Я думаю, Мудрик его починит. И они вылетят через черный туннель, через горлышко бутылки, в открытый космос.

— А ребята в городе Пам... Пом... ох, Пам-подо придет в себя и начнут копать новые колодцы, — сообщил Ник. — Потому что это исторический прогресс, его не остановить.

— А может, раскопают и целые стеклянные площади, — задумчиво сказала Женька. — Представляете, как будет здорово! Получится, будто звездное озеро. Сидишь на берегу и смотришь в космическое пространство.

— А Кудрик и Мудрик на звездолете сядут на эту стеклянную планету снаружи, — поддержал

74) развитие истории Платон. — И увидятся с друзьями через стекло. И будут обмениваться с ними сигналами. А потом вернутся домой.

— И построят новые звездолеты, да? — слегка подмазываясь к Кустуку, въехала в разговор Тина. — И начнется космическая эра...

— Не знаю... — Кустик посопел. — Откуда я знаю? Может, будет так, а может, по-другому.

Тогда Шурка не удержался, спросил:

— Кустик, а у морей и озер дно там, наверно, стеклянное?

— Дно? Ну, возможно... Наверно. Конечно, вода же размывает земляной слой и добирается до стекла. Только никто этого не видал, там ни подводных лодок, ни аквалангов еще не придумали...

«Значит, так... — подумал Шурка. — Снаружи, где моря, планета прозрачна. Сквозь толщу воды и стекла светит солнце. И видно, как плавают стаи рыб, осьминоги и киты... И временами планета вспыхивает, как хрустальный шар... Интересно, что сказал бы на это Гурский? И еще: удивился бы он или нет, если бы услышал, что косматому пацаненку по прозвищу Кустик известно о Великом Кристалле? Гурский говорил, что об этом на Земле не знает никто...»

Но Гурский был неизвестно где. А сидевший рядом Ник задрыгал ногами-руками:

— Смотрите, солнце! Дождь кончился!

6. Издалека...

Они сбросили палатку. Выскочили в свежесть и солнечное сверкание. Заплясали опять, поджимая ноги в мокрой высокой траве.

Раскидали штаны, рубашки и майки на сосновой поленнице. От влажной материи пошел пар. Под горячими лучами она высыхала на глазах.

Шурка мотнул головой, прогоняя мысли о Гурском. Пусть сейчас не будет в настроении даже самого маленького пятнышка. Пусть лишь вот этот яркий день, стеклянные бусы дождя в траве, густая синева неба у края уходящей тучи... И новые друзья. Женька...

Круглого шрама на груди он уже не стеснялся, забыл о нем.

Женька в своем синем купальнике гонялась за хохочущим Кустиком — удивительно тощим и незагорелым, как свежая щепка. Кустик стряхивал на Женьку капли с яблонь, а она: «Ну, я тебе покажу, Кудрик-Мудрик!» — и в погоню...

Шурка засмотрелся, смутился, стал глядеть в другую сторону и бодро вспомнил:

— А как там мой башмак? Наверно, уже заклеился!

Платон бросил ему кроссовку из-под навеса.

— Держи! Как новенький! Надевай и будешь, как огурчик...

Шурка машинально поймал и стоял неподвижно. Откуда в ушах этот тоскливый, этот издалека-

ка пришедший гул? Как вой далекого мотора. Ближе... ближе...

Он еще старался удержать в себе радостный день, свое нынешнее счастье. Он даже попытался улыбнуться... Да нет же, ничего не случилось!

Запыхавшийся, отбившийся от Женьки Кустик подбежал, встал напротив, наклонил пегую голову к костлявому плечу. Глаза озорно сияли.

— Шурчик-мурчик будет, как огурчик...

И сразу — будто тьма...

Гурский говорил о блокаде памяти. Вернее, о фильтре. О таком, который пропускает в память прошлое небольшими дозами. И к тому же, прошлое это — как бы обесцвеченное, без переживаний. Слово не с тобой это было, а с другим. И давно, давно, давно...

«Иначе, Полушкин, вам просто не выжить. Тоска убьет вас, говорю это прямо. И главное — вы не сможете сделать то, что вам предназначено...»

«Что предназначено?»

«Об этом позже. Сначала о блокаде. Вы согласны?»

«Как хотите...»

«Нет, это вы должны решить...»

«Ладно...» — Он и правда устал от тоски.

И... ничего не случилось. Но прошлая жизнь как бы отгородилась полуметровым стеклом (и были на этом стекле совсем непрозрачные пятна). А к нынешней жизни стал проявляться слабенький, но все же интерес. Проклевывался тонкой травинкой. Особенно, когда разговор заходил о Рее...

А сейчас... сейчас то стекло будто рухнуло со звоном осколков.

...Ник, Платон, Женька, Тина и Кустик потерянно смотрели, как новый их приятель съезжился на корточках и сотрясается от плача. Слезы были взахлеб, не сдержанно. Что же делать-то?

Тина в сердцах дала Кустуку подзатыльник.

— Балда! Доигрался со своими дразнилками! Смотри, до чего довел человека!

И Шурка услышал. Да, сквозь неуправляемый плач все же услышал эти несправедливые слова. Рывком выпрямился. Не останавливая слез, взял Кустика за плечи, придвинул к себе — словно от ударов защищал:

— Ну, вы чего! Он же не виноват!.. Он... Это я... Сам...

Надо было спасать Кустика, спасать себя. Если не поймут, откуда эти слезы, может рассыпаться начавшаяся дружба. И тогда что? Опять один, один... И не будет Женьки... Будет лишь прорвавшаяся сквозь блокаду беда...

— Он же не знал!.. Я сам... потому что... это сразу вспомнилось. Вы не злитесь... Потому что отец тогда сказал такие же слова, и потом... почти сразу...

— Шурчик-мурчик, будешь, как огурчик... — Отец смеялся, поправляя на нем новую зеленую бейсболку. А комната была залита неуправляемым

(75) июньским солнцем. И теплый ветер колыхал шторы. Он был с запахом доцветающей сирени. Шурка нетерпеливо переступал новенькими зелеными кроссовками. В нем тугими струнками звенело ожидание радостного путешествия и свободы. Школьный год — позади. Отчетный концерт в «Аистях» — позади. А впереди — аэродром, первый в жизни полет и — море! На том южном берегу, куда не докатились гражданские войны и кровавые разборки. Они еще есть, такие берега...

— Сейчас отвезу домой шефа, поставлю машину, и мы с тобой на автобус. В аэропорт.

— Пап, ты только недолго!

— Двадцать минут... — Хлопнула дверь, зашумел лифт. Шурка заломил бейсболку, шагнул через упавший чемодан, встал перед зеркалом. Нарядный такой, собравшийся в путешествие мальчик. Счастливый десятилетний папин Шуренок, у которого впереди одни радости... Слово трещины пошло по зеркалу. Загрохотали внизу на улице черные железные молотки...

Шурка опять сел на корточки. Пахло мокрой травой и дровами. Остальные присели вокруг Шурки. Он вздрагивал и вытирал глаза. И ничего не скрывал, когда рассказывал. Только слово «папа» произносил с легкой запинкой, потому что уже отвык.

— Папа... он работал в фирме «Горизонт». Ну, то с компьютерами было связано. Небольшая фирма... Он был шофер, возил директора, дядю Юру Ухтомцева. Он не только шофер был, а еще как бы и помощник, консультант... И вообще они были друзья... Раньше папа работал не шофером, а диспетчером на аэродроме, но его выжили. Потому что не хотел поддерживать забастовку. Все диспетчеры решили бастовать, на их место послали военных, а папа говорит: «Они же в пассажирских полетах ни бум-бум. Люди могут погробиться». И вышел на работу. Ну, и потом не стало ему там жизни... Вот он и ушел в «Горизонт»...

Шурка всхлипнул опять. И чтобы не дать ему расплакаться снова, Женька спросила:

— Вы с папой вдвоем жили, да?

— Да... Мама умерла, когда мне пять лет было... Он сперва женился второй раз, но ничего хорошего не вышло. Ну и мы вместе, двое... Мы хорошо так жили. А в тот день — все сразу... как бомба...

...Когда он выскочил из подъезда, у машины никого не было. В лобовом стекле — частая цепь пробоев. Шурка раньше видел такое в кино. Дядя Юра Ухтомцев отвалился на спинку сиденья. А отец сидел за рулем прямо. И смотрел мимо Шурки. В уголке рта набухла крупная, как алая ягода, капля. Шурка закричал...

Тот крик надолго застрял у него в ушах. Засел в легких занозистым деревянным кубиком. И жил с этим кубиком Шурка долго. Сперва в детприемнике, потом в интернате. Кубик мешал дышать, и Шурка часто кашлял. Воспитательница водила его

к врачу. Тот сказал: «Бронхит». А это был не бронхит, а застрявшая тоска. И горькое беспросветное недоумение: «Почему это так? За что?»

— ...Понимаете, все разом куда-то... ухнуло. Ни отца, ни дома...

— А дом-то... — напряженно оказал Платон. — Квартира-то куда девалась? Она же твоя...

— Боже мой, да на нее тут же... слетелись, как вороны. Оказалось, что у кучи людей документы. Будто отец ее продал...

— А нельзя, что ли, было пойти, доказать? — спросил наивный Кустик.

Шурка проглотил последние слезы.

— Ага... Я сперва так же думал. О справедливости... Сбежал из приемника, пошел в милицию. Пустили меня там к одному... Следователь Харченко. Он сразу: «Квартира — не мое дело. Ты лучше скажи: знаешь, что у отца был пистолет?» Я это, конечно, знал. У папы «макаров» был. С разрешением. Папа мне давал стрелять в лесу. Я в консервную банку научился попадать с десяти шагов... Я и говорю:

«Знаю, конечно...»

А этот Харченко:

«Тогда скажи: куда он девался?»

И давай катить на меня. Ну, мол, будто я этот пистолет куда-то спрятал... А мне до того, что ли, было?... А «макаров» этот, скорее всего, был тогда и не у папы, а в сейфе, в «Горизонте». Папа наверняка его сдал перед поездкой, в самолет ведь с оружием не пускают. Я так и говорил сначала. А Харченко:

«Ты мне мозги не пудри. Я знаю, что у вас дома был тайник...»

И потом еще несколько раз меня из приемника таскали в милицию. Будто уже совсем обвиняемого: «Где пистолет? Говори, если не хочешь в спецшколу!» Они там даже не понимали, что мне все равно: хоть в спецшколу, хоть на тот свет... Один раз я не выдержал, как заору на этого Харченко:

«Чего вы ко мне привязались! Лучше бы арестовали тех, кто отца убил!»

А он:

«Ты еще тут глотку драть будешь, сопляк! Последний раз спрашиваю: где пушка?»

Ну, я и выдал в ответ:

«Если, — говорю, — была бы у меня эта «пушка», разве бы вы, гады, ходили живые? Вы — одна лавочка с бандитами...»

Он вскочил, замахнулся, а я в него плюнул...

Били Шурку профессионально. Так, чтобы не было следов.

В маленькой комнате без окон. Двое ловких, коротко сопящих парней в пятнистой робе. От них пахло табаком и кирзовыми башмаками. Шурка так и не понял, чем били. Боль раскатывалась по внутренностям тугими резиновыми шарами. Распластанный на лежаке Шурка сперва дико вскрикивал, потом кашлял и мычал. И злорадно думал, что сейчас умрет и тогда уж этим гадам придет-

ся отвечать, не отвертятся. Тогда он еще не полностью избавился от наивности...

А кроме того сквозь боль проскакивали отрывочные мысли о пистолете. Мысли-проблески. «Если бы у меня и правда была «пушка»...»

И потом, осенью, когда на краю кладбища нашел он среди мусора ту прямую латунную трубку, мысли были уже четкие...

Это случилось, когда он жил в интернате...

Нет, про трубку не надо. По крайней мере, сейчас не надо...

На кладбище он ходил часто. Интернат стоял от кладбища неподалеку (хоть в этом повезло). Шурка убегал и шел на мамину могилу. Потому что даже в самой беспросветной жизни должно быть у человека хоть что-то родное.

На могилу отца он не ходил — ее просто не было. Отца сожгли в крематории и засунули урну в стену, за серую каменную табличку. Лишь на это хватило денег у фирмы «Горизонт», которая стремительно разорялась. До крематория было километров двадцать, не доберешься. Да и что там делать перед глухой бетонной стеной с сотнями имен? А тут, на кладбище — кусты и скамейка рядом с могильным камнем. И рядом — никого...

Но сюда приходил уже не прежний Шурчик Полушкин. Не ласковый, веселый и слегка избалованный папин сын. Приходил замызганный пацаненок с острыми скулами, с твердым кубиком в легких и застывшей душой. Сидел под мокрыми увядшими листьями рябины. Думал. Не спешил. Куда было идти? Обратно в интернат?

...Нет, про интернат сейчас тоже не надо. Про эту серость и кислый запах в коридорах. Про таблетки и уколы, чтобы ночью вели себя тихо. (И тихо вели. Но гадко...) Про улыбочивые делегации, привозившие «сироткам» гуманитарную помощь — ее потом с визгом и руганью делили воспитательницы.

...А есть такое, о чем при Женьке и при Тине вообще не скажешь никогда. Об этой ночной возне в девчоночьих спальнях. Или о скользком, как червяк, восьмикласснике по прозвищу Гульффик — активисте и директорском прихлебателе. Как он, когда гасили свет, ужом лез в мальчишечьи постели. И слюнявыми губами в ухо: «Ах ты мой хорошенький. Дай-ка я попробую на твердость твой гвоздик...» И однажды попробовал Шуркин — стальной, отточенный, длиной в двенадцать сантиметров. Шурка в сентябре подобрал его на стройке и держал под подушкой.

Потому что насчет всех этих дел просветили Шурку еще в приемнике. И он понял: тут два пути. Или покориться, или быть готовым на все: на отчаянную драку, на боль, на кровь, на тюрьму. Даже на смерть...

Гульффика — воюющего, с разодранной на боку кожей — утащили в медицинский кабинет. Дело замяли: директорша не хотела скандала, до милиции не дошло. Но Шурку, разумеется, били

опять: сперва по щекам в директорском кабинете, потом в «комнате для трудных» — воспитатель Валерий Валерьевич, резиновым шнуром от скакалки. «Не дрыгайся, моя пташечка. Будешь орать — все узнают про случай с гвоздем. А тогда уж точно — спецшкола...»

Шурка не орал. Не потому, что боялся спецшколы. Просто колючий кубик в груди был, как клапан. Да и к боли Шурка уже притерпелся: били везде — и в приемнике, и в милиции, и в интернате. Воспитатели и все эти «дежурные по режиму», и парни — те, кто постарше...

Он не хотел об этом, но все же не удержался, сказал сейчас ребятам:

— К битью привыкаешь... А к табаку привыкнуть не мог, бронхи болели от кашля... А труднее всего было знаете что? Не поверите... Не мог сперва ругаться, как другие. Потом научился. Без этого нельзя. Чтобы выжить, надо было казаться таким, как все.

— Казаться... или быть? — тихо спросил Платон. Судя по всему, он понимал больше других.

Шурка мотнул головой.

— «Быть» не получалось. Всегда было жалко маленьких. Им там хуже всех, в этом зверятнике... А еще... у меня же там была задача. Выжить, чтобы встретить того... Главного, кто послал автоматчиков.

— Значит... ты узнал, кто это был? — испуганно спросил Кустик.

— Господи! Да это все знали... Такой гад по фамилии Лудов. Он ездил на «мерседесе» с целой бандой охранников, заведовал ресторанами, рэкетирскими шайками и всякими торговыми домами. «Горизонт» отказался платить ему дань, ну и вот...

— А почему не арестовали-то?! — взвизгивал Ник.

— Говорили: «Нет доказательств»... Зато друзей в милиции у него было сколько хочешь. Тот же Харченко... Я уж потом догадался...

— И... что ты хотел с ним сделать? — словно через силу спросила Женька. Шурка глянул и отвел глаза.

— Не получилось? — шепотом сказал Платон.

Шурка покачал головой. Он понял, что пора остановиться.

— Я же говорил... Попал под машину. На дороге... А потом клиника. Врач по фамилии Гурский... Он, говорят, сделал чудо...

Шурка вдруг улыбнулся. И с облегчением, и с просьбой: «Давайте больше не будем обсуждать все это...» Гурский словно оказался рядом и повел рукой. И завеса из полупрозрачного стекла опять беззвучно опустилась между Шуркой и его прошлым. Он всхлипнул самый последний раз — виновато и запоздало.

— Вы... наверно, думаете: вот, появился тут такой, разреvelся, как маленький...

Все немного помолчали.

— Глупенький... — вздохнула наконец Женька. Мама когда-то в точности так же говорила после долгих его слез. — Глупенький... Никто ничего такого не думает...

Платон сказал насупленно:

— И что же, что разреvelся? Может, это и хорошо: от слез легче делается. Не зря их природа выдумала... Ты не бойся, мы все понимаем.

— Конечно, с нами такого не было, — рассудительно вставил Кустик. — Но тоже... Вот у Ника, например... Ладно, потом...

Шурка вытер лицо ладонью. Медленно встал. Солнце жарило плечи. Головки иван-чая покачивались у щек.

— Главное чудо не то, что он меня вылечил, — сказал Шурка всем. И Женьке. — Самое хорошее, что я здесь.

— Это уж точно! — обрадованно согласился Ник. С намеком, что хватит уже о грустном.

Но Шурка все-таки сказал еще:

— Они там в клинике не только сердце мне спасли. Еще и эта... психотерапия была. Чтобы страшное не вспоминалось слишком часто. Помоему, перестарались...

— Ты думаешь? — насупленно спросил Платон.

— Кое-что не помню совсем... Например, город, в котором жил. Как называется. Бабу Дусю спрашиваю, а она молчит. Боится, что мне хуже станет...

— Значит, любит, — рассудительно заметил Кустик.

7. Ответка

Баба Дуся, конечно, любила Шурку. Но, как уже известно, зря не баловала. И, когда он появился дома, устроила нахлобучку:

— Это где же тебя черти носили, бессовестная ты личность! Ушел с утра, на часах уже четыре, а его нету и нету! В милицию уже собралась идти, вот срам-то был бы! Отвечай, где болтался!

— Баб-Дусь! Я...

— Молчи, когда старшие говорят!

Шурка с сокрушенным видом стоял посреди комнаты. Нагнулся, стал раскручивать отвороты брюк и вытряхивать оттуда листики и сорняковые семена. Глянул исподлобья:

— Ну так что? Отвечать или молчать?

— Сперва молчи, потом отвечай! Где был?

— Заигрался...

— Заигрался! На целый-то день! Один!..

— Да не один я! Познакомился! Там такие ребята...

— Вот-вот! — в голосе бабы Дуси прозвучала паническая нотка. — Началось! Связался со шпаной...

— Да не со шпаной! Наоборот! Ну, честное слово! Знаешь какие... замечательные! — Шурка выпрямился.

— Были бы замечательные, сказали бы: «Тебя, небось, дома ждут».

— Они и сказали. Потом... Даже проводили... А сперва мы про время позабыли. Потому что гуляли, а тут как раз дождь, а после мы сушились и рассказывали... истории всякие... Ну и вот... Баб, ты подожди ругаться, я уж сразу во всех грехах признаюсь...

— Господи-светы! Чего натворил?

— Картошку не купил. А деньги проел на мороженом... Ну, потому что они меня бананами угостили и всем пить захотелось, а больше ни у кого денег нету, только у меня... Вот я и купил на всех... Баб, я бутылки соберу и сдам. На эту сумму!

— Не хватало еще, чтобы ты по помойкам лазал! Будто мне этих денег жалко! Мне жалко, что ты такой вот, без всякого соображения! Хоть бы подумал, как бабка тут изводится...

И Шурка подумал: «А ведь правда! Какая же я свинья...» Насупился и опять начал выпряхивать сор из-за отворотов...

— Нечего тут мусорить на половики, — сумрачно сказала баба Дуся. — Сымай вообще эти штаны и рубаху. Буду на тебя эту самую... «африканку» примерять. С утра кроила, пока ты шлындал где-то...

— Ба-аб! — Шурка восторженно запрыгал, избавляясь от брюк и рубашки. — Ты... просто самая лучшая на свете из всех баб-Дусь!

— Ладно, нечего подмазывать, — начала таять она. — Чуть не уморил старую, а теперь «самая лучшая»...

— Ну как же не подмазывать, если я кругом виноват! — чистосердечно раскаялся Шурка. — Ты, если хочешь, скрути полотенце и огрей меж лопаток, как обещала...

— Брысь, бес косматый! — Баба Дуся шлепнула его, подтолкнула в свою комнатушку. — Ну-кось, надевай... Да осторожно ты, непутевый! Не сшито ведь, а только сметано...

Ткань была прохладная и легонькая. Ласковая такая после заскорузлой от дождя и сушки одежды.

— Ну, чего скажешь?

— Ба-а! Самое то!.. А знаешь, у тех пацанов, у двоих такие же анголки. Только цветом не такие...

— Они, выходит, мальчонки вроде тебя? А я уж думала, не приведи Господь, какие-нибудь дуботолки...

— Что ты! Эти двое — как я, а еще один, он помладше. И две девчонки... девочки.

Радость от недавней встречи снова теплом разлилась по Шурке. Он размягченно сел у стола со швейной машинкой, щекой лег на обрезки ткани.

— Полегче шевелись. Расползутся швы-то...

— Не-а... — В Шурке расцветало тихое веселье. И нежность к бабе Дусе. Как он, дурак такой, недавно мог еще сомневаться: любит ее или нет?

— Баб-Дусь! Одну девочку зовут Женька...

— Это как? Евгения, значит...

— Ну да. Женька. С косами... Баб-Дусь, я в нее, кажется, влюбился. — Это он без всякого смущения, с неодолимым желанием поделиться радостью.

Баба Дуся слегка всполошилась. То ли всерьез, то ли для порядка:

— Господь с тобой! Не вздумай! В такие-то годы...

Шурка поморщился:

— Ну, я же не так...

«Так» он не хотел. Даже подумать было тошно!.. Он помнил, о чем липким шепотом говорили по ночам в интернате. И с каким трусливым придыханьем парни собирались в темноте «к девкам в гости»... И те кассеты, которые украдкой смотрели на портативном видеке — его ночью вытаскивал из-под паркетных плиток владелец — Борька Хлопьев по прозвищу «Хлоп-по-ж...»

Шурка, надо признаться, тоже смотрел. Чтобы хоть на полчаса забыть о тоске, которая ночью подступала совсем без жалости. Но ему казалось, что от воровски мигающего экрана пахнет, как от немых ног Хлопа...

Пусть, кому это надо, пыхтит и потеет от такой мерзости. Шурку же — рвать тянет. Насмотрелся, наслушался.

А Женька... Ему же ничего от нее не надо. Пускай только смотрит по-хорошему. Да иногда касалась бы кончиком косы его локтя или плеча...

Он зажмурился и прошептал:

— Я же... ничего. Просто... чтобы она, как сестренка...

И баба Дуся вдруг сказала, как Женька — без насмешки, ласково:

— Глупенький...

А он не глупенький был, а счастливый... Встал. Крутнулся на пятке.

— Баб-Дусь, все аккуратненько в самый раз! Шей!

— Ну-кось, погоди, не крутись, рукав отъехал...

— Она взяла иглу с длинной нитью. Игла выскользнула из пальцев, баба Дуся успела ухватить нитку.

— Будь ты неладна, совсем пальцы инвалидные... — Игла качалась на нитке на уровне Шуркиных колен. И вдруг дернулась, потянулась к нему, как живая! Повернулась в воздухе горизонтально. Ключнула Шурку в ногу! Легонько, но... коварно так. Жутковато. Шурка взвизгнул, отскочил.

— Что? Укололся? Да как же это...

— Я... не знаю...

В груди — бешеное метанье. И трудно дышать, словно опять кубик в легких.

— Чего ты испугался-то?

А он разве знал — чего? Какой угрозы, какого намека?

Игла теперь качалась нормально, словно и не оживала, как магнитная стрелка.

Шурка подышал с усилием и часто. Кубик в легких растаял. Шурка улыбнулся.

— Я... такой вот. Почему-то с детства иголок боюсь...

Это он врал. Испугался иголки он первый раз в жизни...

Ох, да стоило ли визжать-то? И вздрагивать! Наверно, какая-нибудь случайная магнитная волна... При случае надо будет спросить у Гурского.

А когда он будет, этот случай?

А если не будет... тем лучше!

В приметы же и в предчувствия верить глупо...

Баба Дуся, сама слегка испуганная, проговорила:

— Снимай, на машинке шить буду... Иди на кухню, там суп разогретый да рыба жареная с вермишелью.

— Ага... — Страх ушел, прежняя радость возвращалась к Шурке. — А можно, я меду к чаю возьму? Ложечку...

— Знаю я твою «ложечку»... Возьми... А как поешь, сходи в гараж к Степану. Он тебя сегодня уже три раза спрашивал, «Где Шурка» да «где Шурка»... Чегой-то у него за дело к тебе?

— Понятия не имею! — честно сказал Шурка. И опять — непонятное беспокойство.

Обедать не стал. Как был, в плавках, в майке и босой, выскочил на жаркий двор. Гараж соседа Степана был открыт.

В отличие от литературного героя, здешний дядя Степа не был великаном. Наоборот — невысокий, щуплый да к тому же слегка сгорбленный. С редкой щетинкой на лице и с постоянной озабоченностью в задумчивых коричневых глазах.

Вредные языки говорили, что эта озабоченность вызвана лишь постоянным желанием выпить. Но именно вредные. Потому что дядя Степа, несмотря на склонность постоянно быть в компании с четвертинкой, любил работу. Всякую.

Он числился на должности в какой-то частной мастерской, но большую часть времени проводил в своем гараже, где стоял его допотопный «москвичонок» — всегда полуразобранный. Здесь дядя Степа что-то паял, вытачивал, привинчивал, скоблил рашпилем и клепал. Заказов от местного населения хватало. И надо сказать, заказы эти выполнял он добросовестно. А если от дяди Степы всегда пахивало кое-какой химией, то кто без греха...

Так рассуждала и баба Дуся. Иногда по вечерам она приглашала Степана к себе на кухню и там подносила рюмочку. А потом просила очередной раз починить машинку. В общем, слесарь дядя Степа и отставная портниха Евдокия Леонтьевна были добрые знакомые. Степан и к Шурке относился по-хорошему, один раз даже прокатил на «москвичонке» — в один из тех редких дней, когда эта керосинка ездил.

Но какое у дяди Степы могло быть к соседскому пацану срочное дело?

И с чего у Шурки такое беспокойство?

...В гараже летал тополиный пух. Солнце светило в распахнутые ворота. Дядя Степа скрежетал напильником по зажатой в тисках втулке. Оглянулся. Заискрились на щеках волоски. А еще заискрилась бутылочка с наклейкой. Дядя Степа ловко убрал ее под верстак.

— Шуренций! Заходи, дорогой!

— Здравсте... Зачем меня звали?

— Заходи, заходи...

Легко сказать «заходи». Справа между машиной и стеной загораживала проход железная бочка. Слева — стол со всяким слесарным инструментом и непонятной громоздкой штукой, смахивающей на аппарат из фильма «Самогонщики». Шурка прыгнул через бочку. Ловко прыгнул, красиво. Но над бочкой висел на стене моток толстой проволоки, из него торчал конец. Шурка на скорости чиркнул по концу плечом. Ух ты! Сразу побежало. Шурка прижал к рассеченной коже ладонь. Потекло между пальцами.

— Е-мое! — всполошился дядя Степа. — Скачешь, не глядишь!.. Ну-ка покажи... Е-ка-лэмэнэ! Во рассадил!.. Ну-ка, давай промоем, чтоб зараза не случилась... — Он вытащил из-под верстака четвертинку. — Спирт — он первое средство против микробов.

Шурка поморщился:

— Да ладно, так сойдет... — Сел на шаткий табурет, все так же зажимая плечо. — Сейчас зарастет... — Кровь уже не бежала. — Вы пока говорите, зачем звали-то...

— Да обожди ты «зачем звали»! Давай хоть перевяжем!

— Не надо, все уже. Вот. — Шурка убрал руку. На коже был розовый рубец. Словно рана заросла неделю назад.

Дядя Степа присвистнул.

— Можно? — Шурка взял у него четвертинку, плеснул на ладонь воющую жидкость. Морщась от запаха, смыл с плеча и руки кровь, вытер ладонь подолом майки.

Дядя Степа крикнул, взял у него бутылку. Пятерней потер щетину.

— Ишь ты как... Правду говорил мужик о твоих свойствах.

— Какой мужик?

Дядя Степа сел напротив, на другой скрипучий табурет. Наклонился. Слегка дыхнул водочкой.

— Какой мужик, говоришь? Гурский... Значит так. Привет тебе от Гурского.

Ну, чего угодно мог ожидать Шурка, но такого!..

С полминуты он обалдело молчал. А потом ничего другого не придумал, как спросить:

— Почему через вас-то? Сам не может, что ли, выйти на связь?

— Говорит, что худо стало с земной атмосферой, электричества в ей до фи́га, помехи. Вчерась ночью тазик твой аж со стены загремел, а слышимости ни на грош... Ну да не в том дело. Не все

ведь можно передать по этому... по эфиру...

— А чего он хочет передать-то?

— В этом, голубчик, и главная суть задания...

— Дядя Степа со значительным видом поднялся, отвернулся к верстаку, погромел там железом. Опять сел перед Шуркой. — Вот...

И протянул отвертку.

Обыкновенная такая отвертка. Вместе с ручкой — сантиметров пятнадцать длиной. Ручка плоская, деревянная. Удобная. Хорошо зачищенная шкуркой, но без лака. Стержень светлый, из нержавеющей стали... Шурка недоуменно взял, повертел.

— Зачем она?

— Ясное дело, винты откручивать!

— Да какие винты? Скажите толком! — Шурку взяла досада. От непонятности.

— А ты погляди на кончик-то. Сразу и поймешь.

Шурка поглядел. И не понял.

Сперва показалось, что отвертка — для шурупов с крестообразными шлицами. Но нет! На конце был не крестик, а что-то вроде снежинки. Звездочка с шестью концами и каждый конец узорчатый. Просто ювелирная работа.

Дядя Степа так и сказал — малость самодовольно:

— Ювелирная работа... А болтов или шурупов с такими головками на этом свете всего два десятка с небольшим. Поэтому, как увидишь, откручивай смело. На том твоя задача и будет решена.

— Да где я их увижу-то?! Какая задача?! — Шурка чуть не заплакал.

— А про то я знаю не больше тебя, — увесисто произнес дядя Степа. — Да и Гурский, видать, знает не больше. Говорит, надо искать. Где-то в наших местах. Такая, говорит, у этого мальчика миссия...

Шурка обмяк. В словах Степана не было ничего нового... Но, впрочем, не было и никакой тревоги или угрозы. Да и какая от Гурского может быть угроза? Наоборот...

— Не мог уж толком объяснить, — вздохнул Шурка.

Дядя Степа развел руками (крепкие пальцы — в застарелых мозолях и вьезшейся металлической пыли). Шурка поскреб отверткой по колену, глянул исподлобья.

— А вы, значит... тоже? — Он не решился сказать «их сообщник». Или правильнее — «союзник»? Или «помощник»?

— Выходит, тоже... — нехотя признался Степан.

— А вы... про их планету что знаете?

Дядя Степа набычился и сделал машинное движение к четвертинке. Удержался.

— У меня к этой планете касательство очень стороннее. Почти никакое... Да и не планета она вовсе. То есть не совсем планета...

— А что?!

— Просто эта... как говорится, иная среда обитания. Они... Гурский да помощник его, говорят:

«Другая грань»... Потому как вся наша Вселенная, по их словам, вроде бесконечного кристалла... Пока он, Гурский-то, объяснял, я все понимал. А потом как-то перемешалось в голове...

— Небось, после поллитры, — в сердцах сказал Шурка.

— И ничего не после... Мне поллитра делу не помеха. У них там, в этом кристалле, конечно, всякие иноземные технологии, а с такими руками, как мои, все равно никого нету. Чтобы, значит, такую отвертку выточить. Без Степана Михалыча, выходит, во Вселенной пока не обойтись... Ну, и заплестили, надо сказать, прилично, не обидели...

— А почему Гурский сам ничего мне не объяснил? Почему не появляется? Где он?!

— А я знаю? Возник да пропал. Как этот... фантом... А насчет тебя сказал... «Он, — говорит, — мальчонка чуткий, сам придет куда надо, сам отыщет. Потому что, — говорит еще, — это диктуется земными условиями, мы тут вмешиваться не должны...» Главное, — опять же говорит, — что он «Весы». То есть ты... По звездному гороскопу...

«Да! Он же и мне говорил», — вспомнил Шурка. Но беседы с Гурским держались в памяти плохо. Почти так же плохо, как вся прошлая жизнь.

Дядя Степа повертел четвертинку в пальцах, покосился на Шурку, вздохнул. Снова поставил посудинку на верстак.

— Сказал еще такое: «Весы к весам, полюса к полюсам, вот и будет баланс»... Так я это понял.

— Зато я ничего не понял! Что я должен делать-то?

— Да ничего ты специально не должен. Только отвертку носи с собой... А так что? Живи да играй. А если тебя потянет куда-то особый интерес, ты ему не противься. Интерес этот тебя в нужное место и приведет. Так они говорили, Гурский и этот... Кимыч. А еще просили сказать: хорошо, что ты со здешними ребятами дружбу завел...

«Все знают, — зябко подумал Шурка. — Выходит, я у них как под телекамерой. Постоянно...»

— Что им до этих ребят-то! — огрызнулся он. И впервые ощутил неприязнь к Гурскому.

— Не знаю, что... Говорили только, чтобы зря перед ними не раскрывался. Особенно перед тощим да косматым. И чтобы к дверце шел один. Подходы-то можно вместе искать, а уж к самой дверце лучше одному...

— Господи, к какой дверце-то?!

— Они говорили, что вроде бы к восьмиугольной. Сообразишь. Где такие шурупы увидишь, там она и есть...

8. Шар на покато́й плоскости

Да, Шурка почти ничего не понял. Опять.

Дядя Степа прав: пока с Гурским разговариваешь, все тебе ясно. Потом забывается, перемешивается в голове.

Хорошо только, что забывалась и боль.

...Шурка вернулся к себе, лег на узкий свой диванчик. Глаза — в потолок.

Заглянула баба Дуся.

— Умаялся за день-то, гуляка?

— Ага... Ноги маленько гудят.

— Ну, лежи, лежи... Пообедать не забудь.

О чем был разговор со Степаном, не спросила. Знает?.. А впрочем, какая разница...

На Шурку напознала дрема.

Нет, так нельзя! Надо вспомнить все? Разобраться! В конце концов, пора понять окончательно: зачем он здесь?

...Но он же понимал! Тогда! Гурский говорил ясно!

Просто все нужно выстроить в голове по порядку. Но если по порядку, тогда... Тогда хочешь-не хочешь, а это...

...Треск, чей-то вскрик, два столба света от вспыхнувших фар. Выросший до размера дома радиатор «мерседеса». Тугой, словно кожаной подушкой, удар. И тьма, тьма...

А потом как бы взгляд с высоты, метров с пяти. На себя самого. Толпа, белые халаты, машина с крестами...

— Алло, пятая! Пятая! Сообщите: есть донор! Да, немедленно!..

Почему донор? Будут переливать ему, Шурке, кровь? Зачем? Он сделал, что хотел. Вон черный «мерседес» на боку у края дороги. Покореженный. С лучистой дыркой в ветровом стекле.

А он — это он? Шурка Полушкин? Почему видит себя со стороны?

Ничего он уже не видит...

Нет, вот опять... Худое тело под простыней на очень холодном мраморном столе (Шурка не чувствует, а просто знает, что стол холодный). Тусклый свет, еще множество тел. Не все под простынями. А у него под белой с бурыми пятнами тканью ощущается квадратный провал — на груди, слева... Там — пустота. Везде, во всем мире пустота...

А потом — боль, искры среди тьмы, желание вскрикнуть. И вдруг — тепло по телу. Спокойствие. Такое спокойствие, когда не хочется ничего. Просто лежать вот так и спокойно дышать... А колющий кубик в груди исчез.

Он открыл глаза. Увидел над собой переплетение разноцветных кабелей. За ними — потолок цвета слоновой кости. Среди проводов появилось лицо. Большое, заросшее светлой курчавой шерстью. С очень синими глазами.

Лицо сказало:

— Кимыч, по-моему, он в порядке.

— Вижу, — недовольным голосом отозвался неизвестный Кимыч.

Шурка, видимо, и в самом деле был «в порядке». По крайней мере, он все вспомнил. И спросил о главном:

— Я попал?

— Куда?

— В Лудова. Я его убил?

Синие глаза мигнули.

— А! Вот что вас беспокоит. Нет, к счастью, вы промахнулись.

Вообще-то было теперь все равно. Однако сквозь равнодушие просочилась капля горечи.

— Какое же тут счастье. Жаль...

— Жаль, что не убили человека? — очень серьезно спросил синеглазый.

— Он не человек, а гад. Мафиози...

— Значит, это не случайно? Не баловство? Вы знали, в кого стреляли?

Шурка ответил глазами: «Еще бы!»

...Всю осень и ползимы он лелеял эту латунную трубку. Она помогала ему жить. Не спеша, с нежностью он превращал ее в оружие.

Надо было старательно сплющить конец, выгнуть его по форме рукоятки. Просверлить хвостовые отверстия для крепежных шурупов. Привинтить трубку к изогнутой березовой ручке, которую Шурка любовно подогнал к ладони. Папа хотя и баловал порой Шуренка, но и научил многому — в том числе работать инструментами.

Шурка работал на кладбище, на скамейке под кустами рябины. Стыли руки. Шурка отогревал их дыханием или у костерка, который разводил между холмиками. На том же костерке расплавил в консервной банке кусочки свинца, залил им казенную часть длинного ствола. Сделал надрез трехгранным напильником, в нем проковырял запальное отверстие — тоненьким сверлом от детского слесарного набора. Алюминиевой проволокой, виток к витку, притянул ствол к обточенному ложу...

Инструменты и пистолет прятал он тут же, в тайнике под лавкой. В интернате разноухали бы сразу...

Из тонкого свинцового прута нарубил Шурка пули. Аккуратно подогнал по калибру.

«Видишь, папа, все получается как надо...»

«Шурчик-мурчик, будешь, как огурчик...»

«Ага. Не бойся, я не промахнусь. Всех гадов не перестрелять, но уж этого-то...»

«Я знаю, ты попадешь...»

«А потом, если есть другой свет, мы увидимся, верно? И с мамой...»

«Несомненно, малыш...»

Он часто так говорил: «Несомненно, малыш». Шурка вспоминал это и глотал слезы. Но теперь слезы были сладкими.

Труднее всего было достать порох. Но в конце концов Шурка сделал и это. В старших группах, у крутых выпускников можно было выменять на заграничные шмотки все что хочешь. У Шурки сохранилось еще от прежней жизни кой-какое импортное тряпье и новенькие японские кроссовки. В общем, парни дали ему полпачки серого охотничьего пороха «Сокол». Не спросили, зачем — бизнес есть бизнес.

— Только нашу хату не подрывай.

— Нет, я не здесь...

Пристреливал пистолет он там же, на кладбище. На выстрелы никто не обращал внимания. Во-первых, сплошное безлюдье кругом. Во-вторых, стреляли часто и повсюду. Рэкетеры — в своих непослушных клиентов и друг в друга, гаишники в угонщиков, бандиты в милиционеров, милиционеры в бандитов и в случайных прохожих — по ошибке. В последнем случае — всегда метко.

Шурка тоже стрелял метко. С пятнадцати шагов по консервной банке промазал только два раза из десяти — первый и третий. В банке появлялись круглые дырки с рваными краями. Шурка трогал их пальцем и сжимал зубы. И случалось, что опять плакал...

Неудобно было то, что пистолет без курка, с запалом из спички. Запал срабатывал не сразу, горел секунды полторы-две, а то и три — в зависимости от величины серной головки. И Шурка отобрал спички самые одинаковые, чтобы срок горения всегда был один и тот же. Стрелял со счетом: «Чирк, два, три!» Чтобы на «три» грохало. Тренировался и вхолостую, много. Чтобы в нужный миг точно посадить цель на мушку...

«Папа, у меня получится!»

«Я знаю, малыш...»

«Папа... я стал совсем не такой, да?»

«Это ничего, Шуренок. Ничего...»

Он стал совсем не такой, как тот домашний Шурчик. И даже не такой, каким был в приемнике, а потом, осенью, в интернате: безвольным, плачущим по ночам новичком по кличке «Грош». После случая с Гульфиком его зауважали. Мало того! Словно по чьему-то наитию вместо прозвища «Грош» появилось новое — «Снайпер». Может, за непримиримый прищуренный взгляд? С таким-то именем, с нарастающим авторитетом «волчонка», не боящегося ни боли, ни начальства, мог бы он зажить вполне вольготно. Глядишь, со временем сделался бы и «королем»... Только зачем ему это?

И за десять дней до задуманного Шурка ушел в подвалы.

Там, под заброшенной стройкой жилого квартала обитали бесприютные пацаны и девчонки. Всякого возраста. И жили по-всякому. Промышляли в городе кто чем мог — жевать-то что-то надо. Кое-кто из старших кололся. Иногда пили, и некоторых потом рвало... И все же Шурка в те последние дни отдохнул тут душой. Потому что здесь не было злости. Делились друг с другом всем, что добывали. О маленьких заботились. Даже елочку для них готовили и сделали специальную проводку для гирлянды, украденной из коммерческого ларька...

Шурку приняли без лишних вопросов. И он, благодарный за тепло, за нехитрое их товарищество, не скрыл от «подвальщиков» своих планов. Даже показал пистолет.

(82)

Никто не выдал Шурку. Только один из старших, Венька Скрипач, сказал озабоченно:

— Гляди, самого пришить могут. На месте.

— Я знаю, — согласился Шурка. И подумал, что, если уцелеет, вернется сюда. Но подумал мельком. Что будет потом, его не волновало. Тем более, что уцелеть шансов почти не было. Потому что машина выскочит прямо...

Лудов уезжал из офиса около трех. Стояли самые короткие дни, но в тот час было еще светло. И это — удача.

Но рядом с офисом стрелять было невозможно, там паслась вся эта сволочь — лудовская охрана. И в пятнистом, и в штатском.

Шурка выбрал место на повороте. Там на дороге была выбоина, и «мерседес» слегка тормозил, чтобы его гадское бандитское высочество, господина Лудова, не трянуло на заднем сиденье. И тогда — сквозь переднее и заднее стекла кабины виден был закат. А на фоне заката — голова в лисьей шапке. Между головами водителя и охранника на заднем сиденье. Секунды на полторы.

Только бы все совпало по мгновеньям! «Чирк, два, три... цель на мушке! Огонь!»

Правда, тут же водитель даст газ! И — на стрелка! Ну и пусть...

Шурка пассажира на том перекрестке дней десять. Незаметно. Упрямо. Считал секунды...

Был уверен, что не ошибется.

И с этой уверенностью, с ощущением победы полетел от удара бампером в пустоту...

— Почему же я промахнулся? — это он сам себя спросил. Но, видимо, вслух, внятно.

— Не знаю, Полушкин. Видимо, вы ошиблись в какой-то мелочи. Такое дело трудно рассчитать безупречно...

Он говорил Шурке «Вы» и называл по фамилии.

Шурка спросил — вполне равнодушно:

— Я в тюремной больнице?

— С чего вы взяли?

— Ну, я же пытался убить...

Заросший бородой незнакомец ближе придвинул лицо.

— Вы в частной закрытой клинике. В очень частной и очень закрытой...

Шурка помолчал и сказал с оттенком горькой насмешки:

— Вы что же, прячете меня от милиции?

— Моя фамилия Гурский. Так меня и зовите. Не люблю здешнего обычая с именем-отчеством. И вас буду звать Полушкин. «Шурка» — неловко, «Шурик» вы не любите, а «Шурчик» — не моя привилегия.

«Откуда он все знает?»

— Откуда я все знаю? Ну, не все, а кое-что... Об этом потом. А милиция вас не ищет. Всем извест-

но, что бывший воспитанник интерната номер семь Александр Полушкин погиб при попытке неумелого покушения на бизнесмена Лудова...

Это «неумелого» задело Шурку.

— Неправда. Я долго готовился. Случайно не попал...

— Теперь это неважно.

«Для меня — важно», — подумал Шурка. Но не было смысла спорить. Он спросил о другом, без удивления, с капелькой любопытства:

— Если я погиб, то почему здесь? Тело должны были похоронить.

Ассистент Гурского за чащей разноцветных кабелей хмыкнул. Кажется, сердито. Гурский сказал бесцветным голосом:

— Ваше тело мы раздобыли в морге. Довольно сложным путем. Вы лежали там с расколотой головой и уже без сердца...

Весь этот разговор был в тот день, когда Шурка очнулся? Или уже потом? Сейчас не вспомнить. Все — как полустертая магнитная запись... Нет, не полустертая, а перепутанная. И фразы на ленте записаны монотонно, без выражения...

— ...Вы лежали там с расколотой головой и уже без сердца.

— Почему без сердца? — Шурка не удивился даже этому. Спросил просто так.

— Сразу после катастрофы вас сделали донором. Надежды на спасение не было, и ваше сердце ушло на пересадку, другому мальчику. Он лежал при смерти, счет шел на минуты...

— Его спасли?

— Да.

В нормальном состоянии Шурка не разговаривал бы так. Было бы все, что угодно: страх, изумление, досада, негодование! И вопросы, вопросы! А сейчас он то ли был, то ли не был на свете. Остался от него словно один только голос. Без нервов, без ощущений. И этим голосом Шурка сказал со спокойным сожалением:

— Плохой выбор. Мальчик с моим сердцем долго не проживет.

— Почему же?

Без всякого драматизма, а просто как факт Шурка сообщил:

— Оно у меня измученное. Столько всего было...

Ассистент, которого звали Илья Кимович (а Гурский звал «Кимыч»), опять что-то буркнул в своем углу у аппаратов.

Гурский подумал.

— Я понимаю, Полушкин, о чем вы. Но все же оно молодое у вас, сердце-то. А воскресший организм мальчика, его душа, дадут сердечным мышцам новые силы. Главное в ощущениях и переживаниях все-таки душа. А сердце — что? Аппарат для перекачки крови. Восстановится. Кстати, у вашего организма, а значит и у бывше-

го вашего сердца, повышенная способность к регенерации... Черепная травма ваша, кстати, ликвидировалась полностью... Эту способность к восстановлению тканей мы усилили. Вернее, она усилилась сама в процессе лечения. Возможно, это пригодится вам в будущем.

— В каком будущем?

— В вашем.

— А зачем мне будущее? — Это он опять же без выражения. Равнодушный такой вопрос.

— Я понимаю вас. Но вы еще почувствуете вкус к жизни.

«Зачем?» — опять хотел спросить Шурка. И вдруг (только сейчас!) холодком прошло по телу удивление. И даже испуг.

— А как же я сейчас... без сердца?

— Искусственное, — обыденным тоном отозвался Гурский. — Аппарат такой. Да вы не бойтесь, он надежный...

Шурка наконец старательно прислушался к себе. Кровь, кажется, толкалась в жилах. Чуть заметно, однако толкалась... По коже словно искорки пробежали. Шурка хотел двинуть рукой.

— Не шевелитесь, Полушкин. Пока рано.

— А когда будет можно?.. А что, я теперь так и буду с этим аппаратом?

— Нет, будет у вас сердце. Будет, Полушкин...

— Искусственное?

— Живое.

— Тоже... чье-то?

— Нет. Не «чье-то», а только ваше... Это особый разговор. Еще не время...

— А какое сейчас... время? Какое число?

— Сейчас, Полушкин, начало марта...

Шурка вытянул губы в трубку и тихонько свистнул. И уснул...

Еще через пару дней Шурка стал замечать, что не совсем равнодушен к жизни. Кое-что доставляло удовольствие. Например, когда Гурский давал глотнуть из тюбика сладкой молочной кашицы. Или тихонько массировал Шуркины руки и ноги... Вообще нравилось, когда приходил Гурский. В его заросшем лице, в синих глазах всегда было спокойное веселье.

Илья Кимович нравился Шурке меньше. Костлявый, лысый, с клочками волос на висках, с натянутой кожей на худом лице. Не поймешь даже, старый или молодой. В глазах его всегда было недовольство (может быть, и притворное). Держался он так, словно ни в чем не разделял добрых надежд Гурского. Однако никогда не спорил открыто. Делал все, что скажет Гурский. Шурке тоже говорил «Полушкин», но обращался на «ты».

Помимо удовольствия ощущал Шурка иногда и досаду. Порой от того, что вовремя не подставили «утку». Порой от излишне яркой лампы. Но чаще всего — от мысли, что не попал в Лудова.

И Гурский это знал.

Однажды он сказал:

— Ну, а чего бы вы добились, если бы застрелили его? Была бы еще одна смерть. Добавили бы еще одну каплю к той критической массе зла, которая накопилась на Земле.

— Это не зло. Наоборот. Я хотел отомстить.

— Извечное земное заблуждение, будто мезтью можно что-то исправить. А получается все к худшему.

— Если бы вы знали папу... — сказал Шурка и вдруг заплакал. По-настоящему, горько, как в прежние времена.

Быстро подошел Кимыч. Они с Гурским переглянулись. Кимыч кивнул:

— Значит пора...

И Шурку будто выключили.

Он очнулся в обычной кровати. Под обычным одеялом. На стуле, рядом с постелью, лежал поношенный школьный костюм и клетчатая рубашка.

На другом стуле сидел Гурский. Улыбался сквозь кудрявую светлую шерсть.

— Разрешаю вам, Полушкин, подрыгать ногами и руками.

Шурка осторожно подрыгал.

— Отлично. А теперь... что бы вы хотели?

Шурка подумал и честно сказал:

— Котлету. С картофельным пюре.

Скоро он стал ходить. Но чаще лежал в кровати и читал.

Простые книжки. Сказки о Братце Кролике или о Волшебнике Изумрудного города. Спокойно так читал, со средней долей интереса. Иногда появлялась мысль: «А что же дальше?» И быстро исчезала. Может быть, Гурский отгонял ее каким-то гипнотическим средством.

Гурский приходил каждый день (впрочем, дней-то этих было четыре или пять). Иногда они говорили о пустяках. Потом поругались. Шурка спросил, не знает ли Гурский, куда после покушения девался самодельный пистолет.

— Понятия не имею! Зачем он вам?

Шурка посмотрел в упор: вы еще спрашиваете!

Гурский рассердился. При Шурке — первый раз. Синие глаза стали почти черными.

— Вы считаете, я для этого вытащил вас с того света?

— А я не просил! Я все равно от этого не откажусь!

— Вот морока-то... Ну, как мне вас убедить?

— Никак, — сказал Шурка. Потом спохватился. Тоже сердито: — А зачем вы меня оттуда вытащили? Для чего я вообще вам нужен? Для медицинских опытов?

— Нет, Полушкин...

— А для чего?!

— Ну вот, мы и подошли к главному... Полушкин, вы любите фантастику? Через нее легче

подойти к реальности. К той, о которой я скажу...

Шурка любил фантастику. Про дальние галактики, сверхсветовые скорости и всякие там параллельные миры. И то, что стал рассказывать Гурский — про Великий Кристалл, про свою планету (которую Шурка назвал Реей), про Общий Космический Разум, — почти не вызвало удивления. По крайней мере, сейчас кажется, что не вызвало.

— Честно скажу, Полушкин, эта планета, этот сверкающий мир не чета вашей Земле. Голубое солнце... Люди могут жить в воздухе и в океанских глубинах. По вашим понятиям, это — чудо... И главное, там практически нет вражды. Нет горя. А если кто-то умирает, он твердо знает, что потом возродится в другом разумном существе... Хотите туда, Полушкин?

Шурка подумал секунд пять и кивнул.

— Вас ведь никто и ничто не держит здесь?

Шурка подумал еще.

— Нет... Не держит... Только можно, я все-таки сначала застрелю того?

Гурский скривился. Но пересилил себя.

— В этом нет смысла. То, что вскоре произойдет с Землей, несравнимо с судьбой какого-то Лудова.

— А... что с ней произойдет?

— Земля... она вообще будет не та...

— Почему?

— По собственной вине, Полушкин. И по велению Общего Космического Разума. В своем развитии шарик ваш покотился не по той орбите. И докатился... черт знает до чего. Возьмите вашу историю. От пещерного века до нынешних дней она вся состоит из крови и войн. В массе людей возобладала психология полевых командиров. Так, кажется, называют сейчас тех, кто автомат предпочитает молотку и лопате...

Шурке не то чтобы стало обидно за землян. Вообще-то он был согласен с Гурским. Но ради объективности возразил:

— Было ведь и хорошее. Всякие открытия...

— Но и открытия эти вы ухитрились использовать себе во вред. Все для оружия, все для того, чтобы гробить друг друга. Разве не так?

Это было так. Шурка — он стоял перед присевшим на кровать Гурским — развел руками и беспомощно хлопнул себя по штанинам.

— Вот так-то, Полушкин, — с непривычной усталостью произнес Гурский. — Такова ситуация на данный момент. А мы, я и Кимыч, корректоры. Знаешь, что это за должность?

У Шурки щекотнуло в горле.

— Мама... была корректором. В издательстве «Артемиды».

— Мама исправляла ошибки в текстах. А мы — в развитии разных граней Кристалла. Выправляем орбиты обитаемых планет...

Шурка впервые не поверил Гурскому. Сказал сумрачно инисходительно:

— Вас же всего двое. Разве вы сможете?

— С вашей помощью.

— Разве три человека смогут сдвинуть планету с орбиты... Такой шар! — Шурка усмехнулся. Представил себе исполинский земной глобус в пространстве, полном звезд.

— Я в переносном смысле, Полушкин. Орбита — это путь развития цивилизации.

— Все равно...

— Громадный шар на ровной плоскости сдвинуть крайне тяжело, вы правы. Но представьте себе, что в силу многих ошибок шар этот покотился не туда. По наклонной плоскости вверх. Толкают, толкают, думая, что впереди будет легче. А облегчения нет никакого, только бесконечный подъем. И сил уже нет... И вот шар почти замер в состоянии трагического равновесия. Вперед его пытаются толкать обессилевшие люди, а назад тянет собственная тяжесть, силы природы... Что дальше? Теперь достаточно легкого щелчка со стороны, чтобы он покотился обратно, на исходную позицию... Наша задача — воспользоваться моментом и сделать этот щелчок.

— И шар подавит миллионы людей, да? — Шурка представил себе это очень ярко.

— Но я же в переносном смысле!

— Ну, подавит в переносном...

— А что тебе до людей, Полушкин? — это спросил неизвестно как появившийся в комнате Илья Кимович. Кимыч. — У тебя на Земле есть хоть одна родная душа?

Не было у Шурки родной души. Он молчал.

Гурский насупленно пообещал:

— Ничего с людьми не будет. По крайней мере, ничего плохого.

И Шурка не поверил ему второй раз:

— Это правда?

Кимыч сел рядом с Гурским. Костлявыми кулаками подпер худые щеки. На лысину его прыгнул из окна солнечный блик.

— Видишь ли, Полушкин, в отличие от землян мы всегда говорим правду. Таково условие. Довольно глупое, кстати. Из-за этого масса дополнительных осложнений...

Гурский посмотрел на Кимыча. Тот встал и ушел. Гурский ласково так, по-простецки позвал:

— Садись-ка рядышком, голубок.

Шурка сел. Спросил тихо:

— А что я должен делать?

— Я постараюсь объяснить попроще... О законах Великого Кристалла, о его развитии можно говорить очень долго. Ты все равно не поймешь... Признаться, и я многого не понимаю. Корректор — это ведь не Магистр Космического Разума. По земным понятиям я — Обычный Технический Работник в Командировке. С конкретным заданием.

— Или агент чужой разведки, — безжалостно вставил Шурка.

— Нет, здесь ты не прав. Земля Кристаллу не чужая, она его часть... И надо ее вылечить. Но это можно лишь ее же силами...

— Как?

— Тут, Полушкин, начинается сплетение таких обстоятельств и сил, что может показаться совсем уже фантастикой. Даже не научной. Но... во Вселенной бывает всякое... В прошлом веке один земной умелец с помощью своего таланта опередил тогдашнюю науку. Да и нынешнюю тоже. Видимо, благодаря своей невероятной интуиции. И сделал необычный, даже неземной прибор. Своего рода межпространственный балансир необычайной чуткости. Проще выражаясь, весы для измерения планетарного добра и зла... Его надо найти. Их, вернее. Весы эти. От них-то и зависит окончательная судьба Земли.

— Ну... а я-то при чем?

— Ты и должен найти.

Шурка беспомощно поднял глаза.

— А почему я? — Не хотелось ему ничего искать.

— Полушкин! Разве я в состоянии объяснить, как решалось это «почему»? Сколько неведомых вам разумов скрещивали векторы поиска, отбирали условия, выстраивали координаты и делали выводы! Прежде, чем выбрать мальчика Александра Полушкина, родившегося у данных отца и матери в данный день периода Весов. Я и не знаю, честно говоря... Нам просто назвали вас... — Гурский опять с доверительного «ты» перешел на «вы». — Такая ваша судьба.

Шурка заплакал. Второй раз после своей гибели.

— А меня спросили? Мне зачем эта сиротская судьба! Чтобы вы все там сдохли, в вашем Кристалле...

— Полушкин! Да вы что! Опомнитесь... Вы думаете, все несчастья — по нашему плану? Это дикое совпадение! И покушение на отца, и... все, что потом... Зачем нам ваше горе? Наоборот! Столько возни было с вашим воскрешением...

Шурка недоверчиво глянул мокрыми глазами.

Гурский улыбнулся нерешительно, виновато так.

— Тут, пожалуй, только один элемент удачи. Да... Дополнительный фактор успеха. С новым сердцем вам будет лучше...

Шурка приложил руку к груди. Прислушался.

— Я не понимаю. Оно совсем не бьется, а иногда только будто плещется...

— Оно не такое, как раньше. Оно — генератор энергии и даже не соединяется с кровеносными сосудами. Просто силой энергополя гонит кровь по замкнутому кругу.

— А говорили, что будет живое, не искусственное...

— Оно и есть живое. Но не такое, как у землян. Такое, как у нас.

— А... зачем?

— Ну, дорогой мой, земного было не найти. Да и к чему оно? Это не хуже... И с земным ты просто не выживешь, когда попадешь туда, к нам.

— А если я...

— Что?

— Ну... если я все-таки передумаю? Если захочу остаться здесь? — Шурка сам не знал, зачем говорит это. Он ведь не хотел остаться. И все-таки... — С этим, с вашим, я смогу жить здесь?

Гурский, кажется, не удивился.

— Сможешь... А сможешь сделать и так: вынешь его из груди, и тут же, немедленно, вырастет у тебя земное сердце. Ведь способность к регенерации у тебя ого-го какая! Поверь, я не шучу... Но можно это будет лишь тогда, когда отыщешь те весы. Балансир.

— Но он точно никому не повредит? — все-таки еще раз спросил Шурка.

Гурский потрогал его сильно отросшие волосы.

— Я тебе обещаю: в любом случае ничего не случится без твоего согласия. По крайней мере, из-за нас. Мы же не враги.

...Потом был запах мартовского снега. Аэропорт. Долгий полет над облаками. Незнакомый город, незнакомый старый дом, незнакомая баба Дуса.

Она без церемоний расцеловала мальчишку.

— Ну вот, хоть будет с кем на старости лет порадоваться белому свету.

Шурку сопровождал неразговорчивый Кимыч. Бабе Дусе он сухо сообщил:

— Думаю, с таким внуком вам обеспечено долголетие, сударыня... Деньги и документы придут по почте. Всего хорошего. Полушкин, связь — как договорились... — И ушел.

И Шурка стал жить здесь. Спокойно. С нарастающим интересом к тому, что вокруг. Правда, совсем уже другой Шурка, внук бабы Дуси.

Гурский вызывал всего два раза. Просто так, обменяться парой слов. Ни о чем не спрашивал, ничего не поручал...

Прошлое возникало в памяти не часто. Лишь сегодня, на дворе у Платона, вдруг рванулось горькими слезами. Но, наверно, это последний раз.

А голубая планета Рея опять засверкала перед Шуркой алмазными гранями. Как вспыхивающий в космической дали бриллиант!

Да, она все-таки есть.

Но и она была не самой главной радостью. Посверкала и... словно ушла за горизонт. За пустынные Бугры, густо поросшие иван-чаем...

III. СТАЛЬНАЯ ИГЛА

1. Бугры

Все шестеро собирались вместе почти каждый день. Чаще всего на дворе у Платона, под навесом. Здесь было что-то вроде штаба.

Шурка натянул между столбами веревку, под-

весил на ней несколько звонких железок и дюжину бутылок. В бутылки налил воды: где на доньшко, где на треть, где до половины — для разницы звучания. В общем, подобрался нотный ряд. Заглавной в этом ряду — нотой «до» первого регистра — была круглая бутылка из-под ликера «Глобус».

На таком вот «ксилофоне» Шурка сыграл сперва «Танец маленьких лебедей», потом «О, мое солнце». Вспомнил прежнее умение. Ник принес губную гармошку и ловко подыграл Шурке. С крыльца услышала самодельную музыку Вера Викентьевна. Пришла под навес со старенькой мандолиной. И получилось трио! Быстро подобрали несколько мелодий — от «Турецкого марша» Моцарта до «Веселого ветра» из фильма «Дети капитана Гранта»...

И потом долго радовались, вспоминая неожиданный концерт.

Впрочем, радовались не только музыке, а вообще — солнцу, лету. Друг другу.

Они были теперь, словно молекула из шести атомов. Между атомами всегда прочная связь, и каждый нужен друг другу.

То, что между Шуркой и Женькой есть еще и дополнительная ниточка, принималось с молчаливым пониманием...

Хорошо им было вместе, наверно, еще и потому, что у каждого «атома» по отдельности — вне «молекулы» — в жизни было далеко не все благополучно.

У Женьки, например, после нескольких месяцев замужества вернулась домой старшая сестра — с «большим животом» и горьким убеждением, что «все на свете мужчины — подлецы и чудовища».

У Ника страдал от неприятностей отец — его «подставили» на работе, сунув на подпись какие-то поддельные накладные. До суда не дошло, но к следователям отца потаскали, а теперь он искал новую должность.

У Тины — свои заботы: дома неподвижно лежала после инсульта бабушка.

У Кустика появился недавно молодой красивый отчим, и матери нынче было явно не до сына. «Зато говорят, что в августе возьмут меня на Балтийское взморье... А мне вовсе не хочется! Хорошо, что август не скоро...»

Только у Платона семейная жизнь была, кажется, без осложнений. Может быть, потому, что родители на машине укатили к родственникам в Ярославль. Платон остался с Верой Викентьевной, с которой жил душа в душу.

— А почему тебя не взяли в Ярославль? — однажды спросил осторожно Шурка.

— Что значит — не взяли? Сам уперся: не поеду и все. В Ярославле я раз десять бывал. На Буграх летом в тыщу раз интересней.

Постороннему это могло показаться диким. Что интересного на обширных пустырях с поросшими

сорняком горками и строительным мусором! Ну, можно, конечно, побегать, в пряталки поиграть, в индейцев, раскопать в мусоре что-нибудь неожиданное. Но все же это не парк с аттракционами и компьютерными играми, не пляж у моря, не дальняя страна, куда рвутся сердцами и душами любители путешествий...

Однако это была именно страна.

Только знали о ней немногие...

Как-то раз играли в пряталки. Разбежались кто куда, притаились в репейной чаще, в ямах, укрытых непролазным белоцветом, и внутри пустотелых бетонных конструкций...

Шурка лежал у ржавой железной бочки. Он не очень-то старался прятаться. Потому что искала всех Женька.

Настоящая на июльском зное тишина беззвучно звенела над макушками иван-чая. Ни звука не проникало сквозь нее: ни голоса, ни трамвайные звонки, ни воробьиное чвирканье. Лишь время от времени внутри этой тишины рождалось особенное, здешнее эхо. То просятся стеклянная мелодия, которую Шурка утром наигрывал под навесом; то прошелестит шепот Кустика: «Тише, я слушаю космическое шевеление звуков...»; то отголосок Женькиного смеха: «Ой, Шурка, ты опять косматый, как домовенок! Тина, неси ножницы...» Попробуй разберись: или это отзвуки в памяти, или правда волшебное свойство Бугров — тихим эхом отзываться на то, что сказано не сию минуту, а давно...

Шурке кажется, что Женькин голос и смех повторяются здесь особенно часто.

А вот и она сама — раздвигая белоцвет, выбралась к бочке. С другой, не с Шуркиной стороны. Косы, чтобы не болтались, заправлены в широкий ворот под оранжевую майку. Они такие длинные, что пушистые концы торчат из-под подола. Тесные черные брючки смешно скособочились, рыжие гольфы съехали на сандалии. Часто дыша, Женька повертела головой. Облизила пухлые губы. В серых глазах — и веселье, и растерянность: здесь опять никого!

Шурка шевельнул ногой. Женька подскочила.

— Ага, Шурище! Вот ты! — И прыжок в сторону! Чтобы мчаться к лужайке, где на дырявом перевернутом ведре лежит палочка-выручалочка. Но... замерла на миг. Оглянулась даже, словно поджидая Шурку. И они помчались рядом! Прыгая через камни и колдобины, с маху пробивая телами стебли и ветки. Шипы и колючки дергали Женькину майку, чиркали по скользкому полотну Шуркиной «анголки».

Они вместе выскочили к финишу. Но Шурка запнулся и носом пролетел мимо ведра, проехался пузом по клеверу. Женька забарабанила палочкой по железу. Сперва часто, потом реже, реже...

Шурка сел в траве. Прижал к коленке ладонь, привычно заращивая десятую за день ссадину. Машинально тронул на шортах просторный карман: здесь ли отвертка? Отдул с лица упавшие вперед волосы. Прищурил правый глаз, а левым весело глянул на Женьку.

Она смотрела со смешливой виноватинкой.

— Ты поддался...

— Ага! — сказал счастливый Шурка.

— Так ведь нечестно...

— Ну и пусть!

— Шурище косматое... Что ребята скажут!

— Никто же не видел! — радовался Шурка.

Вроде и подзуживал Женьку, а внутри таял.

— Кустик видел, — Женька оглянулась.

Кустик «выручил» себя раньше всех и лежал теперь на широком плоском валуне, у другого края лужайки. В безопасном отдалении от щекочущих травяных колосков и соцветий. Распахнул рубашку и подставил солнцу впалый бледный живот и ребристую, как мелкий шифер, грудь.

— Ничего я не видел, — великодушно сообщил он. — Мне не до вас. Я впитываю космическую информацию.

— Вот, человек впитывает, не мешай ему, — сказал Шурка.

— Впитывайте вместе. Я пошла искать остальных...

Но едва Женька сделала несколько шагов, как из рощицы иван-чая выскочили Ник и Тина. Вдвоем ухватились за палочку:

— Та-та-та! Прозвала, Женечка!

— Все равно она меня застучала, — сообщил Шурка. — В следующий раз искать буду я. Вот увидите, я вас быстренько...

— Надо еще Платона найти, — вздохнула Женька. — Он такой, всегда как сквозь землю...

И правда, она долго бродила по окрестным травяным джунглям. Потом вернулась — усталая, надутая и поцарапанная.

— Ну его... Тошка, выходи!.. Ну, выходи, я сдаюсь! Давайте вместе покричим, а то из меня уже душа вон...

Покричали вместе (кроме Кустика, который все еще что-то впитывал):

— Пла-тон, вы-хо-ди! Пла-тон, ты по-бе-дил!..

— Забрался, небось, туда, где ничего не слышать, — уже с тревогой сказала Женька.

Платон появился из-за камня, где лежал Кустик.

— Тошка, ты бессовестный! Где тебя носило? — Женька всерьез надула губы.

— Ух, где меня носило! Пошли, увидите, что я нашел...

Он двинулся первый. А позади всех — Кустик, торопливо застегивающий ворот и обшлага.

Они перевалили бугор, заросший могучей травой с зубчатыми листьями и с цветами, похожими на «львиный зев», только очень крупными и не

желтыми, а розовыми. Никто не знал их названия. Пролезли через утонувшие в бурьяне развалины старого склада.

В нем ржавели остовы допотопных станков. Пробрались вдоль кирпичной стены недостроенного цеха — здесь опять цвел густой двухметровый иван-чай...

Платон раздвинул репейную чащу и нырнул в квадратный лаз.

Это был тесный туннель, образованный Пообразными, засыпанными сверху блоками из бетона. Ход ломанно вихлял в темноте. Платон включил фонарик.

— Тошка, я боюсь, — кокетливо сказала Тина. — Вот как вылезем куда-нибудь не туда...

— Уже вылезли! — После крутого поворота навстречу мягко ударил зеленый от листьев свет. Следом за Платоном все с шумом выбрались из-под земли.

Кругом были пологие склоны, а на них все те же травяные джунгли пустырей. И строительный мусор. Торчала над макушками иван-чая разбитая каменная будка. А рядом с ней валялся вверх колесами свалившийся с невысокой насыпи паровозик. Старинный, наверно, «овечка». Он был маленький, будто с детской железной дороги. Видимо, в давние времена возил он здесь заводские грузы, а потом оказался заброшенным. Дожди подмыли насыпь, дорожное полотно дало крен, и маленький паровой трудяга кувыркнулся с рельсов.

Рельсы теперь совсем заросли. Сам паровозик тоже был окружен травяной чащей. Качались вокруг него розовые «свечки», белые «зонтики» и охапки желтого мелкоцветья. Летали бабочки и редкие пушинки...

— Ух ты, какой малыш, — ласково сказал Ник.

— А мы-то и не знали, что здесь есть такой! — удивился Кустик.

— Мы тут многого еще не знаем, — многозначительно сообщил Платон.

Хотя паровозик и был заброшен, вид его не вызывал печали. Наоборот. Эта рыжая от ржавчины «овечка» была похожа на веселого щенка, который набегался, наигрался и дурашливо завалялся в траву кверху лапами. Ждет, когда к нему подойдет, почешут пузо и погладят.

Да, видимо, всем это показалось одинаково. И никто не удивился, когда Ник проговорил голосом Гриши Сапожкина:

— С-кажите, пожалуйста, вы не видели рыжего щенка с черным пятном на ухе?..

«Уже месяц прошел, а мы почему-то никак не забудем этого пацаненка», — подумал Шурка. И... почти сразу забыл. Потому что Бугры заворожили своей пустынностью, запахом трав, простором и тишиной.

Шурка уже знал, как они появились, эти громадные бугристые пространства.

Много лет назад на заводе «Красный трансформатор» началось большое строительство: ставили новые цеха, громоздили между ними эстакады, прокладывали рельсы. А землю из котлованов, поломанные железные конструкции, треснувший строительный бетон везли на болотное болото, что лежало между заводом и Саженковской слободой. Земли и всяких отходов набрались целые горы. Ни разравнивать, ни вывозить их у строителей не было сил и желания. Главной задачей-то было что? Давай-давай план!

Давай-давай отчеты о пуске новых прокатных станов! А порядок наведем когда-нибудь после...

Но после наступили такие времена, что порядок стало еще меньше. Некоторые цеха так и не пустили. Их площадки тоже заросли иван-чаем и осотом, слились с холмистыми пустырями, которые получили почти официальное название — Бугры...

Надо сказать, что про Бугры ходили всякие слухи. Мол, и нечисто там, и лихие люди водятся и даже нелюди. Можно пойти и не вернуться — заплутать. Доля правды здесь была. Заросшие насыпи, груды балок и панелей, брошенные механизмы, кучи битых кирпичей и гнилые заборы образовывали местами настоящие лабиринты. А в глинистой толще хватало всяких пустот, похожих на бункеры и туннели. Дело в том, что экскаваторы заваливали землей и мусором кинутые как попало широченные трубы и пустотелые строительные конструкции... Все это со временем осело, заросло и сделалось похожим на остатки старинного города.

Слухи, впрочем, были преувеличены. Никаких страшных случаев на Буграх милиция не регистрировала. Так, небольшие пьянки да стычки хулиганов. И то не часто. Никто там не исчезал бесследно, если не считать старой козы, принадлежавшей жительнице Ковровского переулка Анне Гавриловне Кудеминой. Да и то не известно точно: сгнула коза на Буграх или украли ее от дома...

Тем не менее были у Бугров необычные, просто необъяснимые свойства. Стоило углубиться в заросли, как становился не слышен всякий городской шум. Начинало казаться, что ты в безлюдной прерии или на необитаемой планете. Компании ребят, которые играли здесь, почти никогда не встречались друг с другом.

Зато во время игр часто открывались новые места. Вот как сегодня, например, ложбина с паровозиком...

А на прошлой неделе Кустик торжественно вывел всех на лужайку, где стоял под солнцем игрушечный город. Пестрели купола из раскрашенной яичной скорлупы, блестели улицы, вымощенные жестяными бутылочными пробками. Главная площадь была выложена кусочками разноцветного фаянса. Они составили картину с часами, облаками и звездами...

— Ой, кто это построил? Чудо какое! — завосхищались Тина и Женька. — Может, здешние гномы?

— Нет. Митя Конов и Андриюшка Горелов, — шепотом сказал Кустик. — Давайте посмотрим и пойдем. Не надо им мешать. И ничего не трогайте.

Никто и не думал мешать или трогать. Шурка только спросил:

— А если сильный дождь? Или даже град? Все ведь побьет и размочит.

— В этом месте дождя и града не бывает, — уверенно объяснил Кустик. — Потому его и выбрали.

Шурка не решился усомниться вслух. О странностях Бугров он был уже наслышан...

Потом они еще не раз приходили к лужайке с маленьким городом. Строителей — Митю и Андриюшку — не встретили ни разу. Но обязательно оставляли для них осколки фаянсовой посуды.

— А все-таки удивительно, что никто нам тут не встречается, — шепотом сказал однажды Шурка Женьке. — Прямо заколдованность какая-то.

— Ну конечно, заколдованность, — отозвалась она.

— Дело в том, что мы знаем проходы, — объяснил Кустик. — Если идти прямо с улицы, ты тут и пьяниц можешь увидеть, и бабок с козами, и шпану всякую. И не будет никакой тишины. Но мы-то ведь идем всегда через наш проход.

И в самом деле, компания проникла на пустыри особым путем. Недалеко от речки Саженки была насыпь, ведущая к мосту. Склоны ее заросли ольховником. Там, в кустах, пряталась идущая под насыпью труба. Диаметр чуть меньше метра. По ней, пыльной и гулкой, нужно было пробираться на четвереньках. Но зато, как проберешься, сразу попадаешь в сказочную завороченность и зеленую тишину...

Платон был самый трезвомыслящий из всех.

— Тут дело, наверно, не в волшебстве, а в нашем собственном настроении, — говорил он. — Что хотим, то и видим. Это называется самовнушение.

С ним больше других спорил Ник. Вообще-то он был ничуть не скандальный, но здесь расплялся:

— Разве так бывает?! Вот ты сидишь в кино и смотришь дурацкую картину «Красная маска», а хочется тебе увидеть что-нибудь хорошее, например, «Остров сокровищ», — ну и что? Можешь ты его увидеть, если у тебя самовнушение?

— Тут другое дело... — неуверенно защищался Платон.

— Вот про это и говорят, что другое! — припирал его к стенке Ник. — На Буграх другие условия!

— Ну ладно, ладно. Пусть другие... если тебе так хочется.

— При чем тут «тебе хочется»? Это все знают! А скажи, почему не видно самолетов, когда летят над Буграми?

— Атмосферное явление...

Вмешивалась Тина. Она всегда защищала Ника.

— А сизые призраки? Тоже атмосферное явление?

— Да кто их видел-то, этих призраков? — возмущался Платон.

Шурке было, конечно, интересно: что за призраки?

— Да чушь! — отмахнулся Платон. — Когда расширяли заводскую территорию, завалили землей старое кладбище. Склепы засыпали и даже часовню. Ну вот, от бабок и пошли слухи, что мертвецы вылазят и бродят...

— И говорят, что под землей можно пробраться к этим склепам, — шепнула Шурке Женька. Кустик услышал. И обрадовался:

— Вот там-то тебя эти призраки хватят за косы!

— А вы туда не добирались? — вроде бы без особого интереса спросил Шурка. Кустик помотал кудлатой головой.

— Не-а, до кладбища далеко. А вообще-то и тут хватает всяких подземных пустот. Есть старинные, со стенами из толстого кирпича. С замурованными дверями...

— А восьмиугольных дверей там нет? — Это у Шурки само собой выскочило. У него посмотрели с интересом.

— А зачем тебе восьмиугольные двери? — спросила Тина. Шурке показалось, что хитривато, со значением.

— Ну... так. — Шурка сделал равнодушное лицо. — В какой-то книжке читал, в фантастической, что у таких дверей особые свойства. Можно через них куда-нибудь попасть. В антимир...

— Нет такой фантастической книжки, — ревниво сказал Кустик. Он считал себя знатоком фантастики.

— Будто ты все на свете знаешь!.. Я давно читал, не помню названия.

Остальные слушали молча. Может быть, ничего такого не было в их молчании. Но Шурке почудилось легкое отчуждение: «Почему ты от нас что-то скрываешь?»

Чтобы выкрутиться, Шурка бодро «вспомнил»:

— Ой, Куст! Я же у бабы Дуси заклинание узнал! Наговор такой от щекотки! Она говорит, что надежность железная. Хочешь?

— Еще бы!

— Надо, когда ты будешь один, три раза повернуться на левой пятке вокруг себя и сказать:

Ух-ух, пух-пух,

Улетай нечистый дух.

Не боюсь я щекотки

Ни одной руки, ни двух.

А потом целый час ни с кем не разговаривать. И после этого пускай тебя щекочет хоть целая стая бандерлогов...

— Предрассудки, — сказал Платон.

Кустик хихикнул. Кажется, он поверил.

— Не надо, Кустичек, — жалобно попросила Тина. — Как же мы тогда будем тебя воспитывать? Ты же станешь совсем нестерпимый, Кустик показал ей язык.

Паровозу дали щенячье имя Кузя. И решили навещать его каждый день. Очень уж славное оказалось тут место.

Недалеко от Кузи, под свалкой треснувших и заросших татарником бетонных плит обнажился лаз под землю. Решили его исследовать. Взяли фонарики. Сперва ползли на четвереньках, потом стало просторнее. Пошли пригнувшись. Лучи метались по кирпичной кладке. Девчонки повизгивали: что-то сыпалось за шиворот.

Но никаких открытий не случилось. Подземный коридор уперся в глухо замурованную арку.

— Не пробиться, — вздохнул Шурка.

А Кустик — он тут как тут. Зашептал громко и весело:

— Да и незачем! Эта дверь, она ведь не восьмиугольная...

Почему-то все неловко промолчали. (А Женька — с сочувствием.) Потом Женька слегка хлопнула Кустика по кудлатому затылку.

— Давно тебя не воспитывали...

Шурке стало не по себе. Отвертка отяжелела в кармане.

Кустик отскочил от Женьки.

— А вот фиг тебе! Я Шуркиным заклинанием себя защищу! До сих пор я не мог на ногу крутнуться, левая пятка болела, в ней заноза. А теперь уже не болит...

На следующее утро Кустик появился перед друзьями совершенно непривычный и разноцветный. Не в обычном своем «скафандре», а в «мультишном» трикотажном костюмчике — вроде того, который баба Дуся предлагала Шурке в начале июня. Штаны и майка были голубых тонов, с картинками из подводной жизни: осьминоги, крабы, пестрые рыбы, водоросли, а на спине — русалка с улыбочивым и хитрым лицом.

Висел этот костюм на Кустике, как поникий в безветрие флаг на палке. И казался Кустик еще более тощим и длинноногим. Но все же обновку дружно одобрили.

— Ну, прямо аквариум! — добросовестно восхитилась Женька.

— В нем, небось, прохладно, как внутри морской глубины, — позавидовал Ник.

А Платон усомнился:

— Трудно поверить, что ты теперь совершенно щекоткоустойчивый.

— Ха! Смотрите! — Кустик безбоязненно скакнул в белоцвет, попрыгал среди пушистых головок, махая незагорелыми руками-ногами. Потом подскочил к Женьке и Тине, задрал майку. — Пожалуйста! Щекотите, пока пальцы не отвалятся!

Тина загрустила:
— Теперь не будет спасенья от твоих дразнилок... Давай сочини.

Кустик постоял, прислушиваясь к себе. Вздыхнул:

— Почему-то не хочется... Лучше пошли купаться!

— Пошли! На Саженку, к плотине! — обрадовался Шурка. И взглянул на Женьку: «Согласна?» Та глазами сказала, что согласна.

— Лучше на Черный пруд, — решил Платон. — Шурка еще не был на Черном пруду. Вот и посмотрит...

Шурка опять глянул на Женьку. Она улыбнулась глазами. Шагнула ближе, незаметно взяла его за пальцы. И конечно, Шурка сделался готовым идти хоть куда. Хоть на Черный пруд, хоть на Черное море за две тыщи километров...

Не надо думать, что они так и шли, взявшись за руки. Перед насыпью, где труба-проход, обменялись взглядами, улыбнулись и расцепили пальцы. И по Буграм шагали уже каждый сам по себе, прыгая через колючки, перекликаясь в бурьянных чащах. То разбежались, то сходились вновь.

Платон объяснял Шурке:

— Помнишь кино про мушкетеров? Там Атос поет: «Есть в старом парке черный пруд, в нем лилии цветут»... Ну вот, там, куда идем, такой же пруд, таинственный. Правда, от парка только несколько берез осталось...

Шли долго. Давно миновали ложбину с Кузей. Шурке до сих пор казалось удивительным: как между заводом и окрестными переулками могли поместиться такие бескрайние холмистые пространства. Когда путешественники всходили на очередной бугор, город с него виделся лежащим в далекой дымке...

Бесшумно махали крыльями желтые бабочки. Тихо летел пух семян — уже не тополиный, а от белоцветы и всяких других пустырных трав. Кустик теперь не отмахивался и не отдувал пушинки. Смеялся и подставлял лицо.

Он оказался рядом с Шуркой.

— Твоя баба Дуся настоящая волшебница!

Шурка обрадованно кивнул. По правде говоря, он вовсе не надеялся на такой результат. Несколько дней назад, когда баба Дуся заговаривала соседке больной зуб, Шурка шутя спросил: не знает ли она заклинания от щекотки. Оказалось, что знает. И надо же, в самом деле помогло!

Вон как резвится освобожденный от врожденной боязни Кустик!

Он пошел с Шуркой плечом к плечу и вдруг с веселым возбуждением зашептал. Прямо в ухо:

— Знаешь что! Я тебе за это открою тайну! Про восьмиугольную дверь.

Ключик холодок прошел Шурку от затылка до пяток. Он даже споткнулся. Но сказал небрежно:

— Я уж и забыл про нее...

— Да? А я думал, для тебя это важно.

— Ну... а что за дверь-то? — не удержался Шурка.

— Точнее, это проход. Я его увидел случайно. Однажды я решил проехать по трамвайному кольцу под мостом: интересно же! Спрятался под скамейкой в заднем вагоне. А когда въехали под мост, посмотрел в окно. Ну, ничего особенного, каменные стены да лампочка. Но в одной стене — черный вход. Правда, не дверь, а как бы начало туннеля. Но именно восьмиугольной формы! Понимаешь, такой прямоугольник, но углы у него срезаны. И получается фигура с восемью углами...

Привычный к роли рассказчика, Кустик говорил, будто по готовому тексту. И Шурка отчетливо представил начало темного восьмиугольного туннеля. И опять — нервный озноб...

Шурка дернул лопатками. Сказал со старательной небрежностью:

— Интересно. Может, слазим когда-нибудь, поглядим... Слушай, Кустик, а продолжение про стеклянную планету у тебя придумалось? То есть нащептали его космические голоса?

— Да!.. Там такое получилось! От частых раскопок произошло изменение рельефа! И рядом с городом Пампоподо образовался новый морской залив. И в нем завелись всякие разумные морские жители...

— Вот такие? — Шурка хлопнул Кустика между лопаток, где шевелила хвостом русалка.

— Всякие! И у них... знаешь что? Была совсем другая биологическая структура! Внутренности совсем не человеческие!

— А... какие? — Это Шурка шепотом. Стараясь унять новый испуг.

— Ну, внутри хороших людей жили... золотые рыбки. А внутри плохих — всякие каракатицы и спруты... Шурка, а зачем ты всегда носишь с собой отвертку?

— Что?.. А, ну это так... талисман, — сказал Шурка слабым голосом. К счастью, тут за буграми показались высокие березы.

— Ура! Пришли! — Кустик взялся за суставчатыми конечностями и помчался вперед.

2. Есть в старом парке черный пруд...

Когда-то здесь в самом деле был приусадебный парк. Об этом говорили развалины гранитной беседки. Но от деревьев осталось лишь пять-шесть вековых берез. Полувысохшие, с редкой листвой, они торчали в отдалении друг от друга.

Пруд — небольшой и круглый, как тарелка, — лежал в низких, поросших рогозом и осокой берегах. Вода была, как черное стекло. Кое-где лежали на ней крупные листья и белели цветы. Видимо, и правда лилии.

— Их рвать нельзя. Они — редкость, — прошептала Тина.

Никто и не собирался рвать. Стояли, слушали тишину. В тишине журчала у скрытой в кустах плотины вода. Журчал и вытекающий из пруда ручей, тоже скрытый в низких зарослях. Над осокой чуть слышно потрескивала крыльями синяя стрекоза. Густое солнечное тепло пластами лежало над прудом и травами. Медленно садились на воду семена-пушинки.

Кустик шепотом сказал:

— Здесь, говорят, во-от такие, величиной с блюдо караси водятся. Золотистые.

— Кто говорит? — строго спросил Платон.

Кустик слегка удивился:

— Не знаю... По-моему, ты рассказывал.

Платон покачал головой.

— Эхо на Буграх нашептало, — тихонько сказал Ник.

Шурке вдруг стало не по себе. Словно что-то должно случиться. Что? Он спросил с нарочитой бодростью:

— А купаться-то здесь можно?

На Шурку разом посмотрели. Платон кивнул.

— Можно. Вон там.

Неподалеку из рогоза подымались кирпичные остатки арочного моста. На берегу они полого уходили в траву, а над водой нависали крутым козырьком. У воды, рядом с кирпичной аркой, рогоз расступился, там была чистая песчаная проплешина. Размером с теннисный стол. Без единого следа на твердом песке. Все торопливо поскидывали одежду.

— Далеко не плавать, держитесь вместе, — велел Платон. — Здесь омуты... и вообще всякое...

— Сизые призраки, — хихикнул Кустик, нетерпеливо дергая колючими локтями.

— Чего смешного... — сказала Тина.

— Вспомнила про «плотину» и «водяного», — шепнул Кустик Шурке. — Платон! Ну, можно уже? — Пошли...

Шурка думал, что вода будет очень холодная, но она оказалась обыкновенная. И с болотистым привкусом. Но все равно было здорово! Барахтались, пока не покрылись пупырышками. Выбрались на горячий песок. Потом вернулись в воду и за руки, за ноги вытащили Кустика. Он вырывался и норовил опять плюхнуться животом на мелком месте.

— Я ловлю золотых карасей!

— А леща не хочешь? — Платон сделал вид, что собирается вляпать ему по шее.

— Везде сплошное угнетение! — Кустик с оскорбленным видом упал на песок. — Ну и ладно! Не будет вам никакой ухи...

— Мы с твоего костюма рыб натрясем, — пообещала Тина.

Девочки сели поодаль. Тина помогала Женьке расплести мокрые косы.

Солнечный жар нагонял дрему. Шурка, лежа на спине, прикрыл глаза. Сквозь тонкие веки солнце пробивало алый свет...

— ...А пойдёмте посмотрим пустырных кроликов! — Это был тонкий нетерпеливый голос Кустика.

Шурка приподнялся, глянул. Кустик уже не лежал, а пританцовывал. На песке от него остался след, похожий на отпечаток скелета.

— А правда! — Ник тоже вскочил. — Пошли! Тут их много. У них сейчас крольчата!

— Что за кролики? — спросил Шурка.

— Одичавшие, — объяснил Платон. — Когда-то их предки убежали от хозяев и здесь расплодились. Как в Австралии. Но почему-то лишь на этом участке, у пруда...

— Они такие миленькие! — обрадованно засуетилась Тина. — И ничуть не боятся людей! Сами в руки просятся! Идем скорее...

— Я не пойду, — сказала Женька. И глянула на Шурку. — У меня нога повредилась, под коленкой какая-то жилка... екает. Лучше посижу...

— А у меня пятка натерлась. Тоже болит, — сообщил Шурка.

Нахальное вранье простили ему и Женьке без насмешек, с пониманием.

— Ладно. Только не купайтесь без нас, — предупредил Платон.

И четверо вереницей ушли в заросли осота и болиголова.

Если бы не раскиданная по песку одежда, могло показаться, что никогда тут никого не было — кроме Шурки и Женьки.

Женька сидела от Шурки метрах в трех. Похожая на русалочку из датского города Копенгагена. Глаза были теперь не серые, а золотистые от солнца. Она встретилась с Шуркой взглядом, опустила ресницы и стала рисовать на песке восьмерки.

— Правда болит нога? — почему-то с большой неловкостью спросил Шурка.

— Да... Ой нет, неправда... Чуть-чуть.

Шурка глубоко вздохнул и... подсел ближе.

— Я про пятку тоже наврал. Просто не хотелось идти.

— И мне не хотелось. Волосы еще мокрые, к ним всякий мусор липнет... Шурчик...

— Что? — выдохнул он.

Тогда она встряхнулась и попросила почти весело, словно о самом-самом пустяке:

— Помоги волосы расчесать, а? А то сама я замучаюсь...

— Да... давай, — с замиранием сказал Шурка. И заметалось, заплескалось в груди стыдливое счастье. — Только... я ведь не умею.

— Да это просто. На, — Женька протянула желтый пластмассовый гребень. — Ты только не от корней начинай, а с кончиков... Садись рядом, вот здесь...

Шурка неловко придвинулся, загребая песок тощим задом, сел у Женькиной спины, неловко вытянул ноги. Зажмурился на миг, вздохнул опять и взял на ладонь прохладные, тяжелые от влаги

пряди. Мокрые концы волос упали ему на колени. Шурка вздрогнул.

— Ты начинай с кончиков, — опять попросила Женька.

— Ага... сейчас... — Пластмассовые зубья плавно заскользили среди ржаных нитей. Раз, другой... Теперь надо взять повыше. Еще...

— У тебя хорошо получается. Лучше, чем у Тины, — шепнула Женька.

— Ага... — Он тихонько засмеялся. Боязливо-го дрожания уже не было. Только ощущение радости и прохлады. Конечно, Шурка стеснялся и сейчас, но не так сильно. Расчесанные Женькины волосы он легко отбрасывал, и они касались щек, влажно скользили по плечам, прогоняя сухую жару.

— Женька... Они у тебя пахнут, как у русалки.

— Ой, откуда ты знаешь? Ты что, встречался с русалками?

— Да, — соврал он. — Один раз.

— Где?

— Во сне... А ты думала, я про ту, что у Кустика на спине?

Женька засмеялась вслед за Шуркой, мотнула головой.

— Не дергайся! А то песок в волосы наберешь... — И уже без всякого страха Шурка кинул расчесанные пряди себе на плечо.

А через минуту он сказал с сожалением:

— Ну вот, все...

— Спасибо. Теперь они быстро высохнут, и я заплету.

— Тут я помочь не могу. Не научился... — Он хотел набраться храбрости и спросить: «Может, научишь?» Но вдруг его словно толкнуло мягкой ладонью — неожиданная память, Шурка лег на живот, вытянулся, подпер щеки, сбоку быстро поглядел на Женьку. И уткнулся взглядом в песок.

— У мамы... были косы. Тоже большие, только темные. Но я еще маленький был тогда, плохо помню...

Песок искрился, искры стали расплываться в глазах. Шурка медленно вздохнул и решил, выговорил:

— А сестренки никогда не было. Ни большой, ни маленькой...

Женька положила ему на спину прохладную от сырых волос ладонь.

Так прошло какое-то время. Наверно, немалое. Женька тихо ойкнула. Убрала руку.

— Что? — вздрогнул Шурка.

— Стрекоза.

— Ты их боишься?

— Нет... Но она прямо на голову села.

— Теперь уже нету...

— Улетела. Тоже испугалась.

Женька смотрела без улыбки. И Шурка по-прежнему чувствовал спиной ее ладонь. И от сладкой печали все так же щипало в глазах. Он моргнул, встал и пошел к развалинам мостика.

— Шур, ты куда?

Он сказал хрипловато:

— Погляжу в воду. Может, Кустик правду говорил насчет карасей...

Шурка боялся, что она пойдет следом и увидит его мокрые глаза. Но Женька осталась на месте.

Шурка лег на щербатые теплые кирпичи. Опустил голову. Толща воды была темной, но совершенно прозрачной. На трехметровой глубине отчетливо виднелось дно: сплетение умерших водорослей, ил, кирпичные обломки.

Карасей, конечно, не было, но серебристыми стрелками металась туда-сюда подростшие мальки.

Шурка пригляделся. Полузатянутые илом кирпичи были очень большие. Наверняка из прошлого века. На одном он даже разглядел оттиснутые буквы: К.Л. Наверно, фабричное клеймо...

Теперь Шурка видел, что кирпичи под водой лежат плотно друг к другу. Они составляли слегка наклонную плоскость, почти целиком занесенную илом. Сквозь ил выступал карниз. И Шурка наконец понял, почему не может оторвать глаз. Карниз образовывал восьмиугольник.

Ну, или, по крайней мере, часть восьмиугольника. Она выступала из-под ила.

Может быть, это рамка люка? Может быть, как раз тут и есть нужная Гурскому дверца?

И Шурка вдруг почувствовал, как ему хочется поскорее развязаться с этим! И стать как все...

Он вскочил, вернулся на песок, суетливо вытащил из одежды отвертку. Сдернул с нее резиновый трубчатый наконечник (Шурка надевал его, чтобы не напороться случайно, когда отвертка в кармане).

— Жень, я сейчас...

— Ты куда?.. Шурка, не надо! Одному опасно! Платон же говорил...

— Да я только здесь, у мостика! На минутку! — Он сунул отвертку за пояс на плавках и — к воде!

На этот раз вода оказалась холоднее. Неласково сжала Шурку. Но видно было хорошо, хотя кирпичи и казались размытыми. Шурка начал разгребать ил. Скорее, скорее, пока нехватка воздуха не сдавила грудь... Ил облачком повис в прозрачной плотности. Еще... Вот досада...

Не было восьмиугольника. Отчищенные кирпичи представляли собой как бы граненую букву С. Просто остатки орнамента. И никакого намека на люк...

А грудь уже стискивало безжалостно. И холод — все сильнее. Он выгнал из Шурки остатки июльского жара, сотней иголок вошел в тело. Просто зимний холод. Как там, на перекрестке, когда Шурка ждал «мерседес» Лудова... Машина и сейчас возникла из тьмы! С горящими фарами! В упор!..

Нет!

Шурка рванулся вверх. Сквозь зеленую толщу увидел желтое расплывчатое солнце. И край мостика, и Женькину голову. И руки, которые Женька тянула к нему...

Он лежал на горячем песке, на спине. Женька всхлипывала над ним.

— Дурень какой, честное слово... Зачем тебя туда понесло?

— Так... Зря... Это ты меня вытащила?

— Ты сам. Я только помогла выбраться.

— Неправда. Ты за мной ныряла.

— Да нет же. Смотри, волосы сухие...

Шурка лег на бок, взял Женькину ладонь, положил ее себе под щеку. То ли показалось, то ли правда Женька еле слышно сказала: «Сашко...» «Сестренка...»

Вот так он будет лежать долго-долго. Вечность. Плевать ему на Гурского, на восьмиугольные двери... Но вечности не получилось. С веселым гомоном вернулись из зарослей «охотники». Кустик прижимал к тощей груди добычу: пятнистого черно-белого крольчонка. Очень спокойного.

— Смотрите, он сам к нам подбежал!.. И еще — вот! Я совсем не боюсь! — Он взял кроличьи уши и концами пощекотал свои ребра. — Убедились?

Женька встала. Погладила кролика.

— Какой симпатичный. Правда, Шурка?

— Да, — неловко сказал Шурка. Он все еще лежал.

Платон пригляделся.

— Купался, да? Волосы и плавки мокрые...

Шурка сел. Сказал честно:

— Я нырнул с мостика. И чуть не отдал концы. Хорошо, что Женька помогла.

Платон никогда не старался быть строгим командиром. И здесь не стал делать долгого выговора. Только вырвалось у него:

— Вот дубина! Я же говорил, что опасно!

Шурка покаянно сопел. И Платон добавил еще. Но тихо:

— Один раз уже помирал. Еще захотелось?

Шурка повесил голову. Все насупленно молчали. Чтобы уйти от тягостной виноватости, Шурка погладил по ушам крольчонка.

— А куда его теперь?

— Пускай бежит к маме, — с торопливой веселостью откликнулась Тина. — Пойдем домой и по дороге отпустим. Там, где взяли.

Этот разговор стряхнул со всех неловкость. Заспешили, натягивая одежду. Потому что и правда пора домой. Ник сказал, что крольчонка надо отпустить немедленно.

— Иначе я его слопаю живого, так есть хочется.

Шурка почувствовал, что и он просто помирает от голода. Несмотря на все переживания.

Он заплясал на песке, натягивая шорты, привычно тряхнул их, чтобы проверить: на месте ли отвертка? И обмер. Не было в кармане привычной тяжести.

И не могло быть! Ведь нырнул-то он с отверткой за поясом, а вынырнул... ну ясно же, без нее!

Шурка кинулся на козырек моста. Упал там ничком, свесил голову.

Отвертка лежала на расчищенных от ила кирпичках. Вернее, стояла торчком — деревянная ручка была, как поплавочек.

Шурка опять лихорадочно скинул штаны.

— Ты куда! — Платон ухватил его за локоть. Подоспели и другие.

Шурка дернул руку.

— Я сейчас... Там отвертка осталась. Мне ее... обязательно надо... Я быстро!

— Рехнулся, — сказал Платон. — Тут же глупина! Кажется, что дно близко, а на самом деле...

— Да нет же! Я уже доныривал!

— Не смей, — железно сказал Платон.

И Шурка понял, что не посмеет без разрешения.

— Ну, Платон... ребята... — Он почувствовал, что сейчас разрешится. Как-то все пошло наперекосяк. Разом. — Ну, пожалуйста...

Платон двумя рывками сбросил шорты и рубашку. Шагнул на край.

— Не надо... — пискнула Тина.

Платон ласточкой ушел в воду. И все замерло над кромкой обвалившегося моста.

Тело Платона в темной воде казалось зеленоватым. Он опускался долго. Значит, в самом деле глубина была больше, чем казалось сверху...

Вот он дотянулся до деревянной ручки, изогнулся, как в кино про Икхиандра, сделал взмах руками, будто крыльями... И наконец показалась над водой его голова. И кулак с отверткой.

— Держи...

Шурка лежа дотянулся, взял. Платон выбрался на песок. Шурка принес ему одежду. Виноватый и благодарный. Платон глянул искоса.

— Хоть бы рассказал, зачем она тебе. Для чего таскаешь с собой?

— Я... расскажу. Потом... Потому что... — У Шурки застревали слова.

Не боялся он выдать тайну. И плевать ему на запрет Гурского! Но ведь... если начнешь рассказывать одно, потянется следом и другое. До конца. Про все. И про то, какой он... И не понятно, чем тогда все кончится... И вообще ничего не понятно! Страх в груди, вот и все!

Как тут объяснишь?

— Я... после. Вы не думайте, я же...

— Да ладно! — небрежно перебил его Платон. — Не хочешь — не говори. Никто же тебя щипцами за язык не тянет... Каждый имеет право на тайны, верно, ребята?.. Пошли!

Вот и конец.

Не было ни ссоры, ни драки. Даже обидных фраз, вроде бы, не было. Но сразу сделалось их не шестеро, а пятеро и один.

Так же, как раньше, шагали через бурьян,

иван-чай и плети мышинового гороха. Так же весело перекликались... Выпустили крольчонка, он ускакал, встряхивая ушами. Все помахали ему руками.

Кроме Шурки. Пошли снова. Шурка шагал, словно с холодным булыжником в груди.

Женька пошла рядом.

— Шур... ты чего?

— Так...

— Ты не расстраивайся.

Он собрал остатки ершистости:

— Я и не думаю!

Женька отстала. Ну вот! Порвалась последняя ниточка...

Нет, не совсем порвалась. У калитки Платона, когда все говорили друг другу (и Шурке, кстати) «пока» и «до завтра», Женька сказала жалобно:

— Шурчик, ты в порядке?

— Увидимся позже... — горько хмыкнул он. И пошел к трамвайной остановке. Не потому, что не хотел разговаривать. Просто снова, второй раз за сегодня, испугался, что разрешится. Ко всем бедам не хватало еще и такого скандала!..

Но раз он так ушел — будто все оборвал! — теперь и Женька, наверно, не захочет его видеть...

В мире Великого Кристалла происходила трагедия — крошечная, но такая же страшная, как гибель галактики. Для бесконечного пространства все равно: что галактика, что молекула. А молекула из шести атомов рассыпалась неудержимо...

Впрочем, пятеро будут жить без Шурки как прежде.

А он — как без них?

Как без Женьки?..

Шурка добрал до остановки, сел под железным навесом на скамью из реек. Напротив сидела девочка лет пяти и ее красивая молодая мама. Счастливая девочка со счастливой мамой...

Шурка вытащил отвертку. Отпечатал на ладони узорчатую звездочку-снежинку... И резанула его досада!

Почему на свете все так нелепо! Подло!

Гурский прав был — ничего хорошего нет на Земле! Скорей бы на Рею!

Но не хотел Шурка на Рею. Хотел быть здесь! На старых улицах с иван-чаем, на Буграх. И что-бы рядом — Платон, Кустик, Ник, Тина. И Женька, Женька...

Может, пойти и выложить все? Может, выкинуть к чертям отвертку?

Шурка не выкинул. Только с досадой ударил ею по краю скамьи. Отлетела щепка. Стержень сорвался и скользнул по ноге, разодрал кожу от колена до косточки.

Девочка вскрикнула.

Шурка вскочил и, роняя в траву густую кровь, бросился вдоль рельсов. И плакал...

Впрочем, когда он добрался до дома, на ноге был уже заросший розовый рубец.

3. Трамвайное кольцо

Большой бестолковый и беспощадный мир жил по своим правилам — как ему хотелось (или не хотелось, но получалось). Большому взрослому миру не было дела до Шуркиных бед. Он, этот мир, со своими идиотскими хлопотами, потрясениями и заботами врывается в дом через телеэкран.

Перед экраном сидела баба Дуся. Оглянулась, когда Шурка вошел.

— Слышь, а бразильцы выиграла у итальянцев-то. В игре ничего друг другу забить не могли, только по пенальти взяли верх... Итальянские болельщики повыкидывали из окон свои телевизоры. От досады!

«Ну и холера с ними», — сказал про себя Шурка. Но обижать таким отзывом бабу Дусю не стал. Молча ушел к себе, лег, уставился в потолок.

Баба Дуся заглянула в дверь.

— Чего смурной? Нелады какие-то?

— Все «лады». Устал просто...

— Ну дак немудрено. Иди поешь. Отощал совсем, избегался... Господи, а ногу-то где разодрал?

— Не помню. Да заросло уже...

Несмотря на горести, есть хотелось до тошноты. Шурка пошел на кухню, съел окрошку и кашу с колбасой.

— Ну вот, ожил малость. — обрадовалась баба Дуся. — А знаешь, какие новости от астрономов идут? Говорят, летит на планету Юпитер комета расколота. Имени какого-то ученого — то ли Шумейко, то ли Шумахера. Как грохнется, будет взрыв сильнее миллиона водородных бомб.

— Нам-то что...

— А то, что говорят, будто и на Землю повлияет. Может она съехать с орбиты...

— Туда ей и дорога, — искренне сказал Шурка.

— Как это «туда и дорога»? А с нами что?!

— А хоть что...

— Тьфу на тебя... А в Югославии перемирие нарушилось, снова палят по городу Сараеву из минометов. Кругом люди рехнулись...

— Вот именно... И будут палить, пока на Земле снаряды не кончатся. А они не кончатся... в обозримом будущем. — И Шурка вспомнил Гурского: «Психология полевых командиров...»

— Страсти ты говоришь какие, помолчи лучше... А еще передали в «Новостях», что общество «Золотой Маврикий», ну, то, про которое все время реклама, лопается по швам. Перестали покупать у населения акции, в Москве у приемных пунктов тыщи людей шум поднимают. Представляешь?

— Баб-Дусь, ну тебе-то что, — застонал Шурка. — У нас с тобой ни одной же акции нету!

— У нас нету, а у других, у миллионов чело-

126
век, есть! Уже митинги начинаются. Диктор Веревочкин в «Новостях» сказал, что может быть гражданская война или досрочные перевыборы...

«Мне бы эти заботы», — горько подумал Шурка.

— Чего-то ты сегодня не в себе, — опять затревожилась баба Дуся. — С друзьями своими, что ли, поругался?

— Вот еще! Не ругался я...

— Или с Женькой. А? — сказала она безжалостно.

— Ну, не копай ты мне душу! — взвыл Шурка. И опять плюхнулся на диван в своей конуре.

Баба Дуся ворчала за перегородкой:

— «Не копай душу»... А об моей душе ты помнишь? Думаешь, бабка не переживает? На тебя гляючи...

Шурка закрыл глаза и стал проваливаться в дремоту. Закачался перед глазами иван-чай, замелькали стрекозы. Вспомнилось влажное касание Женькиных волос... Потом ощутилась, почти как наяву, давящая глубина Черного пруда.

«Почему я потерял сознание? От памяти про машину? От холода и страха? А может, просто от давления воды?» И все зря! Потому что не было восьмиугольного люка... Но где-то он все же есть! Люк, дверь, проход... Мало того, Шурка понял, что он помнит, где именно! Откуда помнит?.. Господи, да Кустик же утром говорил! Про туннель под мостом, где трамвайное кольцо!

Шурка сел. Теперь не было усталости и бессилия. Стало ясно, что надо делать. И чем скорее Шурка это сделает, тем скорее будет свободен! От непонятного своего задания, от Гурского, от обязанности молчать!

Он придет к ребятам с растворенной душой, с новым сердцем. Вот я, смотрите! Я такой же, как вы! И нет у меня от вас тайн!..

Самое тяжелое — дожидаться вечера. Когда гложет нетерпение, время, как правило, движется еле-еле. Это знает всякий, но Шурке повезло. Видать, смилостивилась судьба, и минуты побежали одна за другой. И час за часом...

В девять Шурка уложил в холщовую сумку нужное имущество: складной нож, фонарик, веревку. И отвертку. Резиновый наконечник он потерял, в кармане носить инструмент было рискованно...

— Куда ж ты это, друг любезный, лыжи навострил? — затревожилась баба Дуся. — Вроде уж ночь на носу.

— К Платону, — храбро соврал Шурка. — Мы договорились ночевать на сеновале. Кустик будет новые космические истории рассказывать...

К Платону баба Дуся относилась с уважением: «Серьезный парнишка, не шепутной. Сразу видно, родители культурные». Да и на других смотрела одобрительно. «Только вот этот, Кустик ваш,

уж до чего худой! Не кормят, что ли?» — «Да просто у него организм такой. Он в основном космическим излучением питается». — «Оно и видно, что одним излучением...»

И сейчас она Шурку не задерживала.

— Только утром, как придешь, сразу давай на рынок, а то капусты даже на суп не осталось.

— Есть, господин баб-Дусь-майор!

— Вот я тебя...

Время самых коротких ночей уже прошло. Но и теперь солнце заходило после десяти, а светлые сумерки держались до полуночи.

А трамваи кончали ходить рано, последняя «шестерка» ехала на кольцо без четверти десять. На нее-то и успел Шурка.

К концу маршрута задний вагон совершенно опустел. Вполне можно было не прячась въехать в туннель, а там на малом ходу выскочить. Но Шурка решил не рисковать: вдруг в этот миг водитель трамвая глянет в зеркало заднего обзора? На остановке у моста Шурка вышел с деловым видом: спешит, мол, человек домой. Но никого вокруг не было, не имело смысла притворяться. Трамвай, дребезжа, укатил в черную арку под мостом.

Шурка двинулся за ним не сразу. На всякий случай посидел несколько минут в густом ольховнике, что рос вплотную у каменной кладки.

Здесь к Шурке подкрался страх. Будто к малышу, которому предстоит идти в темную комнату.

«Все будет хорошо», — постарался успокоить себя Шурка. И усмехнулся. Потому что это была еще одна затертая фраза из американских фильмов, которые Шурка смотрел по вечерам в полглаза (а баба Дуся с интересом). Такая же, как «ты в порядке?» и «увидимся позже». Брякнулся человек с пятого этажа и еле дышит, или лопнула у него фирма, или украли жену, а его успокаивают: «Все будет хорошо»...

И как бы предупреждая Шурку, что с ним ничего хорошего не будет, куснула его повыше колена булавоочная боль. Вот ведь зараза какая! Любые порезы и ссадины зарастали на Шурке за несколько минут, а этот след от иголки никак не заживал. От той, что клюнула Шурку, когда он примерял анголку. Нет-нет, да и набухала на ноге кровавая точка. Болела и чесалась, как комариный укус. Густо напоминала о нехорошем...

И сейчас этот колючий зуд добавил Шурке страха. И Шурка понял, что боится не темного туннеля, не досадной неудачи в поисках, а какой-то неведомой беды...

Тогда, толчком прогоняя боязнь, он скомандовал себе: «Вперед!» Крадучись, но быстро выbralся из кустов. Туннель — вот он, рядом.

И Шурка скользнул в темноту.

Темнота оказалась неполной, туннель изгибался, и за поворотом брезжил желтый свет.

Шурка присел на корточки, послушал тишину. Будь у него настоящее сердце, оно колотилось бы. А сейчас-то что... Шурка посидел, мотнул головой, встал. Осторожно пошел вдоль сложенной из гранитных брусьев стены.

Увидел наконец лампочку — она тускло светила под бетонным потолком. Светила, как... да, как там, где Шурка видел себя под простыней, с квадратным провалом в груди.

Он зажмурился, опять помотал головой. И... увидел в стене напротив себя черную пустоту входа.

Начало восьмиугольного туннеля! В точности такого, как говорил Кустик.

Нижний край входа был в полуметре от пола. Шурка прыгнул. Встал. Вынул из сумки фонарик. Свет прошелся по кирпичным стенам. Ширина была метра полтора, высота — около двух. Шагах в пяти коридор делал крутой поворот. Шурка пошел на цыпочках, словно поблизости могли быть враги. Но кто? Откуда?

За поворотом он сразу уперся в дверь.

На двери были скобы и заклепки, словно в рыцарском подземелье. От нее пахло ржавчиной. Рыжие ключья висели, как бороды.

Шурка поводит фонариком. Не было никакого намека на шурупы или болты, для которых годилась отвертка. Да и нечего тут отвинчивать и отпирать! Дверь была прикрыта неплотно, темнела широкая щель. Шурка уперся в кирпичный пол ступнями, ухватился за скобу.

Железная махина отошла медленно, тяжело, но (вот удивительно!) без визга и скрежета.

Шурка отступил, повел перед собой лучом, за дверью был коридор, но более широкий, с нишами и кирпичными выступами. Шурка хотел шагнуть... и не шагнул. Обволокла его вязкая боязнь. Он явно чуял — там кто-то живой.

Да ну, чушь! Кто там может быть? В такой сырой ржавой трущобе! Бомжи и жулики находят места поуютнее. Бездомные псы? От света они бросились бы прочь. Сизые призраки? Ну да! «И все засмеялись...»

И Шурка засмеялся про себя. Через силу. И так же через силу заставил свои ноги сделать шаг. Другой.

Все равно обратного пути нет! Не возвращаться же ни с чем! Должен же быть хоть какой-то конец!

Да и чего бояться? «Ты ведь один раз уже умирал...»

Еще шаг, еще... Стоп!

Новый страх приковал Шурку к месту. Кто там? Чье шевеленье и дыханье? И шепот...

Луч метнулся перепуганно. И... выхватил торчащий из-за кирпичной переборки кусок синей материи. На ней — зеленые водоросли и маленький коричневый краб.

— Куст... — с великим облегчением выдохнул Шурка. С радостью и досадой. — А ну, выходи...

Кустик, сопя и жмурясь, шагнул в конус света. За ним — Платон и Ник.

И не стало страха. Никакого. Трое шурились и смотрели в пол.

«Шпионили», — чуть не сказал Шурка. Но прикусил это слово.

— Следили...

— Если угодно, да, следили, — с вызовом заявил Платон. — И не слепи, пожалуйста, глаза... А точнее, не следили, а ждали. Потому что Куст вечером пришел и чуть не ревет: «Я сказал Шурке про туннель под мостом, про восьмиугольный. Он, конечно, ползет туда, один!» А мы...

— А мы же отвечаем за тебя, — тихо и прямо сказал Ник.

— С чего это? — буркнул Шурка.

— Как с чего?! — звонко изумился Кустик, — Мы же все отвечаем друг за друга!

— И мы же видим... что ты весь не в себе, — снова вполголоса сказал Ник. — Что-то с тобой случилось...

«Вот сейчас я уж точно разревусь», — понял Шурка и торопливо закашлялся.

Платон сухо и обстоятельно разъяснил:

— Нам совершенно не нужны твои тайны. Мы не будем их выведывать. Но мы обязаны охранять тебя, пока ты ищешь свой клад...

— Да какой там клад! — горько вырвалось у Шурки. — Вы же ничего не знаете!

— Вот именно, — прежним тоном подтвердил Платон. — Да мы и не желаем знать. Но бросить тебя одного не имеем права. По крайней мере, пока ты не сказал прямо: «Убирайтесь, вы мне больше не друзья».

«Разве я могу это сказать...» — Шурка закусил губу. Фонарик замигал.

А этот вредный невыносимый Куст вдруг ясным голосом предупредил:

— Но если скажешь такое, имей в виду: ненаглядная Женечка точно утопится у плотины.

Шурка ощутил радостное желание вляпать Кусту по шее. И сделал движение. Кустик отпрыгнул. И всем стало легче, свободнее. Шурка опять опустил голову, поводил лучом по полу. Шепотом спросил:

— Девчонкам-то хоть не сказали, куда пошли?

— Мы же не сумасшедшие, — утешил Платон.

Шурка помолчал — с ощущением, что скользит к обрыву.

— Нет у меня никакой тайны... Вернее, она есть, но не такая. Не про клад. Просто... я боюсь.

Платон очень мягко сказал:

— Шурчик, давай бояться вместе. Один страх на четверых — это же пустяки.

— Вы не понимаете. Я боюсь, что вы...

— Что — мы? — качнулся к нему Кустик.

— Что вы... шарахнетесь от меня, когда узнаете... какой я... Я же...

— Ты вполне устраиваешь нас хоть какой... — веско сообщил Платон.

— Вы же не знаете... Тут все перепутано. И эти двери восьмиугольные, и отвертка, и я...

Ник, самый тихий и спокойный из всех, взял его за локоть.

— Шурка, мы же с тобой...

— Я... Ладно! Держи! — Шурка дал ему фонарик. И вокруг загудела громадная, просто космическая пустота. И не было хода назад. — Свети вот сюда! Вот так... — И повернул фонарик к себе.

Потом он распахнул рубашку-анголку. Вздернул майку, подбородком прижал подол. Запустил неостриженные сегодня ногти в тонкую окружность шрама. Потянул.

Раздался треск — будто у застежек-липучек на кроссовках. Круглый кусок искусственной кожи отклеился, вывернулся наизнанку. Повис, держась на нижнем крае.

На Шуркиной груди открылось оконце. Маленький иллюминатор в плоском кольце из желтого металла. За стеклом в темной воде металась испуганная светом рыбка. Ее чешуя блестела, как пунцовая фольга.

4. Туннели и склепы

Никто не шарахнулся. Никто даже громко не удивился. Кустик шепотом сказал «ух ты» и почти прилип носом к стеклу. Ник осторожно отодвинул его за уши.

Кустик спросил:

— Это алый вуалехвост? Или какая это порода?

— Неземная, — вздохнул Шурка.

— А похожа на земную.

— Похожа... — Шурка смотрел на рыбку, сильно наклонив голову. Рыбка уже перестала метаться. Только шевелила плавниками и пыльным прозрачным хвостом. Маленький черный глаз блестел точкой отраженного фонарика.

Ник осторожно (очень осторожно) спросил:

— Значит, это и есть твое сердце?

— Да... Автономный генератор биополя...

— А почему он такой? Как все случилось-то? — сказал Платон. И сочувственно, и с нажимом. — Теперь-то, может быть, уже расскажешь? Или нельзя?

— Расскажу... Не знаю, можно или нельзя. Наверно, можно, если вы больше никому... — И Шурка привычным движением наклеил на стекло клапан. Очень похожий на настоящую кожу, даже с углублениями на месте ребер, только без загара.

...Неподалеку была в кирпичках ниша с выступом, похожим на скамью. Там они сели. И Шурка наконец рассказал все.

Про пистолет и выстрел.

Про клинику.

Про Гурского и Кимыча, про прибор, который надо найти.

Про голубую планету Рею...

Никто не сказал «выдумываешь». Никто не удивлялся вслух. Потому что было доказательство — рыбка. Да и сама таинственность подземелья настраивала на веру во всякие чудеса. И когда Шурка перестал говорить, Платон спросил тихо и озабоченно:

— А не натворят они всяких бед на Земле, эти корректоры?

— Нет же! Они же наоборот — хотят помочь!

Платон покачал головой: мол, хотят-то хотят, а кто их знает...

А Кустик жалобно попросил:

— Ты только не улетай на эту Рею, ладно?

— Я и не хочу... теперь...

— А с сердцем-то что будет? — забеспокоился Ник. — Когда ты найдешь тот прибор, они тебе вставят настоящее? Опять операция?

— Да нет же! Гурский сказал: сердце само вырастет, как только вынут рыбку и выплеснут воду... Вы же сами видели, какая у меня регенерация... Я хотел так: сперва все сделаю, а потом расскажу вам. Когда сделаюсь настоящим...

— А сейчас ты какой? Искусственный, что ли? — словно обиделся Ник.

Кустик обеспокоенно заерзал рядом с Шуркой.

— А куда они денут рыбку, когда вытащат? Возьмут себе?

— Не знаю... Зачем она им? Гурский один раз пошутил: «Оставишь на память будешь держать в аквариуме».

— А она в какой воде должна жить? Наверно, в специальной?

— В любой. Она приспосабливается ко всякой среде.

Кустик заегозил опять:

— Шурчик, знаешь что? Ты можешь подарить ее Женьке. У нее послезавтра день рождения. Будет «сердце в подарок»...

— Опять дразнилка, — слабо улыбнулся Шурка.

— Ничуть! Я по правде!

— Сперва надо найти, что спрятано, — рассудил Платон. — Пошли!

— Вы... со мной? — неловко сказал Шурка.

— А ты против? — удивился Ник.

— Нет... Но это, наверно, долго. Вас дома хватятся.

Кустик подпрыгнул.

— Не хватятся! Всем сказано, что мы ночуем у Платона на сеновале!

Платон спросил у Шурки деловито:

— Скажи, а ты уверен, что это где-то здесь? Что-то чувствуешь?

— Не знаю... Кажется, ничего... — Но тут опять

100) кольнул ногу комариный укус иглы. — А может, и чувствую...

И Платон сказал снова:

— Пошли.

В запахах древней плесени и отсыревших кирпичей, цементной пыли и ржавых труб они долго двигались под землей. Под Буграми. Потому что путь сразу увел в сторону пустырей. Кустик сказал, что чувствует это.

Они шли тесными коридорами, проползали под нависшими балками и плитами, пересекали низкие бункеры и сводчатые помещения, похожие на подземелья рыцарских замков.

Оказалось, что у каждого есть фонарик, и света было достаточно. Лучи выхватывали торчащие из пола и стен горбатые трубопроводы с чугунными колесами намертво приржавевших вентилях. Лохматые щупальца корней. Замурованные двери и остатки перекошенных лестниц.

Несколько раз приходилось спускаться и подниматься внутри круглых бетонных колодцев, по тонким, гнувшимся под ступнями скобам.

Каждый заработал уже немало синяков и ссадин, в волосах и за воротом полно было мусора.

И казалось, что здесь, в глубине, они уже целую ночь. Но никто ни полсловечком не намекнул: «А может, пора повернуть обратно?»

Да и обидно поворачивать, когда столько прошли.

«Столько прошли — ничего не нашли», — обидно срифмовалось в голове у Шурки. Может, ему передались мысли Кустика. Это ведь он любит стихотворничать...

Кустик дышал громче всех — часто, но не устало, а с азартом. Впрочем, и у остальных дыхание было шумное. Порой оно отзывалось в бункерах шелестящим эхом. Иногда чудилось даже — там, впереди, кто-то чужой! И тогда все прижимались друг к другу, гасили фонарики. Обмирали...

Но в этом обмирании все же больше было игры, чем настоящего страха. В глубине души каждый чувствовал: никого, кроме них, здесь, под Буграми, нет. И ничего им не грозит. Даже заблудиться нельзя, потому что путь один — без развилки и ответвлений. Только вот ужасно длинный. Ох как долго придется идти назад — на гудящих от усталости ногах, с нудной болью в царапинах, со щекоущей пылью в горле и вкусом плесени во рту.

Если с удачей, с находкой, тогда никакой путь не будет тяжел. А если все зря?..

А ведь, скорее всего, зря. Идут-то, по сути дела, неведомо куда. Так думал Шурка. И у других, конечно, появлялись такие мысли.

Окончание следует

Да и зачем звонить? Разве дом разрушают, растаскивают на кирпичи, выселяют жильцов? Наоборот, строят, вершат полезную, в первую очередь для самого ЖЭКа, работу! Затыкают дыру бесконечного прорыва, откуда на голову жэковского начальства хлещет нестихающий поток жалоб, комиссий и т.п. неприятностей. Идет ремонт, на который никогда не хватало ни сил, ни средств. Тут даже если что заподозришь, будешь молчать и радоваться! За тебя твою работу делают и ничего за то не просят! Волшебство! Ну разве найдется безумец, готовый против этого протестовать? А уж человека, способного хоть на мгновение допустить, что все это — дефицитные материалы, люди, техника, ударный труд — оплачивается личным карманом, не сыскать даже в сумасшедшем доме. Кому это может понадобиться? Зачем?? Так что, как ни верти, при всей внешней рискованности моей затеи она, по сути, была совершенно безопасна.

Облачившись в такую же, как у всех, робу и тем слившись с толпой, я сновал по подъездам, по этажам, изображая строгого, знающего, за что платит, заказчика: мазал по пальцам краску, ковырял ногтями свежештукатуренные стены, утверждал колеры, ругался, что не вывесили предупреждающие — осторожно, окрашено! — таблички, принимал претензии (почему в нашем подъезде работают только два маляра, а в соседнем восемь?) и благодарности (ну, наконец-то, уважили, спасибо!) жильцов.

Пришлось пообщаться и с представителем ЖЭКа.

— «Кто послал, кто послал!» Петров! — не без грубости отвечал я ополоумевшему от увиденного инженеру. — Меня послали — я делаю! Чего еще надо? Или вы думаете, я сам все это придумал?

И чтобы совсем добить растерявшегося ЖЭКовца, прикрикнул:

— Вам что, не нравится? Так мы можем уйти. Разбирайтесь сами! Эй, мужики!

— Нет-нет, что вы, — затараторил испугавшийся чуть не до икоты инженер. — Это я так. Это ничего. Я думал, может, чем помочь?

И с замершей на губах сладенькой улыбкой инженер попытался восвояси, боясь дальнейшей беседы спугнуть обрушившееся на ЖЭК счастье. Пусть работают, а то сообразят раньше времени, что перепутали адрес, и поминай как звали!

Неожиданным последствием нашей беседы явилось прибытие в мое распоряжение бригады мобилизованных дворников: «Может, подмочь чем, подмести, раствор поднести...»

К вечеру энтузиазм рабочих иссяк, а объект все не появлялся. Не на всех возымели действие даже двойные и тройные вечерние надбавки, а больше платить было опасно. Щедрость, она тоже меру

должна знать. К темноте удалось удержать лишь шесть человек. А его все не было! Всех рабочих я сконцентрировал в интересующем меня подъезде. Сам расположился на лестничной клетке, на этаже ниже охраняемой квартиры, и, стоя на стремянке, тупо штукатурил стену — спасибо первой Учебке, обеспечившей меня полусотней рабочих профессий. Сколько я еще могу протянуть эту вольнку, не вызывая подозрений? Час? Два? Три? Не работать же всю ночь?

Стемнело. Я уже продумывал отходные варианты, когда услышал шум подъехавшей к подъезду машины. Хлопнула входная дверь.

— Ну давай, передвигай ногами, чуть-чуть осталось. Что ж ты так накушался? Нельзя же так! — услышал в квадратном проеме лестницы голоса.

Свесившись к перилам, я увидел двух крепких, хорошо одетых парней, ведущих под руки... да, именно его, номера четвертого. Он был в полной отключке — руки свободно болтались, ноги волочились по ступенькам.

Неужели я опоздал? Нет, не может быть. Если бы он был мертв, едва ли они тащили бы его в квартиру. Зачем напрасный риск? Бросили бы где-нибудь в глухом месте и все дела. Наверняка им нужно что-то в его жилище, что-то, на что указать может только он. Не человека они несут — ключ от интересующей их дверцы. После того, как эта дверца откроется, ключ выбросят за ненадобностью.

Продолжая возить мастерком и насвистывая какую-то мелодию, я лихорадочно соображал, что делать.

Их трое — два ведут моего подзащитного под руки, один страхует сзади. Ребята крепкие, накачанные и наверняка вооруженные. Правый и тот, что сзади, — из той, узнанной мною медицинской бригады. А где доктор?

Шансы один к трем, плюс, наверняка, водитель машины.

— Эй, парень, пододвинь лестницу! — приказал один. — Не видишь, человеку плохо.

— Счас, счас! — засуетился я, спрыгнул, оттащил стремянку. Назначенного мне в охрану помощника резидента протащили дальше. Похоже, его накачали наркотиками. Значит какое-то время потребуется для того, чтобы привести его в чувство. Минут 20-25 у меня в запасе есть.

Теперь думать! Не спешить. Вначале думать, потом действовать! В открытом, кулак против кулака бою они скрутят меня в два счета. Вооружиться обломком водопроводной трубы и ждать в засаде, например, у выхода? Одного я уложу, второй успеет отскочить, третий вытащит пушку и... Отпадает. Сбросить на них сверху стремянку, затем спрыгнуть самому? Чушь. Каскадерство! Это же надо умудриться попасть сразу в три башки.

Организовать для захвата нанятых маляров, привлечь жильцов? А как я их уговорю мне поверить? Нормальные, с наверняка отличными документами мужики тащат домой подвыпившего товарища. В чем здесь криминал? За что морду-то бить? Не проходит.

Зайдем с другой стороны. В чем я сильнее их? В физической подготовке? Наверяд ли. Умении драться на поражение? Допустим. Но против ствола я бессилён. Во внезапности? Наверное. Нападения они, конечно, не ожидают. В использовании окружающего рельефа? Да. Здесь затормозимся. Подъезд? Лестница? Квартира? Пожалуй, квартира. Но как быстро и бесшумно открыть дверь? Ладно, это после. В чем еще я сильнее? Ну-ка, вспомним Учебку. Чему нас учили такому, что неизвестно простому смертному? И я вспомнил! Темные, вслепую бои! Вот оно! Темнота! Такое им в новинку! Как им драться с невидимкой? А? Бить, но кого? Стрелять, но куда? Вот мы и уравнили силы. Я, темнота и внезапность. Три на три!

Теперь осталось подготовить инструментарий и сделать темноту. Я прихватил монтировку, спустился вниз к шитовой, вскрыл дверь. Вот они, предохранители, рубильник, провода. Можно вырубить свет сейчас, но как умудриться в темноте быстро добежать до нужной квартиры? К тому же на лестничные клетки вылезут жильцы. Нет, мне надо по крайней мере 30 секунд света. Как этого добиться?

Я поднял с пола металлический огрызок отработанного электрода, высыпал на пол спички, в два слоя обложил ими электрод, обмотал нитками. Получилась деревянная изолирующая рубашка. Так, теперь положим этот опасный сэндвич на два оголенных провода и подожжем. Когда спички сгорят, металлический стержень осядет на провода и замкнет цепь. Короткое замыкание! Отлично!

Не торопясь, но считая время, я поднялся на требуемый этаж, встал возле двери, закрыл глаза. Я должен был привыкнуть к темноте, это даст мне несколькосекундное преимущество. Прошло четверть минуты. Хлопок, вспышка, темнота. Пауза. Застучали двери.

— Что случилось? У вас тоже света нет?

Щелкнул замок «моей» двери. Все верно, не могли они не насторожиться, не могли не попытаться выяснить, что произошло.

Дверь приоткрылась. Сейчас мой враг, ослепленный темнотой, на мгновение высунет голову, чтобы попытаться рассмотреть. Должен его разочаровать, увы, что-либо увидеть ему уже не удастся. Никогда. Быстрым движением я прикрываю дверь, зажимая его голову, и бью строительным мастерком, которым недавно возил штукатурку по стенам, в горло. С невнятным хрипом он падает.

— Что такое? — встревоженно кричат из темноты.

— Сейчас спущусь, узнаю, — отвечаю я, подражая его голосу, услышанному полчаса назад, когда они поднимались по лестнице, и хлопаю дверь.

Наверное, я не самый лучший звукоимитатор, но это и не требуется. Они не ждут подвоха и не анализируют такие мелочи, как тембр голоса. Но даже если они его не признают, не бросятся же немедленно к входной двери. Но даже если бросятся, пока они шаркаются в темноте, мне будет довольно.

Итак, три минус один!

Тишина. Я в квартире. Вот они, многочасовые учебные игры. Вот когда онигодились. Стараясь не производить шума, я ползу вдоль стены, поводя ушами, как локаторами. Стул, тумбочка — аккуратно обогнуть. Теперь можно не спешить, теперь время работает на меня. В квартире благодаря тяжелым толстым шторам царит абсолютная темнота. Видно, не любил человек шефа подставлять себя чужим взглядам. В этой темноте двигаются, дышат, переговариваются люди. Люди, которых мне предстоит убить.

— Что за хреновина? Как дело, так какая-то ерунда случается.

— Да ладно ты, не нервничай. Счас включат. А если не включат, этот очухается, свечи найдет. Расслабься.

Расслабься, расслабься, — соглашаюсь я, проползая в комнату. Мне азартно и одновременно спокойно. Я уверен в своих силах. В этой дуэли мне не проиграть.

Захожу за голоса. Плыву подошвами над полом.

— Черт, закурить, что ли? — говорит один.

Опасность! Свет зажженной спички мгновенно снимет с меня покрывало невидимости. Теперь я знаю, с кого начать. Продвигаюсь к курильщику, захожу сзади, слышу его дыхание, чувствую ладонью вытянутой руки теплую струю воздуха, выдыхаемого из носа. Значит горло на десять сантиметров ниже. Приготавливаю мастерок.

— Дьявол! — ругается жаждущий закурить, не сумев в темноте сразу открыть пачку.

Пора! Мгновенным движением я зажимаю ему ладонью рот, вторым перерубаю горло.

Наверное, это жестоко, когда невидимые руки из темноты внезапно лишают тебя жизни, не оставляя даже права на сопротивление. Это жестоко. Но они этого хотели сами.

Минус два!

— Ты чего? — настороженно спрашивает другой, слыша непонятные шум и бульканья.

Я аккуратно укладываю вторую жертву на пол. — Ты чего?!

Щелкает курок. Он вытащил оружие.

— Сема! Ответь, Сема!! Кто здесь?!

Бесшумно, как пантера, я наползаю на последнего оставшегося в живых врага.

— Семе-о-он!!

Выстрел!

В мгновенной вспышке света я вижу искаженное страхом лицо. Теперь надо спешить. В быстром прыжке я настигаю жертву и сильно ударяю ручкой мастерка по затылку. Он вскрикивает и оседает.

Минус три. Все!

Подхватываю, забрасываю на плечо все еще бесчувственное тело подзащитного и быстро, но не торопясь, выхожу из квартиры. Навстречу мне по лестнице, пыхтя и чертыхаясь, карабкается человек. Почти наверняка это водитель машины, услышавший выстрел. Встреча с ним не входит в мои планы. Я отстраняюсь, прижимаюсь к стене. И все-таки он задевает меня.

— Гражданин, нельзя ли поосторожней, — капризным тоном возмущаюсь я.

— Заткнись! — отвечает он и снова, спотыкаясь на ступеньках, несетя вверх по лестнице.

Я выхожу на улицу. В замке стоящей напротив машины, как ожидалось, торчат ключи. Оно и понятно. Я роняю на переднее сиденье спасенного мной агента и нажимаю на газ.

Эх, жаль, ремонт доделать не успел. Завтра понаедет сюда милиция, пресса, а на четвертом этаже конь не валялся — грязь, разбитые стены. Стыдно! — говорю сам себе, прямо хоть возвращайся завтра.

Это я выпендриваюсь, бодрячка изображаю из второсортного вестерна, так сказать, играю победу. Потому что на самом деле мне плохо. Очень плохо. Первый раз я по собственной инициативе убил человека. Вернее, двух, а может даже и трех — удар-то был приличный. Да, согласен, врагов, не щадающих моих товарищей, но все равно людей, Человеков!

Я веду машину и чувствую, как у меня дрожат руки и комок тошноты толкается в стенки желудка. И еще что-то ноет и тянет в груди. Нет, не легкое это дело — убить человека. Не раз-два, как убеждали инструкторы в Учебке. Не раз-два!

Потом, на конспиративной квартире я долго привожу в чувство своего подопечного. Он мотаает головой и ничего не понимает.

— Ждать и не высовываться! — передаю я ему приказ шефа и отправляюсь в... баню.

Нет, это не моя причуда, это указание шефа. По дороге, с телефона-автомата, я прозваниваю по данному мне номеру и прошу Ньюру.

— Такой здесь нет, — отвечают мне, — правильно набирайте номер.

В бане я покупаю веник и иду в парилку.

Место для встречи выбрано подходящее — народ не переводится, за каждым не уследишь, а что касается электроники, так в такой температуре, в таком пару никакие жучки-паучки не выживут, а на себе технику не спрятать, потому как весь на виду!

— Эй, мужик, веничком пройдишь, — просит голый гражданин.

Но это он для всех граждан, а для меня связник. Я долго хлещу его по спине, он охает, ахает, фырчит, стонет. Я не знаю, получает ли он удовольствие или играет его, следуя заранее срежиссированной роли. Может, он сердечник, может, у него аллергия на пар, может, каждый удар мука? Кого это волнует! Служба не мед! Сказано играть удовольствие — расстарайся, хоть в кипятке варишься, а улыбайся!

Затем он лупит меня березовым веником и я тоже охаю, ахаю, блаженно вздыхаю, прошу поддать парка, хотя с большим бы удовольствием просто растянулся на полке и уснул. Я нормально не отдыхал уже много дней. Судя по силе обрушившихся на меня ответных ударов, он не любитель парилки. Но я-то в чем виноват? Я такая же жертва, как он.

— Ох, хорошо! Ох, здорово! — шумно отдуваюсь я.— Ай, спасибо! (Дать бы ему за такое усердие хорошего леща!) Ну услужил! — и в компенсацию за перенесенные муки прихватываю его мыло. Вообще-то это не мыло — контейнер, хотя мыться им можно.

Дома вскрываю контейнер и, используя специальный код, внимаю очередным указаниям шефа. Дела, похоже, совсем хреновые. Все ранее используемые почтовые ящики, тайники и формы связи аннулированы. Передача сведений только из рук в руки. Вот откуда эта опереточная встреча через баню! Деваться некуда! Видно, понимая, что партия проиграна, резидент пошел ва-банк, решившись на запретное — открытую добычу информации. Правильно, ему-то терять нечего — если проскочит, то и так проскочит, а если убьют, то все равно убьют. Я догадываюсь, что до полной «картинки» ему не хватает нескольких, двух, может быть, трех фрагментов. Но без них целое рассыпается. Так бывает, что огромную плотину держит один-единственный махонький кирпичик, вытащи его, все сооружение зашатается. Отсюда следует моя задача — заткнуть дыру, чтобы впоследствии главный архитектор мог похвастаться произведением своего искусства. А в качестве затычки использовать собственное тело. Такая работа!

Завтра мне придется заниматься гнуснейшим делом — вытрясать показания и далее мотать цепочку самостоятельного следствия. До полной по-

беды или... смерти. Под такое дело шеф пожертвовал мне свои основной и резервный склады. Бери, пользуйся, только дай результат.

В подобном деле крайне важен внешний антураж. «Потрошитель» с внешним обликом Пьеро вряд ли добьется успеха. А вот если надеть на себя личину Карабаса-Барабаса! Полдня я, подобно театральному костюмеру, подбираю соответствующую разыгрываемой роли одежду, составляю, репетирую тексты, ищу наиболее убедительный тембр голоса, характерные жесты. В единственном своем лице я совмещал десяток театральных профессий: драматурга, режиссера, актера, завлита, завпоста, гримера, осветителя, критика и пр. Я тружусь в поте лица, хотя зритель у меня будет один-единственный и совсем не благодарный. Нашим бы сценическим деятелям такую самоотверженность!

Стоя перед зеркалом, просматриваю спектакль, корректирую отдельные реплики, меняю мизансцены. Вроде ничего, мне нравится. Как-то пройдет премьера?

К ночи, забравшись в чужую дачу, осваиваю еще пару театральных специальностей — декоратора и рабочего сцены. При кажущейся второстепенности оформление сценической площадки важно не менее, чем выбор актеров на главные роли. Хорошо исполненные декорации создают нужное настроение, без которого любое театральное действие — дешевое ремесло. А мне требуется самое высокое, 999-й пробы искусство. Мне надо, чтобы мне поверили!

Аккуратным ударом обмотанного тряпкой молотка я разбиваю старинное зеркало, вытряхиваю на пол из ящиков стола содержимое, роняю на бок телевизор. Любуюсь на свою работу. Впечатляет. Ухоженное жилище с годами становится как бы продолжением человека. Он сживается с этими диваном, креслом, шкафом, телевизором. Утрата любимой и желательно дорогой вещи вызывает боль не меньшую, чем, например, загнанная под нготь иголка. Причем палец-то заживет, а вот разбитый на куски предмет любви обратно не сложится. Это важное психологическое обстоятельство, его нельзя не учитывать, если хочешь получить результат.

Жду хозяина, который и будет играть в подготовленном сценическом пространстве главную роль.

Как и обещалось шефом, он объявляется в десять часов. Долго открывает дверь с полудюжиной секретных замков, входит, снимает ботинки. Аккуратный. Включает свет и видит все... Я, притаившись у него за спиной, с удовольствием наблюдаю произведенный мною погром. Подследственный стоит минуту столбом, выпучив глаза и не в силах даже ахнуть. Он начинает бояться. Что и требова-

лось. Наконец он, выйдя из столбняка, поворачивается и замечает, вы угадали, меня.

Я даю ему некоторое время осмотреть мой туалет. Оформление у меня соответствует моменту — что-то среднее между японским ниндзя и базарным мясником. На голове шерстяная черная шапочка с прорезями для глаз, опять-таки черный облегающий костюм с засученными рукавами, широкий и снова черного цвета кожаный пояс. Черный цвет люди вообще воспринимают как-то трагически, траурно. Явись я в белом, веселом костюмчике пляжного покроя, эффект был бы не тот.

Далее он не видит ничего, потому что я отключаю его несильным ударом кулака в шею. Когда он придет в себя, он будет совершенно голым (раздетый человек всегда чувствует себя очень незащищенным перед одетым — небольшой прием, дающий большие преимущества!) сидеть в кресле, спеленатый по рукам и ногам, глазами в стену, с неудобной и дурно пахнущей (уж не собственный ли носок?!) затычкой во рту. Ему будет неудобно, больно, стыдно, но более всего страшно. Что дальше? Что? Что?!

Пусть думает, пусть напрягается. Нет для человека врага коварнее его собственной фантазии.

Убьют или не убьют? Будут мучить или нет?

Думай, думай. А я пока подброшу в топку твоего воображения дополнительное топливо. Пусть разгорается, наддаст жару. Выматерюсь грубо. Грубый палач, он страшнее доброго, хотя при чем здесь грубость или доброта — итог-то один. Звякну чем-то непонятным, но очень зловещим. Сплюну на роскошный, в палец толщиной ворсом, ковер. Уроню, разобью дорожную вазу. Злодей, оберегающий от порчи вещи, какой-то нестрашный, несамоделишный. И наоборот, незнакомец, способный вот так, запросто загасить окурок о бок антикварного буфета или походя разгрохать старинное зеркало, цена которому полавтомобиля, убеждает в своей способности в следующее мгновение, не моргнув глазом, нарушить целостность шкуры хозяина вещи. Такой способен на все!

Страшно? Бойся, бойся. Полчаса я выдерживаю клиента в неизвестности. Пусть проявит свою изобретательность, придумывая, кто, за что и, главное, как его сейчас будут убивать. Человеческим талантам надо доверять. Не следует брать на себя работу, которую он может сделать гораздо лучше. Ну что, представил, нафантазировал кровавые картины своего близкого конца? Тогда пора.

Выдергиваю изо рта подследственного кляп.

— Помогите... — вскрикивает он и получает чувствительный удар в солнечное сплетение. Теперь он будет тих какое-то время даже без затычки во рту.

— Кто вы? — сквозь слезы спрашивает он, едва оправившись от удара.

Я молчу.

— Кто вас послал? Вы меня убьете? Нет?

Я молчу.

— Давайте договоримся. У меня есть деньги. Я могу заплатить.

Я молчу.

— Я могу хорошо заплатить! Сколько? Вы только скажите.

Я молчу. И от этого молчания ему становится все страшнее и страшнее.

— Вон там, в стуле зашито. Возьмите сколько надо. Возьмите все. Мне не жалко. Потом еще, у меня есть...

Я вспарываю обивку стула, достаю деньги.

— Доллары?

— Да, да, доллары. Здесь много. Берите, они ваши.

Я смотрю, словно сомневаюсь, на увесистую пачку, даю подследственному толику надежды, позволяю ухватиться за кончик ниточки, ведущей к спасению, — а вдруг возьмет? Возьмет?! Конечно, возьмет! Не может не взять!! И тут же обрезаю ее.

— Не фальшивые?

— Нет, нет. Самые настоящие, не сомневайтесь, — заискивающе улыбается, кивает головой он.

— Значит настоящие, — заключаю я и поджигаю пачку, люблюсь на голубенькое пламя, жующее края банкнот.

Вот так запросто, не моргнув глазом, уничтожить кучу валюты?! Он сумасшедший! Маньяк! Он способен на все!!

Вот теперь ему станет по-настоящему страшно! Убивший доллары человека прикончит запросто!

Он мерит меня своими «мерками» и тем загоняет себя в тупик. Я совершил безумный по его понятиям поступок и тем вылез за рамки логики, объясняющей происходящее. Надежды не осталось. Остался только страх.

— Еще предложения есть? — спрашиваю я, глядя в его выпученные, обезумевшие от ужаса глаза, и, не ожидая ответа, задаю свои, четко сформулированные шефом десять вопросов.

Он молчит.

— Взвесим за и против, — предлагаю я. — Если вы все рассказываете, то вы: первое — сохраняете в целостности вот эти все ваши ценности; второе — упрочаете свое положение, ибо с нашей помощью устраните конкурентов, освободите ступеньки лестницы, ведущей наверх. Вы нас, как таковой, не интересуете, мы охотимся за крупной рыбой, ей и гибнуть, вам занимать их места. Третье — вы завоеуете наше расположение, а это, поверьте, очень немаловажно; четвертое — я в десятикратном раз-

мере возьму ваши финансовые, — я кивнул на сторовшую пачку денег, — потери (валютный запас из резидентского тайника); пятое — и более важное, чем все предыдущее — вы сохраните жизнь.

С другой стороны, если вы будете упорствовать, будете молчать, то вы:

потеряете жизнь;

потеряете ее в муках, узнав напоследок, что такое боль, не какая-нибудь примитивная, зубная, а настоящая, смертная;

и главное, все равно расскажете все!

Выбирать вам, но предупреждаю: каждая минута размышления лишает вас десятой части денежного вознаграждения.

Думайте. Время пошло.

Для стимуляции аналитических способностей клиента я применил банальный, но действенный прием — раскладку пыточного инструмента. На придвинутый журнальный столик я в ряд выложил зажимы для пальцев, длинные иглы, щипцы, никелированные кусачки, зажег спиртовку, поставил на нее греться большой гвоздь. И еще, что особо впечатляет новичков, достал аптечку первой медицинской помощи: бинты, шприцы, шины и пр. — мол, мы не шутим, будем клиенту кровь пускать, кости ломать. Парадокс, но вид средств оказания помощи ужасает больше, чем пыточные приспособления! Психология!

Подследственный испугался до такой степени, что, по-моему, перестал считать убывающие каждую секунду деньги.

Он сломался на четвертой минуте.

Через час я узнал все.

Клиент получил причитающиеся ему деньги, я — сведения. На том мы и расстались.

Первое, что сделал освобожденный узник — упал на колени ахать над разбитой антикварной вазой.

— Ваза! Ваза-то старинная. Китайская. Я за нее полтыщи долларов отдал! Где еще такую куплю? Где? Надо бы компенсировать...

Вот люди! Мне даже жалко стало, что он так легко сдался. Надо было его маленько помучить, ну, чтобы меньше над черепками причитал. Это было бы даже милосердно, отвлекся бы, не изводил себя так, бедолага. Душевная боль, она для организма опасней телесной.

Может, задержаться на полчаса?

Из десяти полученных ответов шесть были нужны и понятны только резиденту, четыре касались непосредственно моего задания. Из них три были исчерпывающими, а один, может быть, самый важный, грешил приблизительностью.

Подследственный знал, откуда прибывало «сырье», где накапливалось, где сортировалось, перегружалось на автомобили, но не знал главно-

го: куда оно уходило. На фазе перегрузки транспортная цепочка прерывалась. В дальнейшем «сырье» выныривало вновь, но уже в форме толстых денежных пачек, уложенных друг на друга в несгораемые сейфы. Резидент вычислил итог — устойчивое поступление гигантских денежных сумм неизвестного происхождения. Я «выпытал» начало, один из накопительных складов сырья. Отсутствовала соединительная середина. Где и как «сырье» доводится до требуемого стандарта, в каких краях и каким образом превращается в деньги. Где и каким образом? Добраться до истины мне было необходимо хотя бы потому, что «товаром» были наркотики!

Проще всего размотать транспортную цепочку было, проследив за машинами, перевозящими сырье. Но как это сделать? Сопровождать колонну мне, конечно, не дадут. Любая подозрительная транспортная единица будет немедленно остановлена вооруженной охраной. Мериться с ними силой — роскошь непозволительная и к цели не приближающая. К тому же, наверняка, они одеты в милицейскую форму или даже являются штатными милиционерами, подрабатывающими в мафиозных структурах в свободное от службы время. Очень удобно. Такие и стрелять-то меня не будут. Отвезут в отделение, составят протокол, отобьют смоченными в воду полотенцами почки и еще суток пятнадцать заставят метлой махать. А если раскроют, кто я, втихую удавят в КПЗ, списав все на несчастный случай.

Был бы у меня радиомаяк да в придачу к нему вертолет... Но нет у меня ни того, ни другого. Обычно такие перевозки отслеживают, сменяя и страхуя друг друга, десять-пятнадцать групп профессиональных сыскарей, а я один во всех лицах! Придется, видно, обходиться подручными средствами, вроде тех, которыми орудовали еще пра-пра-прадеды нынешних сыщиков. Я отправился в магазин, купил пару банок краски, пустые полиэтиленовые пакеты, веревку. Пакеты вложил один в другой, влил туда краску, горловину обвязал веревкой, на концах которой закрепил специальные металлические крючки. Вот и вся сыскная механизация. Долго доводил свою хитрую «аппаратуру» до требуемой кондиции: настраивал, перестраивал, перекраивал. Измаялся, но нужного результата достиг — одна капля краски в десять секунд. Осталось закрепить капельный маячок — так называл я свой аппарат — на объекте. И вновь возник привычный вопрос — как?

Во время загрузки караван наверняка охранялся с особой тщательностью — на высотках и кабинах сидят наблюдатели, возле бортов приглядывают ближние охранники, подъезды и подхо-

ды пасут дальние, в засаде сидит готовая к мгновенной пальбе резервная группа боевиков. Еще бы, деньги-то какие! Тут промахнуться нельзя! А ну, как конкуренты нагрянут? За такой куш можно и шкурой рискнуть! Если у них еще и собачки, то дело совсем кислое. Не подползешь!

Поехали дальше.

На дороге караван, а это машин пять-семь — охрана, начальственный пригляд, один-два грузовика, загруженные товаром и маскировочным грузом — не остановишь. Сомнут! Но даже если остановишь, например, перегородив дорогу бульдозером, неизбежно засветишься, всполошишь все осиное гнездо, завернут на запасную базу, накопительную площадку сменят, деятельность до выяснения обстоятельств свернут. Тишь да гладь! Ищи потом концы!

Нет, силовые методы исключены. Как еще можно остановить караван? Изобразить гаишника, придраться к заляпанным номерам? Не подействует. Разыграть дорожно-транспортное происшествие? Обьедут. С таким грузом на борту они отвлекаться на посторонние дела не будут. Что же может застопорить их движение? С какой силой они вынуждены будут считаться? Войной? Взрывом атомной бомбы? Землетрясением? Против чего не попрешь?

Против поезда! Вот оно!

Преступный караван я решил перехватывать у ближнего к накопительному складу железнодорожного переезда. Миновать этот шлагбаум автомобили не смогут, дорога одна и приведет их прямо-хонько в мои объятия. Здесь они не могут не при-тормозить!

С дежурным по переезду я договорился быстро. Две совместно выпитые бутылки водки и долгий, невразумительный разговор за «праздничным» (для такого дела праздник всегда отыщется) столом сделали нас друзьями не разлей вода. Уже в эту ночь вместо него на пост был вынужден заступить я. Ну как не подмочь новому, своему в доску другану! Натянув форменную фуражку, взяв в руки железнодорожные флажки, я вышел из домика. Здесь через несколько дней мне предстояло встретить миллионный караван. Я не мог одолеть его охрану в открытом бою, но мог попытаться ее перехитрить. Снова и снова я обходил окружающую местность, подсчитывал расстояния, засекал время. И всегда у меня не хватало нескольких метров и нескольких секунд. Я не успевал добежать до машин, не рискуя быть замеченным, не мог спрятаться у обочины так, чтобы дотянуться до ближайшего борта. Время и расстояние работали против меня. Впору было прийти в отчаяние. Но снова на помощь пришла Учебка, раз и навсегда отучившая мыслить стереотипами.

— Не бойтесь парадоксальных вопросов,— постоянно внушали нам.— В самой глупой идее порой скрыто зерно истины. Не комплексуйте. Вам важно найти решение, а не то, как вы при этом выглядите!

И я задал себе «глупый» вопрос. Почему я должен прятаться по обочинам? Потому что это обеспечивает маскировку? Потому что максимально приближает к объекту? А кто это сказал? Обочина потому и зовется обочиной, что располагается в стороне! Ближе всего к машине дорога. Но разве там спрячешься? Гладкая, словно ледовый каток, поверхность дороги освещена и открыта со всех сторон. Даже спичечный коробок на ней не спрятать. А как умудриться укрыть человека? Замаскировать под осветительный столб? Фантастично! И опять же — обочина. Растечься бы водой, влиться в трещины, втереться в жесткую броню асфальта, слиться с ним и восстать в нужный момент! Безумное желание. А почему бы и нет? Если безумие поможет делу, я готов свихнуться немедленно! А вот возьму и вотрюсь, исчезну, стану частью дороги! Кто меня тогда увидит?!

В полночь, отключив свет и перегордив проезжую часть веревкой с табличкой «Ремонт дороги», я взялся за работу. Нет, я не ковырял асфальт, это дело для не имеющего отбойный молоток безнадежное. Я докопался до земли. На стыке дороги и железнодорожной насыпи. Подняв два бревна из защитного настила, я вгрызся в грунт, густо перемешанный с гравием. Никогда в жизни я не работал с таким напряжением. Порой, казалось, не выдержат, лопнут мышцы, взорвется сердце. Мне нужно было успеть до света. И я успел. К утру титанический труд был завершен. В выкопанной яме, если встать на колени, я мог спрятаться с головой. Отверстие я задвинул куском бревна, усилив конструкцию уложенными поперек ямы ломами.

Перед сдачей смены пришедшему в себя дежурному я разбил лампы в двух ближайших фонарях. Свет мне был не в помощь.

Днем в городе на деньги шефа я купил бинокль и новенький, с иголки мотоцикл, которому тут же провел послепродажную подготовку, т.е. соскребок кое-где краску, набил камнем вмятины на баке, заляпал грязью колеса, поцарапал подфарники и навел тому подобный косметический глянец. Теперь он не напоминал новый мотоцикл, что мне и требовалось. Номер я одолжил на ближайшей к магазину импровизированной автостоянке.

В более чем километровом удалении от склада-накопителя я оборудовал наблюдательный пункт. Через двое суток туда подошли машины. Началась погрузка. Мне на все про все оставалось полтора-два часа.

Примчавшись к знакомому переезду, я, потрясая бутылкой водки, наплел знакомцу-дежурному какую-то душещипательную историю и попросил

закрыть шлагбаум перед интересующими меня машинами: «Пойми, друг, это вопрос жизни и смерти! Не подведи!..» — и в качестве аванса распечатал первую бутылку.

Когда собутыльник достаточно повеселел, я, под благовидным предлогом, еще раз десять напомнив о своей просьбе, вышел наружу. Переезд был пуст. Быстро отодвинув фальшивое бревно, я спрыгнул в яму, поставил на место крышку. Для наблюдения я использовал обыкновенное карманное зеркало, просунутое сквозь узкую щель. Водителям проезжающих машин зеркало было совершенно незаметно, а я мог свободно наблюдать дорогу. Время я рассчитал правильно и ждать пришлось не долго. Вот он, интересный мне караван, идет медленно, едва ли пятьдесят километров в час, осторожно. Молодцы, хорошо работают.

Как я и опасался, мой собутыльник, увлеченный усвоением употребленной ликероводочной продукции, колонну чуть не пропустил.

— Эй, служба! Роняй шлагбаум! — закричал я из убежища и одновременно шилом со специально подобранным диаметром иглы проколол мешок с краской.

Дежурный закрутил головой, силясь понять, откуда исходит голос.

— Ты где?

— Давай действуй. У меня живот схватило. Сейчас приду.

Шлагбаум перегородил дорогу. Ну не станут они рисковать, перескакивать через рельсы перед носом приближающегося поезда. Груз не позволит!

Колонна встала. Поезда не было.

— Вы не в Баш-Даг едете? Меня тут просили... — пролепетал трезвеющий дежурный, начиная понимать, что остановил что-то не то.

— Ты что, дядя! — свирепо заорал парень, высунувшийся из кабины первой машины.— Не зли, поднимай свою палку, пока я не вылез!

Машины двинулись. Головную легковушку и еще одну машину я пропустил, но как только на убежище напоззло брюхо грузовика, сдвинул крышку, мгновенным движением зацепил за раму крюк, нырнул обратно, задвинул вход. На все понадобилось не более трех секунд! Все! Теперь подвешенный за веревки мешок будет каждые десять секунд сцезивать каплю краски. Эти, еле заметные для непосвященного пятна на асфальте поведут меня самым прямым путем к цели. Даже если впоследствии мешок обнаружат, то подумают, что случайно зацепили его где-нибудь на дороге. Ну кому придет в голову, что этот грязный, слипшийся полиэтилен — не грязь, а маячок.

Быждав несколько минут, я, на ходу застегивая штаны, зашел в домик, где мой «партнер» по спецработе с расстройств добывал вторую бутылку водки.

— Что, не те?

— Не те. Нашел время на горшок садиться! — возмутился дежурный. — Мне чуть морду не набили!

— Значит, наверное, и не будут, — вздохнул я. — Ладно, поеду, а то живот что-то совсем расхулился.

Выведа из кустов мотоцикл, я не спеша поехал по меченой дороге. Метки, зная примерную скорость машин и время, разделяющее падение капель, я находил легко. Прямо по сказке: прорезал мужике в мешке с пшеницей дыру и так, по упавшим зернышкам, нашел вора. Так и у меня — капля — шажок, капля — шажок, и вот оно логово. Забор, труба, домики. То ли заводик, то ли пионерский лагерь — не понять, если не знаешь. Пристроился себе под пригорком, подымливает трубой, не поверишь, что перевариваются там миллионы и миллионы рублей!

Ближе подходить я не стал. Все мое время. На сегодня шашаб. Агент, он тоже не из железа!

— Где? На каком переезде? — зло спросил Убийца. — Почему молчали столько времени? Я же приказывал рассказывать о любом пустяке!

— О чем рассказывать? Всего-то минутная остановка. Дежурный дурак нас с кем-то перепутал. Я решил...

— Не ваше собачье дело решать. Ваше — докладывать!

— Я не думал...

— Еще раз не подумаете, и думать будет нечем! — сказал Убийца и была это не угроза — приговор. — Готовьте машину. Едем на переезд.

— Папаша, на сегодня твоя работа закончена. Водитель отвезет тебя домой. И на, выпей за наше здоровье, — сунул один из подручных Убийцы деньги в руки ошарашенного дежурного по переезду.

— Но как же так?

— Езжай, отец, и не задавай лишних вопросов! У нас здесь работа, секретная. Понял? Вечером вернешься. — И добавил уже водителю: — С деда глаз не спускать! Будет шебутить — путните, но не до смерти, чтобы к утру был, как огурчик.

Переезд ощупали по сантиметру.

— Ничего нет, — доложили боевики, с неудовольствием выполнявшие не свойственные им функции.

— Ищите еще!

— Так нет же ничего!

— Ищите! Я не верю в случайно появившихся и пропавших приятелей! Даром водкой не поят! Что-то ему здесь надо было. Ищите!

Убежище обнаружили лишь с третьего захода.

Убийца долго стоял над ямой засунув руки в карманы. Потом прыгнул, присел, вылез, снова замер на срезе.

— Значит, таким образом... — сказал он сам себе и, резко повернувшись, пошел к машине. — Яму закопать! Всем возвращаться.

К тому перерабатывающему заводу я подбирался долго. В ночное время облазил все окрестности, наметил точки, с которых удобнее всего вести наблюдение. Днями высиживал в импровизированных убежищах, наблюдал за передвижениями возле объекта: входящими и выходящими машинами, отдельными «пешеходами». По интенсивности отхода дыма из трубы котельной судил о суточном режиме работ, по отдельным ночным огням и вспышкам света — о наличии в том или ином месте людей.

Система охраны лагеря, при внешней ее бестолковости, была налажена идеально. На двух ближайших высотах установлены наблюдательные пункты, снабженные серьезной, если судить по отдельным солнечным бликам, оптикой. В местах наиболее вероятного проникновения любопытствующих поставлены засадные пикеты из двух-трех вооруженных боевиков. Окружающую местность периодически объезжал подвижной патруль на УАЗике, как я понимаю, с целью обнаружения посторонних следов. Часть территории лагеря перекрывала маскировочная, под цвет окружающей местности, сеть. И сверху ничего не разглядишь! Продумано, ничего не скажешь! И еще, наверняка, за простым кирпичным забором идет один-два ряда колючки, между которыми гуляют собачки с зубами, как у нильского крокодила. И еще вокруг понатыканы сигнальные (это дай бог, чтобы только сигнальные!) мины, и дрыхнет в дежурке тревожная группа, способная выдержать часовой бой с батальоном регулярной армии. И еще найдутся, не могут не найтись, другие пренеприятные сюрпризы. Сразу видно, работал здесь специалист. Попроси меня улучшить меры безопасности, не знал бы, что и предложить.

Особо удивляет маскировка. Год просиди — ничего не увидишь! Лишние люди не шатаются, машины без надобности не разъезжают. Все смелы происходят ночью. Засады и НП укрыты так, что пока не наступишь, не заметишь. Даже мусор, по которому можно судить о количестве людей и характере производства, и тот не выбрасывают, а вывозят специальными машинами в неизвестном направлении. Если бы я не знал изначально, что это за лагерь, ей-богу, при поверхностном осмотре поверил бы, что это асфальтовый заводик.

Вот и покрутись! Можно было исползать с биноклем все пригорки в радиусе двух километров, изучить каждый кирпич в заборе и состариться, так и не узнав, что находится за ним. Можно попытаться проникнуть внутрь (но как, каким образом?) и умереть под пулями охранников, оставшись

навек молодым. Выбирай! Но и в том, и в другом случае задание останется невыполненным!

Быть бы мне воробышком, взлететь бы на забор и прыг-скок, чирик-чирик, облететь, обскакать каждый метр секретной территории. Если, конечно, у них в охране кошки не числятся. Но я не воробышек, скорее страус, такой же здоровый, заметный и без крыльев, только и могу, что убежать и от отчаяния башкой о землю колотиться.

Ладно, печалься не печалься — выход один: идти на сближение с объектом. И место для того подходящее одно — холм напротив ворот. Там и забор пониже, и сами ворота «прозрачные», сваренные из арматурных прутков. Там мне и работать!

Я вскрыл боевой, из запасов шефа, контейнер. Такой в нелегальной работе распечатывают в исключительных случаях, когда терять уже нечего.

Я выбрал, подготовил, подогнал под себя маскировочный комбез с расцветкой, близкой к колеру почв, окружающих заводик, опробовал на ноге специальные, на мягкой подошве ботинки. Набил поясной «патронташ» взрывпакетами усиленного действия, световыми, ослепляющими ракетами, сунул пару боевых гранат и пластиковую мину-малютку. Обязательно нож, который может использоваться и как лопата, и как ножницы для резки проволоки, и пару малых — метательных. Долго выбирал оружие. От скорострельного УЗИ, несмотря на всю его внешнюю привлекательность, отказался сразу. Если дойдет до автоматов, мне все одно, что с ним, что без него, не выпутаться. Тут и полевая гаубица не поможет. А таскать ради поддержания иллюзии безопасности лишние килограммы железа и боеприпасов — слишком утомительно.

— Умение отказаться от ненужного оружия отличает любителя от профессионала, — внушал нам инструктор по огневой подготовке в Учебке. — Новобранец увешивается автоматами и пистолетами, как новогодняя елка игрушками, тащит на себе целый арсенал и тем только убыстряет свой конец. Им движет страх! Как будто лишний ствол что-то решает. Профессионал берет не более того, что нужно.

Мое сегодняшнее оружие — скрытность. Для общей страховки вполне достаточно небольшого легкого пистолета с глушителем и пары запасных обойм.

Что еще? Прибор ночного видения, щуп-датчик для нахождения мин, фонарик с узко направленным световым лучом, порошок, отбивающий охоту у собак дышать носом, таблетки стимулятора (с ними я смогу обойтись без еды и сна суток двое), слезоточивые петарды. Пожалуй, хватит, и так набралось порядком. Кто я, спецгент или вьючная лошадь?

И еще я сделал очистительную клизму. А вы как

хотели? Мне несколько дней неподвижно лежать в убежище. Я ж и вчера, и сегодня ел, мне что, под себя ходить? Нет, не пойдет! У настоящего разведчика на задании не только совесть должна быть чистой! Это почти закон.

В ночь, заложив в большую хозяйственную сумку специмущество, выезжаю к месту работы. В базовом убежище переодеваюсь, пригоняю снаряжение, прыгаю, дергаю ремешки. Вроде все нормально, ничего не гремит, ничего не болтается, не мешает. Если бы не было страшно — все-таки лезть волку в пасть, — я бы посмеялся над своим киношным, прямо из подросткового приключенческого фильма, видом. Ладно, после похочу, если будет кому хохотать.

Надвигаю на глаза «ночник» и отправляюсь в путь. Интересное это зрелище — палиться на окружающий мир в инфракрасных лучах. Вот стоит суслик, рядом, можно рукой дотянуться. Вот проползает еж. Оказывается, окружающая природа кишит жизнью, а днем выглядит безжизненной пустыней.

Ближе к лагерю я начинаю работать шупом. После первой сигнальной мины встаю на колени. Техника, она, конечно, техникой, только глаза и пальцы понадежней будут. Прибор ошибиться не боится, ему все равно, рванет или не рванет. В крайнем случае в починку отдадут. А к моему организму запчастей не выпускают. Я товар штучный и для себя особо ценный. Мне ошибаться не резон. Лучше лишний раз поклоняться противнику, чем гордо висеть на электрических проводах.

Буквально по сантиметру, носом над самой землей, ползу я вперед. Вот оно! Тонкая леска натянута над поверхностью почвы. Знаем мы, какую они рыбу ловят! Задень такую снасть, и в лучшем случае взорвется в небо десяток световых ракет или в дежурке запищит зуммер, поднимающий в ружье боевую группу, в худшем — услышишь хлопок, и подпрыгнувшая вверх, словно лягушка, мина наспигует тебя полусотней осколков. Здесь именно тот случай, когда шуп мог и не сработать.

Переползаю леску и почти сразу же напарываюсь на следующую — не вижу даже, чувствую кожей носа! Вот это да! Это значит работал суперпрофессионал, заинтересованный в результате своего труда! Не поленился, поставил одну за другой две натяжного действия мины! Правильный психологический расчет — противник обнаружит одну мину, обрадуется, расслабится, поверит в свои силы, в итоге потеряет бдительность и пропустит второй сюрприз. Что, собственно, и произошло, ведь я ее не увидел, а случайно почувствовал. Теперь останемся, подумаем. Дальше по логике хитрого сапера стоит поставить обычную противопехотку. Пуганная ворона будет снова искать ниточку, а

грунт шупать позабудет. Так? Или нет? Проверим.

Так. Именно так! Вот она, родимая, правда, сигнальная, но от этого не легче. Густо грибков понасадили!

Таким образом, за несколько часов одолев расстояние, которое пешеход пройдет за десяток минут, я приблизился к забору. Дальше можно было только ползти. Такие хитрые маневры понадобились мне, чтобы обойти ближний НП. Черт их знает, может, у них есть приборы ночного видения? До того меня скрывали кусты и мелкие складки местности, а здесь остается только надеяться, что они наблюдают в полглаза: зачем отслеживать собственные тылы, там территория ближней охраны, пусть у них голова и болит. Но подстраховаться все же нелишне. Пусть лучше брюхо от ползаний болит, чем голова от пули.

Достигнув уровня ворот, я вползаю на склон и в месте, где можно видеть внутренний двор, начинаю устраивать убежище. До рассвета время еще есть, и я не спешу. Кто может знать, сколько мне придется высиживать в этой яме? Тут лучше потрудиться больше, но обосноваться комфортней.

Чтобы надежней защититься от любопытных глаз, щель я рою в зарослях густого кустарника. Несколько раз я натываюсь на линияльные змеиные шкурки, слышу шуршание уползающих в сторону рептилий. Похоже, я влез в самый змеиный рассадник, и где-нибудь сейчас в темноте из норки или с веток за мной наблюдают холодные змеиные бусинки-глазки. Это очень хорошо! Это значит, что праздно шатающийся сюда не сунется. Это мне повезло! Лучше сидеть голым задом на гадючьем гнезде, чем оказаться в облюбованном аборигенами-охранниками месте. Со змеями я как-нибудь поладить смогу, они не вредные, без надобности, без предупреждения не нападают, а какой-нибудь нервный или, хуже того, подвыпивший охранник с испугу может и пальнуть в подозрительный бугор. Сколько спецов сгорело только на том, что неудачно выбрали место для засады. Так что давайте, змейки, сползайтесь, вейте свои смертельные кольца хоть на моей голове. Перетерплю!

Убежище — неглубокую ямку (глубокую я бы не осилил, т.к. некуда прятать вынутый грунт) я прикрываю дополнительными ветками, сам накрываюсь маскировочной накидкой, оставив свободным только бинокль. Эта дополнительная предосторожность защищает не столько от людей, сколько от птиц и животных, которые своим изменившимся поведением могут навести охрану на убежище. Природный фактор тоже нельзя недооценивать! Для специалиста даже лишний взлет вороны может стать подсказкой. А специалисты здесь, судя по всему, имеются.

Днем я привычно считаю въезжающие и выезжающие автомобили, людей. Но отсюда я вижу гораздо больше, чем из дальних укрытий. Вот подошел крытый, судя по номерам, местный УАЗик. Из него вынесли поддоны с хлебом. Обед для обслуги и рабочих? Скорее не обед, а суточная пайка. Сколько там буханок? Штук пятьдесят? По полбуханки на брата. Итого, в общей сложности сто человек? Пусть десять буханок резерв, для добавок, для гостей, значит девяносто? Солидно!

Еще одна машина. Легковая. Охранники торопятся открыть ворота. Похоже, начальство. Запомнить лица: овал, цвет волос, глаз, прикус, особые приметы.

Машина с углем. Для чего он? Основного технического процесса? Или производства, прикрывающего нелегальное? Отопления помещений? Бани?

Водовозка. Теоретически в ней, в баке, если занырнуть с дыхательной трубкой с поплавком на конце, можно попытаться пробраться в лагерь. Возьмем на заметку.

Два крытых ЗИЛа. Зашли под навес. Рабочие раскрыли борта, потащили прямоугольные деревянные ящики с ручками по торцам. Что в них? Непонятно.

Снова водовозка. Патрульный УАЗик.

Как жарко. Солнце сквозь редкие ветки кустов нагревает маскировочную накидку. Я густо покрываюсь потом. Этого только не хватало. Потеть мне нельзя. Во-первых, у меня всего одна фляжка воды. Во-вторых, запах пота может привлечь внимание сторожевых собак. Промахнулся я. Все учел — обзор, маскировку, психологию охранников, а вот солнце забыл! Сколько вдалбливали в Учебке про природный фактор, и на тебе! Чуть бы сдвинулся в сторону, и тень была бы гуще. Наука впредь!

Снова грузовик. Опять ящики. Судя по весу, они не пустые, вдвоем еле поднимают. Что же там может быть?

Микроавтобус. Выгружают армейского вида «сундуки». Очень похоже на оружие. Зачем оно им в таких количествах? Своего мало? Непонятно.

Автобус. Привез новую смену рабочих. Запомнить лица. Вдруг встречу где-нибудь на улице, поговорю по душам, расспрошу. Может, и не откажутся, поделятся наболевшим.

Грузовик. Вытаскивают из склада знакомые ящики, грузят внутрь, тщательно застегивают тент. Ничего не понятно! Привезли — разгрузили — загрузили — увезли. Зачем?

От многочасовой неподвижности тело начинает ныть. Если бы не опыт суточных «сидячек» в Учебке, я бы, наверное, не вынес бы и часа подобной утонченной пытки. А я еще недоумевал, зачем нас мучают. Психовал на изуверов инструкторов!

Вдруг страшно зачесалась нога. Терпеть! Нет, не могу, сил нет! Терпеть! Любое движение может привлечь внимание охраны или вспугнуть севшую на куст птицу. Терпеть! Проклятая судьба — ни кашлянуть, ни чихнуть, ни почесаться. Ночью, в темноте, смогу чуть расслабиться — почешусь, поплюю. Хорошо хоть, благодаря таблеткам, есть не надо и, значит, не требуется и все прочее.

Перед самыми руками, буквально заглянув в объектив бинокля, проползает большой черный скорпион. Вот гадость. А если он надумает занырнуть мне под накидку или, того хуже, проползет за воротник? Шевелиться нельзя! Что ж мне его, на теле до ночи греть? Нет, лучше об этом не думать.

Из склада вышел человек в белом медицинском халате, в шапочке, с марлевой повязкой на лице, в резиновых перчатках. Привалился к стенке, закурил. Что за ерунда? Врач-то здесь зачем? При чем в полном хирургическом облачении.

Опять водовозка! Они что, только и делают, что пьют?

Ночью машин почти не было. Не хотят привлекать внимания? Ночные перевозки всегда подозрительны.

Совсем рядом прошел патруль: два человека с собакой на поводке. Ничего не заметили.

Утро. Автобус с рабочими. Хлебовозка. Патрульный УАЗик. Я уже узнаю знакомые фигуры, лица, номера машин.

Порожний грузовик. Тащат ящики. Я, наверное, голову сломаю, гадая, что внутри них! Неожиданно один ящик, выскользнув из рук грузчика, падает, ударяется углом о землю. Трещат, ломаются доски. Сквозь образовавшуюся щель я вижу тускло поблескивающий металл. На грузчика орут, машут кулаками. Ящик поднимают и тащат обратно в склад. Зачем там металл? И почему такой легкий? Вдвоем поднять можно! Может, он польый? Польый! Пустой внутри?

Пустой!!

И вдруг я понимаю все! Совершенно по-новому я оцениваю габариты ящиков — их длину, высоту, ширину, их вес и даже боковые ручки. Я знаю, что внутри! Я догадался! Гробы! Обыкновенные армейские цинковые гробы. Именно такой я рассмотрел сквозь щели в разбитом ящике.

Но зачем?! Вопрос, не имеющий ответа.

Я концентрирую все внимание на ящиках. Замечаю, что загружают их напряженной, чем сгружают, что при загрузке стараются меньше кантовать, держать горизонтально. Отсюда напрашивается вывод, что привозят их порожними, а увозят загруженными. А чем загружают цинковые гробы? Покойниками? Ничего не понятно.

Снова выходит хирург, что-то говорит грузчи-

кам, стаскивает с рук перчатки. Я регулирую резкость в бинокле. А ведь его халат в пятнах крови! И перчатки не такие чистые, как были в первый раз. Неужели?! Но к чему такие сложности — машины, гробы, грузчики? Не проще ли ненужного мертвеца зарыть где-нибудь в степи. Кто его там найдет. К чему врач? Он что, медицинские заключения пишет? Умер от скоротечной чахотки...

Стоп. Я загоняю себя в тупик. Нельзя мыслить так прямолинейно. Раз гроб — значит покойник, раз преступник — значит убийство. Для истины это слишком просто. Для чего еще можно использовать цинковые гробы? Производства батареек? Забавно. Но даже от этой версии я не буду отказываться. Мне важно сломать порочную логику мышления. Перевозки грузов? Да. Но почему в цинках? Чтобы товар не испортился? Чтобы не проявились излишнего любопытства посторонние? А кто для преступников наиболее нежелательный посторонний? Конкуренты? Милиция? КГБ? Бесспорно, в гроб они полезут в последнюю очередь. Но зачем цинки? Для такой цели вполне достаточен обычный гроб. Почему именно цинки?

А может быть, потому, что в них обычно перевозят военных? Именно военных! Значит им нужны военные? Точнее, военные трупы. Опять тот же проклятый вопрос — зачем?

Да затем, что военный груз не будут проверять таможенники! — неожиданно понял я. Да потому, что рядом граница страны, где ежедневно гибнут наши ребята! Вот оно в чем дело! Граница!

Допустим, с той стороны грузится контрабанда. Железкой или самолетом переправляется на нашу сторону. Личные вещи, багаж, ящики с грузом — все может проверить таможня, но вскрывать гробы с павшими героями у них не поднимется рука. Это святое, это неприкосновенное. И значит наиболее удобное и желанное для преступников. Тела погибших солдат!

Что может быть контрабандой? Да все что угодно. Места хватит. Оружие, взрывчатка, доллары, наркотики. А ведь, пожалуй, наркотики. Именно наркотики! В любой упаковке их могут учуять специально натасканные собаки. Но только не в герметически запаенных цинках! Это называется одним выстрелом двух зайцев! Как просто! И как страшно!

Но к чему тогда стягивать сюда местное сырье, перевозку которого я наблюдал недавно? Зачем привозить гробы и тут же увозить снова? Где логика?

А кто сказал, что здесь конечный пункт отправления? Товар нужен везде. Цепочка тянется дальше. И гроб с останками воина продолжает оставаться идеальным контейнером для преступного груза. Так «продукция» расплзается по стране. При-

чем не граммами! Обратным потоком текут деньги. И тоже не тысячами. Сходится?

Нет,— ответил я сам себе,— есть в моих рассуждениях один изъян. Товар нужен не вообще везде, а в строго определенных городах, где его ждут покупатели. Гробы тоже едут в назначенные им города к обезумевшим от горя родителям и женам. Переиначить их адреса, чтобы не возникло скандала, невозможно. Хорошо, если географические точки совпали. А если нет? Ждать, когда подвернется печальная оказия? Надеяться на авось? Для мафии это слишком накладно.

Может, они формируют пустышки? Несуществующий воин как бы гибнет, его отсутствующим телом заполняют гроб и по воображаемому адресу отправляют в определенный преступным сговором город. Там никогда не существовавшие родственники получают дорогое, чрезвычайно дорогое для них тело. Теперь сходится?

Опять нет! Можно протащить одну-две пустышки. Но десятки! А военная бюрократия? Все эти рапорта, формы, извещения? А учет? А рассказы очевидцев? Тут рано или поздно проколешься. Плюс несуществующие в природе родственники, никогда не имевшие детей, но располагающие полным комплектом всех необходимых гражданину страны документов. Не слишком ли сложно?

Не проще ли послать настоящее тело со всей соответствующей документацией действительно скорбящим родственникам? Проще и надежней.

К тому же хирург! — вспомнил я. Белый халат, шапочка, перчатки. Перчатки! Кому взбретет в голову в такую жару таскать на руках резину из удовольствия? Нет, он работает! К тому же кровь. Наверняка он возится с покойниками, и значит гробы не пусты. Значит легальным «грузом»-200 прикрывается груз нелегальный!

Но как они угадывают город?! Посылают в самые крупные — Москву, Ленинград? Сомнительно. Им в первую очередь интересны периферийные районы. Перехватывают гробы на узловых станциях? Но как в этом случае соблудности конспирацию? Опять тупик.

Я запутался окончательно. Я не мог соединить логическую цепочку, хотя был уверен в каждом ее отдельном звене.

Контрабанда накапливается в специальных складах за кордоном, в гроб к погибшему воину подбрасывается 30-40 килограммов товара (я уверен, не сырьем, его найти можно и здесь, высококачественного, готового к употреблению товара!) и еще, может быть, несколько стволов оружия, оно тоже в цене. «Двухсотый» груз пересекает границу, подвозится на этот внешне невзрачный, но отлично охраняемый заводик, гроб вскрывается, товар изымается или, напротив, увеличивается за счет

добавки наркотиков местного производства и идет по адресу.

Но откуда они знают, куда пойдет очередной гроб?! — снова останавливает меня безответный вопрос. Откуда?! Смерть — явление стихийное, кого она выберет в следующий момент, парня из Якутии, Рязани или Поволжья — неизвестно.

А если известно? И я сделал следующий шаг в своих рассуждениях, который все расставил по своим местам! Все! До последней запятой!

Они не ждут случая. Они идут впереди него. Они берут на себя функции судьбы! Право распоряжаться чужой жизнью. Они планируют жертвы заранее и убивают их в требуемый момент. И нужный покойник едет в нужный город — Москву, Рязань или Тамбов!

Технически это сделать несложно. Надо лишь иметь в двух-трех частях своих, способных на хладнокровное убийство людей, своих хорошо оплачиваемых гробовщиков, упаковывающих груз, и своих, оплаченных уже местной мафией, санитаров в моргах, куда груз прибывает. Не самая великая сложность для людей, располагающих деньгами. Крупными деньгами. А судя по масштабам производства — очень крупными деньгами!

Вот какое острое гнездо разворошил резидент. А я еще удивлялся жестокости навязываемых противником правил, чрезмерной, как мне казалось, законспирированностью встреч и связей. Я был не прав. Игра идет самая серьезная. За такую бесперебойно работающую кормушку они, глазом не моргнув, вырежут целую область. А здесь всего-то десяток агентов. К тому же я узнал лишь часть их деятельности. Почти всю — шеф. Всю — наверное, никто.

Ошарашенный и оглушенный своим открытием, я лежал в песчаной ямке, забыв про жару, про змей и даже, в какой-то степени, про осторожность. Я вспоминал, я подсчитывал количество загруженных в машины ящиков. Шесть или восемь? Восемь? За один сегодняшний день! Я выполнил задание, но радости от того не испытывал. Слишком грязное дело я раскопал.

Я продолжал подсчитывать машины, запоминать лица и номера автотранспорта, но делал это механически. Я узнал суть, детали были уже не важны. Бригада следователей по особо важным делам разматывает этот клубок мгновенно — им только дай ухватиться за кончик ниточки. А кончик той ниточки у меня! И получается, рисковать мне никак нельзя. Цена моей головы, за счет заключенной в ней информации, выросла стократно! Я перестал принадлежать себе. Я стал сейфом для хранения особо секретной документации. При пожаре меня нужно выносить в первую очередь, при попытке ограбления — защищать всеми имеющи-

мися средствами. Только ни выносить, ни защищать меня, кроме меня самого, никому! А жаль, похоже, такая помощь была бы мне очень кстати...

Уходить, точнее, уползть я решил часа в три ночи, когда, как показывает опыт караульной службы, всякий часовой испытывает наибольшую от ничегонеделания усталость и желание вздремнуть. Обратный путь я планировал пройти быстрее, часа за два. Как же я ошибался!

В полночь, когда я уже готовился в путь, послышался шум множества моторов. Но ни одна машина к воротам не подъехала. Рокот расползался по сторонам. От лагеря послышались тревожные голоса, выехал патрульный УАЗик и еще одна машина. Что нарушило общий покой? Кто-то посторонний въехал в запретную зону? Или начальство, обеспокоенное расхлябанностью охраны, решило провести ночные учения?

В любом случае мое положение чрезвычайно осложнилось. Вылавливая неизвестных мне нарушителей, равно как и изображая эту охоту, охрана могла случайно зацепить и меня. Я напряженно прислушивался, наблюдал за суетой, поднявшейся во внутреннем дворе лагеря. Куда они направляются? Кого ловят?

Я не мог допустить, что это ловят меня!

Неожиданно со стороны НП в небо взвилась сигнальная ракета и в то же мгновение включились десятки автомобильных фар! Машины стояли друг за другом по всему периметру забора, но, увы, в добрых трех сотнях метров от него. Я оказался в мертвой зоне, отрезанный от Большой земли. Свет фар одного автомобиля упирался в задний борт следующего, тот, в свою очередь, другого и так до последнего, светившего в кормовые подфарники первого. Круг, точнее, квадрат, замкнулся. Заводик оказался окружен световым коридором. Возле каждой машины у радиатора и заднего борта встали по два наблюдателя, еще один с прибором ночного видения взобрался на крышу кабины. Даже маломощные легковушки были мобилизованы на борьбу с темнотой. Словно матерого волка красными флажками, обложили меня со всех сторон светом. Пробраться сквозь световой коридор не было никакой возможности. Даже перебегающий запретную зону суслик отбрасывал по земле хорошо заметную тень, блистал в электрических лучах, как слон на цирковой арене.

В довершение всего захлопали мощные осветительные ракеты. Они рвались почти без перерыва. Не успевала затухнуть одна, как взвивалась другая. Ночь волею какого-то расчетливого и жестокого человека превращалась в день.

Нет, я не боялся. Испуг вообще не свойственен нашей профессии. Испуг для нас равнозначен поражению, поражение — смерти. Единственное, чего

мы должны по-настоящему опасаться — это страха. Я оценил опасность, но не стал впадать в панику. Изменить что-либо было не в моей власти, оставалось выжидать. Рано или поздно, если до того меня не найдут, облаву снимут. Не будут же они здесь в самом деле торчать неделю! Лучше, чем я укрыт сейчас, мне не спрятаться. Значит надо выслеживать, изображая кочку на местности и дальше. Любая суета, попытки спастись лишь убыстрят печальную развязку. Моя сила в неподвижности! Недаром все животные и насекомые перед заведомо сильным врагом замирают, как неживые — авось в траве да листве не заметят. Неподвижность равна отсутствию! Поверим мудрому совету матушки-природы.

Через час в силах противника произошла перестановка. Несколько машин ушло, несколько добавилось. По углам забора выставили мощные дополнительные прожекторы. Но, что самое неприятное, два бортовых ЗИЛа, выехав из ворот, свернули с дороги и встали недалеко от моего убежища. До колеса одного я мог при желании доплюнуть!

Водители и еще несколько вооруженных автоматами человек бродили возле машин, переговаривались, сетовали на idiotские порядки, на ночные тревоги, курили, хлебали воду из фляжек.

Из их разговоров я понял, что облава была начата неожиданно даже для них. Вдруг подняли из постелей, водителям велели залить полные баки бензина и, выехав за ворота, ждать приказа.

Утро ничего не изменило. Машины стояли, как вкопанные, разве только людей поубавилось — часть пошла отдыхать, часть, сведенная в два небольших отряда, прочесывала местность за автомобильным кругом. Очень хотелось верить, что все эти хороводы назначены для отражения угрозы извне, да не выходило — глаза и бинокли наблюдателей у машин неотрывно направлены внутрь круга. Теперь я был уверен — ищут мою персону.

В довершение всех неприятностей ближняя группа водителей и боевиков облюбовала мои кусты под отхожее место. Ну вот если не везет, то уж не везет ни в чем! Мало, что мне приходится сквозь жидкие ветки кустов и просвечивающую ткань маскнакидки, в которую пришлось закутаться с головой, наблюдать не самые лучшие части человеческого организма, того и гляди какой-нибудь наиболее стеснительный боевик надумает забраться глубже в заросли и наступит мне на голову. К тому же, извините за натурализм, случайные брызги, влетевшие в убежище, могут подмочить накидку, и она, потеряв фактуру, станет заметной на фоне окружающего песка.

Вот работенка проклятая! Тебе чуть не на голову дерьмо роняют, а ты вместо того, чтобы возмутиться: «Эй, гражданин, не видите, что ли? По-

аккуратней!» — должен думать о том, как соблести маскировку! Как здесь человеческое достоинство сохранить?

Нет, надо что-то предпринять. Не лежать же в этом сортире еще день! Так и сгореть можно не за понюшку табака.

Уползти без риска быть замеченным, ведь наблюдатели вот они, рядом, буквально в двух шагах, я не могу. Остается по-хорошему убедить страждущих перенести отхожее место куда-нибудь в другое место.

Ночью я, изловчившись, поймал небольшую змею, которых, как я уже говорил, здесь водилось в изобилии, утром — предъявил ее первому подошедшему к кустам боевику. В момент, когда он присел подле моей головы, я толкнул змею ему под ноги. Услышав неясный шорох, боевик обернулся и, обнаружив под своим голым сидением извивающуюся, играющую раздвоенным языком ядовитую гадину, с дикими воплями бросился к машинам, чуть не потеряв нижнюю часть гардероба. Картина была действительно забавная, и его товарищи разразились гомерическим хохотом. Понять их можно — сугки напролет нести скучную до зевоты службу, здесь будешь рад любому сиюминутному развлечению.

Правда, для меня это развлечение чуть не кончилось трагически. Кровно обиженный пострадавший вернулся к кусту и засадил в убегающую рептилию очередь из автомата. А если бы змея надумала уползти внутрь кустов? То-то и оно!

На выстрелы сбежалось начальство и, не стесняясь в выражениях, выговорило нервному боевику за бестолковую трату патронов и напрасно поднятую тревогу. Правильно вставили! Другим неповадно будет за здорово живешь по кустам палить! А промахнись он, отработай очередь сантиметров на сорок левее, и вышла бы ему вместо наказания крупная премия. Бабахнул бы в песок и в изумлении увидел, как из песочных воронок толчками выхлестывает ярко красная кровь!

Следующей ночью я допил последние капли воды. К тому же кончилось действие таблеточного стимулятора. Меня неудержимо потянуло в сон. Не зная, что может ожидать меня завтра, я решил рискнуть выспаться. Нет, я не спал в привычном понимании этого слова, как привыкли обычные наши сограждане, я спал так, как учили — урывками по пять-шесть минут. Я принимал позу, которая гарантировала мне отсутствие храпа (ее, учитывающую индивидуальное строение моей носоглотки, предложили медики еще в Учебке), закрывал глаза и отключался. Ровно через пять минут срабатывало внутреннее реле. Я просыпался, отслеживал обстановку и засыпал снова. Но даже во сне слух мой и обоняние и осязание работали в

полную силу. Любой звук, посторонний запах, сотрясение почвы немедленно возвращали меня в боевое состояние. Конечно, такой сон — непрерывно засыпать и просыпаться — не удовольствие, скорее мука, но он позволял сэкономить силы, сохранить более-менее работоспособную голову.

Следующий день пылал жарой. Я уже не потел, т.к. в организме почти не осталось свободной воды. Температура тела подскочила под сорок градусов. Излишние тепловые калории, поступающие извне, я сбрасывал, зарывая руки в прохладный песок. Ситуация складывалась чрезвычайная. Еще день-два, и я просто умру от обезвоживания! А снимать посты, кажется, никто не собирался. По отдельным долетевшим до меня фразам я понял, что поисковые группы что-то нашли и бдительность была удвоена.

И еще я понял, что не привыкшие трудиться боевики чрезвычайно злы на человека, или людей, доставивших им столько неприятностей, и поймав, непременно выместят на их (читай, моей) шкурах накопившуюся ярость. Ничего хорошего лично мне это не обещало.

Судя по настроению неизвестного мне начальства, блокада будет держаться до победного конца, даже если для этого придется зимовать! Попытки бунта давились беспощадно. Двое наблюдателей, отказавшиеся дежурить вторую ночь подряд, были немедленно разоружены и отправлены в неизвестном направлении. О их судьбе только опасно шептались.

Кто-то упорный и вязкий, как бульдог, вцепился мне в хвост. Надо обладать недюжинной силой воли, чтобы удерживать в подчинении такую массу людей, выполняющих на первый взгляд бессмысленную работу. Надо иметь железные стимулы, чтобы тебе беспрекословно подчинились и честно, без халтуры, работали. Я догадывался, что это за стимулы. Нет, не деньги. Ради них так трудиться никто бы не стал. Не рост по службе. Страх! За свою жизнь. Страх смерти витал над степью. Страх каждую ночь включал десятки автомобильных фар, заставлял напряженно вглядываться в темноту сотню воспаленных глаз. Страх правил здесь бал! И постепенно, сам того не желая, я начинал подчиняться его липкому, заразительному присутствию. Я переставал быть уверенным в себе. Я не знал, что делать дальше. Лежать, постепенно превращаясь в высохшую мумию? Сдаться на милость невидимого, но неодолимо могущественного победителя? Принять отчаянный, заведомо бесполезный, последний бой? Все это обещало одно — смерть и... невыполнение порученного мне задания.

Ночью, чтобы хоть как-то утолить жажду, я поймал и высосал внутренности нескольких больших, пробегающих мимо жуков, к утру собрал языком

выпавшую на фляжке и накидке росу. Я твердо решил держаться до конца, своего ли, облавы — не важно. Непрерывно испытываемые телесные муки подточили мое жизнелюбие. Я готов был умереть, но так, как хотел сам, а не как того желали мои недруги. Уж лучше от обезвоживания. Я так решил!

Но Он решил по-другому! Днем началось траление! К колесному трактору сзади прицепили импровизированную борону — тяжелую металлическую конструкцию, к которой были часто приварены толстые перпендикулярные прутья. Трактор шел впереди, волоча борону по земле, и все живое, попадающее под зубья, давилось и рвалось в клочья. Ни куста, ни холмика не оставалось там, где прошел трал — ровная взрыхленная, искореженная земля.

Он знал, что я здесь, и не оставлял мне ни единого шанса. Он даже не позволял мне умереть так, как хочу этого я. Здесь законом была только и исключительно его воля. Даже случаю не оставалось места!

Квадрат за квадратом обрабатывая землю, трактор постепенно приближался ко мне. Рано или поздно железные когти бороны должны были пройти по убежищу, раздирая, мешая с песком мою плоть. Страшная и, главное, бесполезная смерть! Для того, чтобы подготовиться к смерти или придумать выход из положения, выхода не имеющего, у меня осталось не более 10-15 часов. Примерно через это время трал накроет убежище.

Я лихорадочно перебирал варианты спасения. Оглушить отошедшего в кусты по надобности боевика, надеть его одежду, затеряться в толпе? Но его знают в лицо, его ждут, а толпа разбита на мелкие, хорошо знакомые друг другу группки. Углубить убежище до состояния блиндажа? Непременно услышат, заметят горы свежевырытой земли. Захватить машину и ею, словно тараном, попытаться пробить блокаду? Догонят или, того проще, изрешетят очередями еще на первом десятке метров. Проползти под землей лежащий на поверхности световой луч? Хорошо бы, но для этого надо быть кротом или ящерицей, способной мгновенно с головой зарываться в песок. Эта идея из серии — были бы у меня крылья... Отвлечь внимание охраны и уйти, пользуясь суматохой? Что-то есть. И все же машина... вернулся я к идее с тараном. Машины вот они, рядышком, грех ими не воспользоваться. И, пожалуй, надо! Но не прямолинейно, не как машинами, а совсем по-другому. А? Чем не выход? Конечно, рискованно, наверное, даже авантюрно! Но другого выхода нет. Тут хоть иллюзорная надежда есть, а борона шансов не оставляет. Ну же, решайся!

Глубокой ночью, подготовив к бою оружие, я покинул убежище. Не снимая маскакидки, как

при сверхзамедленной киносъемке, я полз к машинам. Очень медленное движение бывает незаметно даже в упор. Случайный взгляд реагирует на действие, а не на постепенное изменение пейзажа. Мы легко улавливаем ночью даже самую малую вспышку света, но в упор не замечаем начала рассвета. Только вдруг осознаем, что различаем то, что недавно было сокрыто темнотой. Но когда это произошло, никто не скажет. Постепенность равна неподвижности!

Конечно, такие ползанья утомляют больше, чем стокилометровый марафон. Не спешить, плавно, медленно тянуть руку, другую, потом ногу, потом корпус. Ползти, словно разбитая параличом, преклонного возраста улитка. Ме-е-д-лен-н-но-о! Когда все твоё существо рвется вперед, одним прыжком одолеть опасное пространство, достичь убежища и спастись! И выжить! Всего одним прыжком. Ну же. Раз-два. Но нет.

Ме-е-е-д-л-л-л-е-н-н-но-о-о!

Вот прошел кто-то буквально в трех шагах. Не заметил. А если бы я двигался хоть на миллиметр быстрее?

Ну вот и машина! Здесь, в тени борта я увеличиваю скорость. Плавно и длинно я даже не вползаю, а втекаю под днище. Окапываюсь. Теперь все зависит от того, насколько надежное убежище я смогу соорудить.

Бесшумно и опять-таки медленно я копаю узкую, только бы втиснулось тело, траншею. Ложусь на спину, накрываюсь накидкой, засыпаю сверху песком, таким образом, чтобы получилась ровная, гладкая поверхность, без подъемов и выступов. Последним движением руки накрываю голову валом песка. На поверхности оставляю только тонкую дыхательную трубку, замаскированную под сухую ветку. Вообще-то они используются для других целей — переправ через водные преграды, затаивания в озерных камышах, в болотах. Наверное, я один из первых приспособил ее для занывания в песок.

Замираю. Хотя сказать замираю, это не сказать ничего. В сравнении с этой, подземной, многосуточная неподвижность в убежище скоро представится мне неудержимой ритуальной пляской во время темпераментного африканского карнавала. Я знаю, что такое долго человек выдержать не может, если не впасть в состояние, подобное зимней спячке животных. Я должен усмирить свое сердце, органы, конечности, замедлить ток крови в сосудах и оставить живым только одно — слух. Только он будет снабжать меня информацией, связывать с внешним миром. Все прочее должно уснуть, впасть в летаргию. Только это даст мне шанс остаться незамеченным.

День. Где-то рядом, раздирая почву, прошел

трактор. Врубили, но скоро застопорили двигатель автомобиля. Похоже, подкачали колеса. Главное, чтобы водитель не надумал разворачиваться или маневрировать на месте, тогда задние колеса раздвигают меня, как каблук башмака муравья!

Ночь. Подползаю к тихо капающему радиатору. Ах, спасибо шоферу, лентяемуся запасть микротрещины в трубках, слава механику, не заставляющему его это сделать, трижды слава разгильдяйству и безалаберщине, подарившей мне жизнь! Пусть одна махонькая капелька в минуту, за час наберется треть стакана! И все это, не выползая из песка. Просто в земле образовалась маленькая ямка, куда — кап-кап — падает водичка. Никому в голову не придет, что эта темная дыра в песке — мой раскрытый рот. Вот и еще сутки я выиграл!

День. Снова ходят, судя по запаху, курят, хлебуют суп. Им хорошо, а я похудел уже наверное килограммов на десять!

Ночь. Водопой. Аккуратное разминание мышц.

День. Вторым заходом пошел трактор. Он что, сумасшедший? Третий день возить борону, не имея никакого результата?!

Нет, Он не сумасшедший, — отвечаю я сам себе, — Он суперпрофессионал! Он делает то, что должен делать. Он сужает кольцо! Судя по тому, что изредка слышен гул моторов, вторично вычищенное тралом пространство занимают автомобили. Граница движется к забору. А если бы я уже ушел? Неважно, он все равно будет продолжать операцию, разыгрывая ее по заранее написанной партитуре. Если останется лишь один шанс из тысячи отыскать меня, он поставит против 999! И даже если он найдет меня, он не остановится! Вдруг нас было двое или трое, и мой растерзанный труп — лишь подсунутая, в надежде на прекращение операции, пустышка. Нет, он пойдет до конца!

Ночь.

День.

Иногда от переутомления, от голода, от жажды я теряю сознание. Но я знаю, резервы еще есть. Я еще не вычерпан до доньшка! Я еще жив!

Ночь.

День.

Траление почти закончено. Остался последний пяточок перед воротами, где стоят мои ЗИЛы. Когда завтра утром их сдвинут, я останусь один на один с бороней. Я проиграл последний бой. Далее отступить некуда. Пространства для маневра не осталось. И сил тоже не осталось! Трала я почти уже не боюсь. Пять суток я изображал покойника, да собственно говоря, и был им — лежал недвижимо, закопанный в землю — все признаки налицо, разве только гроба не было. И очень жаль, что не было, он для меня по уровню

комфорта был бы равен дворцу!

Смерть для меня стала привычной, как этот, давящий сверху песок. Она не страшит, не ужасает. Мне уже даже не хочется встать, распрямиться напоследок, вдохнуть воздух широко открытым ртом. Мне уже все равно. Я уже умер и похоронен пять дней назад в наспех вырытой полевой могиле. Я капитулировал. Берите меня. Я ваш!

И тут мой противник допустил оплошность! Мизерную, пустячную, почти незаметную, но подарившую мне шанс. Шанс на спасение. Не выдержав многосуточного противостояния с уставшими людьми, возможно, опасаясь бунта, общего неповиновения, Он пошел на микроуступку, разрешил увести машины, стоящие на пути трактора, ночью. Не днем, когда яркий свет вырисовывает каждую складочку на местности. Ночью! Люди хотели наконец выспаться по-человечески — ну сколько можно ночевать в машинах в виду уютных, обжитых домиков! — и Он не смог настоять на своем. Ситуация изменилась. Недельные поиски ничего не дали, результата не было, и непререкаемый авторитет Убийцы дал трещину. Он шел на мелкие уступки, чтобы спасти главное — завтра, в крайнем случае послезавтра, слить круг в точку, уперевшись радиаторами машин в забор.

Враг на мгновение ослабил свою хищную хватку. Не воспользоваться этим было бы глупо.

ЗИЛы запустили моторы. Обрадованные представленной свободой люди даже не стали забираться в кузова — пошли в лагерь пешком. У меня появилась возможность переменить убежище или... Я осмотрелся. Световой круг был рядом. Собственно говоря, темноты, как таковой, уже не было. Отблески близкого электрического света позволяли просматривать каждый квадратный сантиметр почвы. К тому же на взорожденной почве фактически не осталось кустов и холмиков, за которыми можно было укрыться. Голое, как зеркало, пространство не оставляло даже малой надежды на удачу.

Значит — или! Тоже игра на грани фола, но все же... Выбравшись из песка и зарыв яму, я подтянулся руками к раме автомобиля, поднял, закрепил ноги и так, словно банный лист к шайке, прилип к днищу машины.

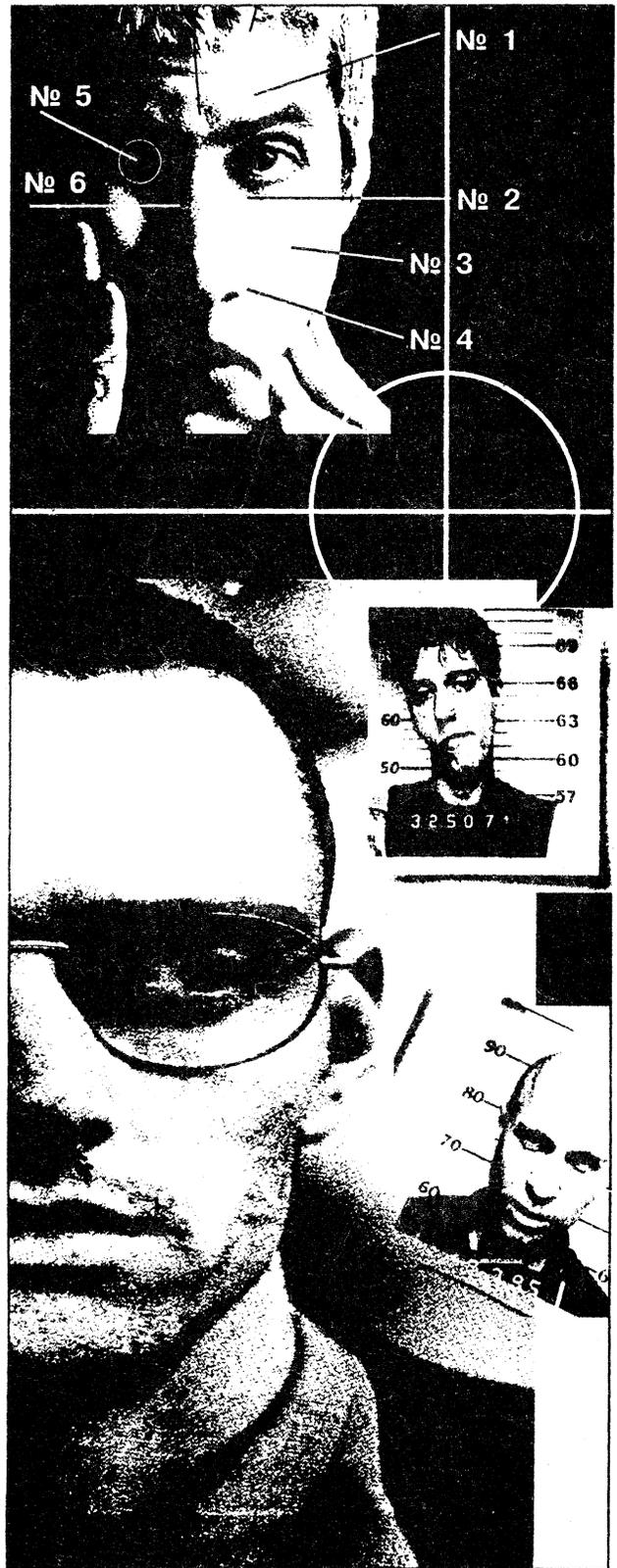
Двинулись! На малой скорости ЗИЛ прошел ворота, остановился. Дежурный охранник запрыгнул на подножку, поговорил с водителем, заглянул в кузов, наклонился, скользнул взглядом меж колес.

— Проезжай!

Есть бог на небе! Пронесло!

Машина зашла под навес, встала рядом с другими. Водители, оживленно матерясь по поводу завершённой операции, ушли вглубь двора.

Тишина.

Оставаться здесь днем было нельзя, сразу заметят. Уйти? Хотелось бы, да как? Забор — он с двух сторон забор! А по столбам забора фонари, а под забором собаки, а за забором зарево фар, а поверх забора датчики индуктивной сигнализации — подлезь ближе чем на два метра — заорут благим матом тревожные сирены! Это называется из огня да в полымя! Похоже, жить мне здесь до старости, изображая кучу ветоши или придорожный камень-валун.

Ладно, сейчас ничего не придумать. Сейчас прятаться надо. Я вспомнил наблюдаемую мною из укрытия машину с углем. Раз есть уголь, значит есть угольная куча. Сойдет. Выбирать не приходится. Сориентировавшись на трубу, я, набросив на плечи случайную телогрейку, открыто, теперь прятаться — только внимание привлекать, но стараясь лишней раз не выходить на свет, дошел до котельной. Вот и куча. Забраться, зарыться в нее было делом минутным. По дороге я не удержался, напился из лужи, заглотив предварительно обеззараживающую таблетку. Противно? А вы посидите неделю в песчаной ямке, как я, потом поговорим, если вы, конечно, сможете из пересохшей глотки извлечь хотя бы один звук.

Днем я сквозь небольшую щель, благо можно было не зарываться в уголь глубоко, т.к. одежда была черная, наблюдал внутренний двор. Вон казарма боевиков, вон склад, отдельно стоящий домик для начальства, «разделочная», где потрошат гробы — все как на ладони. Стоило ли столько времени париться в песке за забором, если все равно попал внутрь?

Итак, сформулируем очередные, а вообще-то те же самые условия задачи — как поскорее и поцелее унести отсюда ноги, если известно, что летать, рыть километровые тоннели и растворяться в воздухе я не умею? Первый пришедший в голову ответ — никак!

Но он меня решительно не устраивает! Значит опять думать, парить мозги, заплетать распрямившиеся во время давешней летаргической спячки извилины. О-ох! Прямо как занудный конторщик — думать, думать, соображать! Хоть бы раз, как в приключенческом романе, размять косточки, пострелять вволю, решить проблему одними усилиями мускулов. А так впору бухгалтерские нарукавники надевать! Секретный агент называется!

И ничего не изменишь — издержки профессии. Одни пашут руками, другие ногами, а я все больше серым веществом, пока оно от перенапряжения красным не станет. Ладно, думать так думать.

К вечеру облава закончилась. Большинство машин въехало во двор. Усталые водители злобились на напрасный труд и бестолковость начальников, курили, жевали, сидя на ступеньках, принесенные бутерброды, дремали, навалившись головами на баранки. Похоже, всех комфортными спальными местами лагерь обеспечить не может. До утра они перекантуются во дворе, а утром разъедутся по своим гаражам. Сейчас бы в этой толкучке, где черт ногу сломит, в этой суете и неразберихе и действовать.

Уйти легально, конечно, не удастся. Каждая машина проверяется. Снова прилепиться к днищу? Но как узнать, какая машина будет уходить ночью? И как держаться на ней, идущей полной скоростью по тряской грунтовой дороге? И как «сойти» незамеченным, если в корму упирается фарами идущая сзади машина?

Лечь на кабину или тент сверху? Но при подъеме на холм мою распластанную фигуру увидит любой стоящий на воротах охранник. К тому же изредка они не ленятся заглядывать наверх.

Как еще можно спрятаться в машине? Среди груза? А какой груз?

Так, пойдем от противного. В каком случае проверка будет более поверхностной? Если охрана будет занята другим делом. Например, если случится какое-нибудь ЧП на внутренней территории завода. Хорошо, какие первые машины выпустят наружу? Естественно, начальства, бензовоз... Какой бензовоз! — ахнул я. — Какое начальство! Дурак! Первым поедет товар! Только он! Один только он! Цена всех этих машин со всеми их потрохами и водителями в придачу — пятак в базарный день в сравнении с одним-единственным контейнером с товаром. Первым пойдет товар! С ним мне и надо быть!

Теперь ЧП. Пожар? Но чтобы вызвать более или менее приличную панику, огонь должен быть не маленьким. Дадут ли разгореться, например, припылающему к основному зданию деревянному сараю? Едва ли. Заметят в самом начале и задавят парой огнетушителей. Тут нужен фейерверк по-серьезней, а лучше взрыв. Ему разгораться не надо. Рвануть пару машин? Цистерну с бензином? Она стоит возле самого здания. Огонь непременно перекинется на деревянные стропила и балки крыши. Пожалуй, цистерна. Дело проще элементарного. Налепить на бак взрывчатку, завести взрыватель минут на десять вперед и...

Но как сделать так, чтобы все было похоже на несчастный случай? Чтобы за отбушевавшим пламенем впоследствии не просчитали мою секретную персону? Пока я могу оставаться невидимкой, мне должно им быть!

Окончание следует

Игорь ЧЕРНОВ

ЯХТЕННЫЙ ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ

«Ну какой может быть яхтинг в Екатеринбурге?» — спросит иной скептик. В лучшем случае, дескать, на весельной лодке покататься разве что можно... Пруд Верх-Исетский на море совсем не похож — значит и яхте сколько-нибудь крупной здесь не развернуться. А если услышит скептик в ответ, что екатеринбургский яхтинг не только существует, но имеет еще солидный вес в российских парусных кругах, — то лишь улыбнется удивленно и недоверчиво, а может, замолчит, пытаясь про себя осмыслить неожиданную новость.

Положа руку на сердце: кто, даже из знающих о яхтах, не удивится, узнав о серьезной спортивной жизни паруса в Екатеринбурге и о строительстве в этом сухопутном городе современных морских яхт.

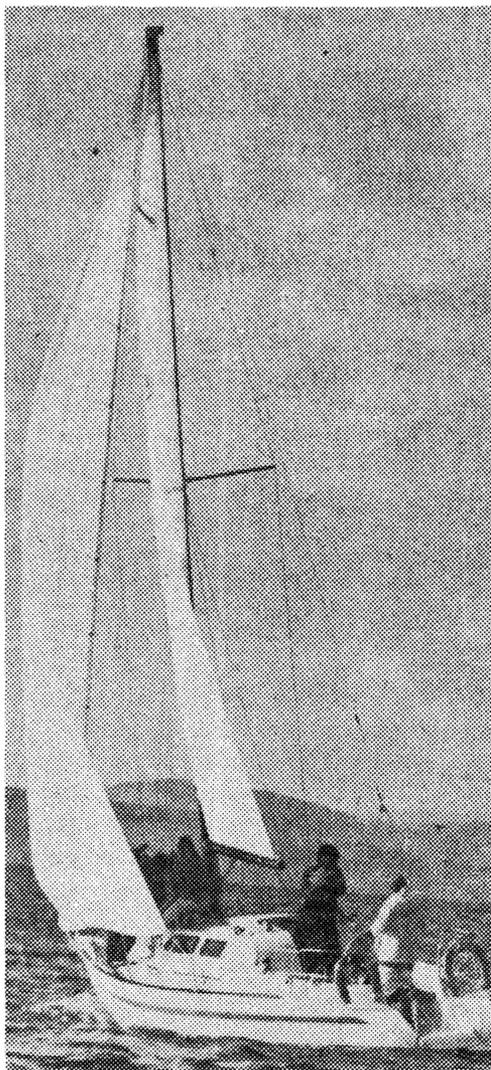
...На память приходит рассказ одного заслуженного яхтсмена о том, как на одном из первых послевоенных чемпионатов страны по парусному спорту его спросили: «А где это вы в своем Свердловске умудряетесь гоняться — там ведь, кроме гор и лесов, нет не то что моря, но и ни одной крупной реки?!..»

С тех пор прошло много времени. Но и сейчас приходится объяснять, что мы тут тоже не щи лаптем хлебаем, что Екатеринбург давно стал солидным яхтенным городом, и есть чем похвастаться — не абы как! И объясняем, и рассказываем об акционерном обществе «Яхтбург», которое, скром-

но умалчивая о своих достижениях, строит великолепные (знатоки парусного спорта подтверждают) яхты класса «Микро»; и, что самое интересное, мы имеем совершенную новинку среди яхтенной продукции — потрясающую и очаровательную десяти-

метровую морскую крейсерско-гоночную яхту «Рикошет 901»... Мы знакомы с НПО «Композиционные материалы» — одним из самых крупных производителей специальных парусных тканей на отечественном рынке; мы говорим об Уральской Яхтенной Ассоциации... Эти фантазии не на пустом месте: парусные традиции давно существуют и культивируются в яхт-клубе Верх-Исетского металлургического завода. И если в городе есть люди, способные много сделать для развития парусного спорта, если они могут строить яхты мирового уровня — то разве Екатеринбург не яхтенный город?

Такое сложное сооружение, как современная морская яхта, требует недюжинной смелости и расчета. Возникшее при заводе гражданской авиации акционерное общество «Яхтбург», нижнетагильская фирма «Казарин и К» и петербургская «Рикошет дизайн-группа» обладали необходимым потенциалом, затеяв яхтенное производство в «сухопутном» городе

на Урале. Надежды и замыслы энтузиастов оправдались.

На «Рикошет 901» приятно смотреть: сами фор-

мы яхты-красавицы склоняют к философским размышлениям о природе красоты и совершенства. Но еще более хочется пройтись на ней под парусами, послушать, как журчит вода у форштевня, почувствовать крен от переменчивого ветра, покачаться на волнах, просто принять в себя это ритмическое завораживающее действие, дающее возможность предельного общения с природой... В этом — прелесть яхтинга, который никогда не дает забыть раз испытанное. Разве можно сомневаться в самой необходимости существования такого вида отдыха, пусть совсем и не дешевого? Яхта прекрасна уже тем, что вызывает к лучшим человеческим качествам, рождает глубокое эстетическое чувство.

В Екатеринбурге не так много яхт, могущих сравниться в размерах с новым полутонником, и, пожалуй, совсем нет таких, которые могли бы предоставить такой же уровень комфорта и ходовых качеств. Любой круиз на этой яхте удался на славу, ибо конструкторы и строители сделали все, чтобы яхтсменам было удобно. Гальюн, камбуз, уютный салон с мягкими диванами, отделка красным деревом и ковровое покрытие — все это делает жизнь на борту яхты приятной. Вшестером здесь не тесно и в дальнем походе, а на обыкновенную прогулку можно выйти и с большим экипажем. Шесть спальных мест — хорошее число и для большой семьи!

Интересны технические особенности яхты. Мачта такой высоты впервые в России сделана цель-

нопрессованной, без стыков. Корпус и палуба изготовлены из стеклопластика на основе смолы для морских яхт. На яхте установлен компактный дизель со специальной трансмиссией, применяемой на парусниках.

Строительство таких яхт делает честь городу, ставя его в один ряд с самыми «морскими» городами. Так что яхтенный Екатеринбург скоро будет известен в мире — первые шаги сделаны.

Одним из таких шагов стала организация в Екатеринбурге матч-рейсинга в классе яхт «Микро». Сейчас эта регата входит в календарь международных соревнований, составляемый парижской штаб-квартирой Ассоциации «Микро».

За небольшое время, прошедшее с момента проведения первого матч-рейсинга, это состязание выросло до высокого профессионального уровня. Нынче пять дней каждого сентября привлекают на Урал яхтсменов-гонщиков экстра-класса из России, СНГ и Западной Европы. Накал борьбы столь высок, что ни один зритель не остается разочарованным.

Матчевые гонки всегда считались самым зрелищным видом парусного спорта, и если раньше об этом можно было только прочесть, то теперь появилась возможность воочию наблюдать эти прекрасные, единственные пока в России, соревнования.

Такие вот дела происходят в «сухопутном» городе Екатеринбурге, не имеющем ни моря, ни речки...

КРИПТОГРАММА

17-14-15-7-18-5 1-2-17-23-5 1-7 11-13-8-20-1-25 13-19-12-13-1-22-3-9 14-13-16-7-10-6-7-1-14-3-16-13-16-2-1-5-7 1-10-2-16-13-16

Разгадав ключевые слова, вы прочтаете высказывание Жюль Верна о науке из романа «Робур-завоеватель». 1-2-1-3 — город, в котором родился Жюль Верн; 4-5-6-7-8-9 2-10-11-2-1 — один из «пушколетчиков»; 12-7-11-7-13-1 14-15-5-8-7-3 — один из невольных обитателей острова Линкольна; 1-2-16-17-18-13-11-13-1-13-14-13-10 — полное имя Наба; 19-7-1 11-20-13-21-14 — прежнее имя Айртон; «22-1-23-5 11-17-11-8-9» — гимн, который пели «пушколетчики»-американцы; «16-13 24-3-13 19-25 3-13 1-5 14-3-2-8-13!» — девиз «пушколетчика»-француза.

Составил Н. КАЛАШНИКОВ, г. Новокузнецк

Ответы на чайнворд «По произведениям бр. Стругацких» (см. № 2):

1. Аыуыхх («Понедельник начинается в субботу»). 2. Хагуфу («Человек из Пасифиды»). 3. Ульмотрон («Далекая Радуга»). 4. Нуси («Отягощенные злом»). 5. Ихтиомаммал («Полдень, XXII век»). 6. Ляпник («Хищные вещи века»). 7. Крук («Полдень, XXII век»). 8. Септопод («Полдень, XXII век»). 9. «Девон» («Хищные вещи века»). 10. Нава («Улитка на склоне»). 11. Арбалет («Трудно быть богом»). 12. «Тестудо» («Забытый эксперимент»). 13. Окада («Полдень, XXII век»). 14. Алакан («Извне»). 15. Новаго («Полдень, XXII век»). 16. Окана («Трудно быть богом»). 17. Андварафорс («Отель «У погибшего альпиниста»). 18. Скорчер («Попытка к бегству»). 19. Рюг («Хищные вещи века»). 20. Гамадрил («Шесть спичек»). 21. Ляхов («Страна багровых туч»). 22. Вах («Улитка на склоне»). 23. «Харибда» («Далекая Радуга»).

Александр СЕМЕНИН

ШПИНАТ

Рисунок Марии БАЖЕНОВОЙ

ем, тот даже в старости не жалуется на боли в сердце и не имеет проблем с пищеварением.

Вот несколько рецептов блюд из шпината.

Зеленая запеканка из овощей. Подготовить 400 г листьев шпината, 400 г капусты, 400 г лука-порея, 100 г свиного сала, 150 г репчатого лука,

50 г сливочного масла, 4 яйца, 250 г сливок, соль и перец по вкусу.

Все овощи кроме лука отварить отдельно друг от друга в течение 30 мин., пропустить через мясорубку и обжарить на сливочном масле. Свиное сало мелко нарезать и тоже обжарить. Затем добавить нарезанный лук, овощи и тушить несколько минут. Снять с огня, добавить взбитые яйца, сливки, соль, перец, перемешать и выложить на плоский противень, смазанный сливочным маслом. Запекать при температуре 180°C в течение 15-20 мин.

Яйца, запеченные со шпинатом. Для приготовления блюда требуется 6 яиц, 1 кг листьев шпината, 250 г щавеля, 100 г сливочного масла, 1 стакан соуса бешамель, 120 г сметаны, 50 г тертого сыра, соль и перец по вкусу. Сварить яйца вкрутую, щавель и шпинат отварить, мелко нарезать и тушить 10-15 мин. Добавить соль, перец, сметану и перемешать. Смазать сковородку сливочным маслом,

выложить в нее приготовленную массу, сверху положить яйца, слегка вмяная их в зелень, залить соусом бешамель (для приготовления соуса надо растопить в кастрюле сливочное масло, добавить муку и, тщательно перемешивая деревянной ложкой, развести молоком, но не на огне, чтобы соус был жидким и без комков. Получившийся соус вскипятить. В таком виде его можно хранить в холодильнике), посыпать тертым сыром и сверху положить кусочки сливочного масла. Сковородку поставить в духовку и дать блюду подрумяниться.

Хороши также грудинка или блинчики, запеченные со шпинатом. Трубочки из теста, в котором запечены листья этого овоща. Суп из шпината и лука со сливками... Словом, изобретательные хозяйки, конечно, сообразят, какое применение найти неприемной полезнейшей травке.

Семена шпината высевают ранней весной (в начале мая, а если есть теплица или надежный парник, — в середине апреля) или 10-15 августа. Шпинат — растение длиннодневное: при июньском и июльском посеве быстро образует стебель и зацветает. Хотя при желании посевы можно проводить и в начале лета. Однако для этого всходы растений необходимо закрывать большим светонепроницаемым ящиком с 8 часов вечера до 7-8 часов утра — таким нехитрым способом вы «удержите» шпинат на коротком дне и не дадите возможности зацвести. На Кавказе и в Средней Азии его обычно разводят как озимую культуру, т. е. семена высевают поздней осенью.

Для шпината отводятся участки с некислыми плодородными (но легкими, не глинистыми) почвами. Земля должна быть умеренно влажной, но без застоя воды.

Сородич лебедеи и свеклы на одних растениях образует только тычиночные, на других — только пестичные цветки. У экземпляров с тычиночными цветками ниже урожайность и пищевая ценность листьев, поэтому при прореживании растений удалять следует именно их.

И наконец, место для посадки этого овоща выберите освещенное, но защищенное от прямых солнечных лучей.

Как видим, «секретов» разведения «экзотической» травки совсем немного. И каждый при желании справится с этой задачей.

Более двух тысяч лет возделывают люди шпинат, но до сих пор в ряде стран слывет он экзотическим овощем. А между тем климатические различия почти не сказываются на разведении этого растения: с одинаковым успехом шпинат культивируют от тундры до тропиков. Среди именитых соседей на грядках он — один из самых полезных, питательных и вкусных. И кроме того, удивительно неприхотлив и непривычно скороспел (дает урожай уже через 3-4 недели после посева).

Что же это за овощ, который никак-таки не получает заслуженного признания у огородников?

Относится шпинат к семейству маревых. Ближайшие его родственники — известные сорные травы лебеда и марь, а также давно «прописавшаяся» на наших полях и огородах свекла. В отличие от своей именитой родственницы, питательных корнеплодов шпинат не образует. Как у щавеля, салата или укропа, у него ценятся листья. Уже через три месяца после посева созревают плоды, а еще через неделю-другую растение отмирает. Однако сбор его листьев проводят значительно раньше — через 20-30 дней после появления всходов. Уже в начальный период развития у шпината формируется прикорневая листовая розетка, которая и подлежит сбору. А сигналом к завершению сбора урожая служит появление у растений облиственных стеблей, несущих жесткие и менее питательные листья.

Шпинат — поистине кладь всевозможных питательных веществ и витаминов, хорошо сохраняющихся при варке и консервировании. Они богаты белками, жирами, углеводами, а также железом, калием, магнием — элементами, выполняющими в организме важную кровяную функцию. Вот почему блюда из шпината служат отличным профилактическим средством от малокровия и заболевания щитовидной железы, входят в состав детского питания, являются ценным диетическим продуктом для пожилых людей. Употребляют целебные листья в сыром и отварном виде, в супах и пюре, всевозможных запеканках и овощных консервах. На Кавказе при выпечке некоторых сортов местного хлеба (лаваша) в тесто обязательно кладут шпинат. А медики подметили интересную закономерность: кто постоянно питается этим растением,

Ольга КОЛПАКОВА

РАЗ ЖЕТОН, ДВА ЖЕТОН...

В апреле 1991 года в Екатеринбурге произошло два замечательных события, так крепко связанных между собой, что вспоминая об одном — более известном, нельзя не сказать и о втором — долгое время оставшемся в тени. Впрочем, все по порядку.

Началось это давно. Быть может, в шестидесятые годы, когда начинался сбор сведений, необходимых для основания строительства метро в третьей столице; быть может, в семидесятые, когда метро уже проектировалось, а может, стоит заглянуть даже в 1863 год, когда начала функционировать первая в мире линия метрополитена в Лондоне. Короче, все это привело к тому, что и Екатеринбург начал прокладывать свою подземку. Сразу же выявились и особенности уральского метрополитена — уникальные гидро-геологические условия. Особо гордиться этим, конечно, не стоит, так как особенности эти вылились (в прямом смысле) на практически готовые станции и туннели, которые приходилось доделывать и перестраивать. А все это опять же вылилось (в переносном смысле) в регулярное откладывание пуска и крупную сумму. Традиционный пример: в Харькове 1 километр туннеля стоил 9 млн. рублей, а в Екатеринбурге — 22, это в середине восьмидесятых годов...

Но вот наступил вышеупомянутый апрель, и первые вагончики покатались от станции «Космонавтов» до станции «Машиностроителей». Метро распахнуло двери для пассажиров и просто любопытствующих. Двери распахнуло, а турникеты защелкнуло, жажда жетончиков. Тут-то и произошло второе событие, напрямую связанное с пуском первой линии екатеринбургского метро: слесарь Юрий Сушенцев положил начало новой ветви своей нумизматической коллекции — стал собирать жетоны (надо сказать, не очень популярный среди нумизматов суррогат). И первыми удостоились чести быть в коллекции именно жетоны екатеринбургского метро — такой вот Юра патриот.

Их всего пять — одинаковые по форме и материалу, но разные по цвету. Красный — именно такой бросали в новенькие турникеты новенького метро в апреле, и серо-сине-голубые — вошедшие в обращение позже. Всего же за четыре года Юрий

собрал больше 150 жетонов разных стран и городов. Кроме транспортных (на подземные и надземные поезда, электрички, на проезд в никарагуанском автобусе), кроме жетона, разрешающего проезд через мост (был, а может, и сейчас такой есть в Англии), много внимания коллекционер уделяет игровым жетонам. Они разноцветные, со смешными рисунками, и очень разнообразные по размеру: от «с копеечку» до «маленькой баранки». Один такой — огромный, принадлежащий хабаровскому казино, — мне пришлось долго крутить, устанавливая нужный ракурс, чтобы полюбоваться на изящно изогнутую девушку в negligee.

Далее в коллекции жетоны времен расцвета социализма — для продуктовых автоматов. На каждом стоят цифры — цена бутерброда, пирожка или стакана чая, но чтобы не бередить ваши души, цены напоминать не стану.

Самые редкие и драгоценные — жетоны 19 века с религиозной тематикой. Выяснить со стопроцентной точностью, как и зачем они использовались, коллекционеру пока не удалось, но он предполагает, что это были сувениры, памятные знаки о каком-то религиозном событии...

Смотрю я на эту странную и в общем-то никакой материальной и практической ценности не представляющую коллекцию, и вертится на языке довольно наглый вопрос: «А зачем тебе, Юра, все это надо?» Ответ меня просто обезоружил. «Ну, просто... интересно... красиво... И гостям показать можно».

Действительно, страсть к коллекционированию объяснению поддается плохо, и истребить ее совершенно невозможно. Юрий вот одержим этой страстью с десяти лет. Правда, первую его коллекцию монет мама потратила на продукты, но это не выбило юного нумизмата из верного русла. И ложились в его коллекции монета к монете, жетончик к жетону. Но был момент, когда судьба нанесла сокрушительный удар как раз по жетонам: екатеринбургское метро, давшее начало его коллекции, вдруг перешло на обыкновенные полтинники, в жетоны не конвертируемые. Жаль, конечно, но Юра не расстроился: скоро новые телефонные жетоны пустят в народ. Есть и для них место в его коллекции.

СТАНЦИЯ «УРАЛЬСКАЯ»

СТАНЦИЯ «ПЛОЩАДЬ 1905 ГОДА»

МЕТРО В ЕКАТЕРИНБУРГЕ СТАНОВИТСЯ ДЛИННЕЕ

ИНДЕКС 73413, ISSN 0134-241X, "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", № 3-4, 1995, с. 1-96

ЧИТАЙТЕ В № 5 - 6 "УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА":

Герой повести «ТАЙНЫЕ ЛЮДИ» успешно преодолевает все препятствия. Однако удовлетворен ли он этим? Завершающие главы повести Владислава КРАПИВИНА полны светлой печали и надежды. 50-летие великой Победы. Ее истоки — неразрывная духовная связь людей тыла и фронта. Новые краеведческие, познавательные и развлекательные материалы под рубриками «ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ», «РОССИИ ЦАРСКОЙ ОРДЕНА», «ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ», «ПУТЕШЕСТВИЯ В ПРОШЛОЕ», «МУЗЫКА И МЫ», «КТО ВО ЧТО ГОРАЗД»